

ПОВЕСТЬ
О РАДЖАХ ПАСЕЯ

حكايت راج فاسي

ПОВЕСТЬ О РАДЖАХ ПАСЕЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПОВЕСТЬ О РАДЖАХ ПАСЕЯ

Перевод с малайского, исследование,
примечания и приложения
Л.В.Горяевой

Москва
2015

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

CXLIV

Серия основана в 1965 году

Наука — Восточная литература

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

А.Б.Куделин (председатель), И.Ф.Попова (зам. председателя),
Н.С.Яхонтова (секретарь), В.М.Алпатов, С.М.Аникеева,
М.И.Воробьева-Десятовская, М.А.Дандамаев, Ю.А.Иоаннесян, В.С.Мясников,
М.Б.Пиотровский, С.М.Прозоров, И.М.Стеблин-Каменский,
А.Ф.Троцевич, А.Д.Цендина, О.М.Чунакова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Делового совета Россия–Индонезия
и Общества российско-индонезийской дружбы

Повесть о раджах Пасея / пер. с малайского, исследование, примеч. и прил. Л.В. Горяевой. — М. : Наука — Вост. лит., 2015. — 190 с. — (Памятники письменности Востока ; CXLIV / осн. в 1965 г. ; редкол. : А.Б. Куделин (пред.) и др.) — ISBN 978-5-02-136610-7

Беллетризованная хроника «Повесть о раджах Пасея» (*Hikayat Raja Pasai*) — самая ранняя из малайских хроник, описывающая события второй половины XIII — середины XIV в. Она посвящена истории северосуматранского княжества Пасей-Самудра: его основанию, принятию ислама его правителями, взаимоотношениям с соседними государствами (Сиамом и Маджапахитом). Мифологические мотивы и легенды переплетаются в хронике с исторически достоверными данными. Книга может представлять интерес не только для специалистов, но и для всех интересующихся историей и культурой средневекового Востока.

© Горяева Л.В., перевод, исследование, примечания, приложения, 2015

© Редакционно-издательское оформление, Наука — Восточная литература, 2015

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959–1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Каталог серийных изданий. 1959–1985». М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога.

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1986.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1987.
- XXXII, 6. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1992.
- XXXII, 7. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VII. Пер. с китайского Р.В.Вяткина. Коммент. Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина. Предисл. Р.В.Вяткина. М., 1996.
- XXXII, 8. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VIII. Пер. с китайского Р.В.Вяткина и А.М.Карапетьянца, коммент. Р.В.Вяткина, А.Р.Вяткина и А.М.Карапетьянца, вступит. статья Р.В.Вяткина. М., 2002.
- XXXII, 9. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IX. Пер. с китайского и коммент. под ред. А.Р.Вяткина, вступит. статья А.Р.Вяткина. М., 2010.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. I. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К.К.Курдоева и Ж.С.Мусаэлян. М., 1986.
- LXXXIII, 2. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. Изд. текстов, исслед., пер. с санскрита и коммент. Г.М.Бонгард-Левина и М.И.Воробьевой-Десятовской. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXIV).
- LXXXIII, 3. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г.М.Бонгард-Левина, М.И.Воробьевой-Десятовской, Э.Н.Темкина. М., 2004 (Bibliotheca Buddhica. XL).
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И.С.Гуревич. Вступит. статья Л.Н.Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнесармянского и примеч. М.О.Дарбинян-Меликян и Л.А.Ханларян. Вступит. статья С.С.Аверинцева. М., 1988.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.

- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И.Е.Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1987.
- LXXXI, 1–4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И.Кычанова. В 4 кн.
Кн. 1. Исследование. М., 1987.
Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1–7). М., 1987.
Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8–12). М., 1989.
Кн. 4. Факсимиле, пер., примеч. и глоссарий (гл. 13–20). М., 1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л.К.Павловской. М., 1987.
- LXXXIII. 'Аджа'иб ад-дунья (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л.П.Смирновой. М., 1993.
- LXXXIV. 'Али ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С.М.Прозорова. М., 1988.
- LXXXV. Аннамбхатта. Тарка-санграха («Свод умозрений») и Тарка-дипика («Разъяснение к своду умозрений»). Пер. с санскрита, введ., коммент. и историко-философские исслед. Е.П.Островской. М., 1989.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.И.Рудого. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXV).
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Изд. текста, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прил. К.Б.Кепинг. М., 1990.
- LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А.В.Парибка. М., 1989 (Bibliotheca Buddhica. XXXVI).
- LXXXIX. Дзэми Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н.Г.Анариной. М., 1989.
- XC. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А.Г.Сазыкина. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXVII).
- XCI. Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1990.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с персидского, введ. и примеч. Е.И.Васильевой. М., 1990.
- XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. Введ., транскрипция, пер., коммент., глоссарий и указатели О.М.Чунаковой. М., 1991.
- XCv. Кабир. Грантхавали (Собрание). Пер. с браджа и коммент. Н.Б.Гафуровой, введ. Н.Б.Гафуровой и Н.М.Сазановой. М., 1992.

- ХСVI. Ме'ор айин («Светоч глаза»). Караимская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. Изд. текста, пер., исслед. и коммент. М.Н.Зислина. М., 1990.
- ХСVII. Норито. Сэммё. Пер. со старояпонского, коммент. и предисл. Л.М.Ермаковой. М., 1991.
- ХСVIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с персидского А.Н.Болдырева при участии С.Е.Григорьева. Введ. А.Н.Болдырева и С.Е.Григорьева. Примеч. и прил. С.Е.Григорьева. М., 1997.
- ХСIX. Хуэй цзяо. Жизнеописание достойных монахов (Гао сэн чжуань). Раздел I. Переводчики. Пер. с китайского, исслед. и коммент. М.Е.Ермакова. М., 1991 (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII).
- С. Биджой Гупто. Сказание о Падме (Подмапуран). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 1992.
- СII. Каталог Петербургского рукописного «Ганджура». Сост., введ., транслитерация и указатели З.К.Касьяненко. М., 1993 (Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- СIV. Мухаммад ибн ал-Харис ал-Хушани. Книга о судьях (Китаб ал-кудат). Пер. с арабского, предисл. и примеч. К.А.Бойко. М., 1992.
- CV, 1. Угаритский эпос. Введ., пер. с угаритского и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1993.
- CV, 2. О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования. Пер. с угаритского, введ. и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1999.
- СVI. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Часть II. О науке рифмы и критики поэзии. Пер. с персидского, введ. и коммент. Н.Ю.Чалисовой. М., 1997.
- СVII. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с арабского, коммент. и введ. З.М.Бунятова. М., 1996.
- СIX. Классическая йога («Йога-сутры») Патанджали и «Вьяса-бхашья»). Пер. с санскрита, введ., коммент. и реконструкция системы Е.П.Островской и В.И.Рудого. М., 1992.
- СX. Малик Шах-Хусайн Систани. Хроника воскрешения царей (Та'рих-и ихйа' ал-мулук). Пер. с персидского, предисл. и коммент. Л.П.Смирновой. М., 2000.
- СXI. Ватсыяна Малланага. Камасутра. Пер. с санскрита, вступит. статья и коммент. А.Я.Сыркина. М., 1993.
- СXII. Джаядева. Гитаговинда. Пер. с санскрита, вступит. статья, коммент. и прил. А.Я.Сыркина. М., 1995.
- СXIII, 1. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 1. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 1997.
- СXIII, 2. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 2. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 2002.

- СХІІІ, 3. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 3. Пер. с китайского, введ., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 2012.
- СХІV. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М.Чунаковой. М., 1997.
- СХV. Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указатели Е.Б.Смагиной. М., 1998.
- СХVІ. Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Пер. с арабского В.В.Матвеева, Л.Е.Куббеля, М.А.Толмачевой при участии Н.А.Добронравина. Предисл. М.А.Толмачевой. Издание подготовлено Н.А.Добронравиним и В.А.Поповым. М., 2002.
- СХVІІ. Запись у алтаря о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с тангутского, вступит. статья, коммент. и словарь Е.И.Кычанова. М., 2000.
- СХVІІІ. История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского, введ., коммент., прил. А.Д.Цендиной. М., 1999.
- СХІХ. Манихейские рукописи из Восточного Туркестана. Среднеперсидские и парфянские фрагменты. Введ., транслитерация, перевод, коммент., прил. О.М.Чунаковой. М., 2011.
- СХХ. Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи. Транслитерация, введение, пер. с ойратского, словарь с коммент., прил. Н.С.Яхонтовой. М., 2010.
- СХХІ. Смешанные знаки [трех частей мироздания]. Факсимиле ксилографа. Вступит. статья, пер. с тангутского А.П.Терентьева-Катанского под ред. М.В.Софронова. Реконструкция текста, предисл., исслед. и коммент. М.В.Софронова. М., 2002.
- СХХІІ. О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си. Пер. с китайского А.С.Мартынова и И.Т.Зюграф, вступит. статья и коммент. к пер. А.С.Мартынова, грам. очерк И.Т.Зюграф. М., 2002.
- СХХІІІ. Сутры философии Ньяя (Ньяя-сутры и Ньяя-бхашья). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.К.Шохина. М., 2001.
- СХХІV. Толкование Корана (Лахорский тафсир). Пер. с персидского, примеч. и указ. Ф.И.Абдуллаевой. М., 2001.
- СХХV, 1. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I. Пер. с китайского, введ. и коммент. Ю.Л.Кроля. М., 2001.
- СХХV, 2. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. II. Пер. с китайского, коммент. и прил. Ю.Л.Кроля. М., 2001.
- СХХVІ. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О.М.Чунаковой. М., 2001.
- СХХVІІ. Сутра Общины белого лотоса: тюркская версия. Факсимиле рукописи. Транскрипция текста. Пер. с раннесредневекового тюркского языка, предисл., примеч., указ. слов Л.Ю.Тугушевой. М., 2008.
- СХХVІІІ, 1. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3 томах. Т. I. Пер. с араб. А.Р.Рустамова под ред. И.В.Кормушина, предисл. и введ. И.В.Кормушина, примеч. И.В.Кормушина, Е.А.Поцелуевского, А.Р.Рустамова. М., 2010.

- CXXXIX. Повесть о махарадже Маракарме. Факсимиле рукописи. Транслитерация, пер. с малайского, исслед., коммент. и прил. Л.В.Горяевой. М., 2008.
- CXXX, 1. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 1. Пер. с ханвьета К.Ю.Леонова, А.В.Никитина. Предисл., вступит. ст., коммент. и указ. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина при участии В.И.Антощенко, М.Ю.Ульянова, А.Л.Федорина. М., 2002.
- CXXX, 2. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 2. Пер. с ханвьета, коммент., предисл. и прил. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина и А.Л.Федорина. Вступит. статья А.Л.Федорина. М., 2010.
- CXXX, 3. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 3. Пер. с ханвьета и коммент. К.Ю.Леонова и А.Л.Федорина при участии М.Ю.Ульянова, предисл., вступит. статья и прил. А.Л.Федорина. М., 2012.
- CXXX, 5. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 5. Пер. с ханвьета, коммент., вступит. статья и прил. А.Л.Федорина. М., 2014.
- CXXXI. Чжоу Цюй-фэй. За Хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. М.Ю.Ульянова. М., 2001.
- CXXXII. Вишну-смрити. Пер. с санскрита, предисл., коммент. и прил. Н.А.Корнеевой. М., 2012.
- CXXXIII. Агван Доржиев. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света (Автобиография). Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского А.Д.Цендиной. Транслитерация, предисл., коммент., глоссарий и указ. А.Г.Сазыкина, А.Д.Цендиной. М., 2003.
- CXXXIV. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди (Чондимонгол). Сказание о Дхонопоти (Дхонопоти упакхан). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 2004.
- CXXXV, 1. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 1. Книги I–VII. М., 2005.
- CXXXV, 2. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 2. Книги VIII–XII. М., 2007.
- CXXXV, 3. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 3. Книги XIII–XIX. М., 2010.
- CXXXVI, 1. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел 1. Небесные чиновники. Цзюань 1. Пер. с кит., вступит. статья, коммент. и прил. С.Кучеры. М., 2010.
- CXXXVII. Памятники малайской книжности XV–XVII вв.: Повесть о победоносных Пандавах; Бухари ал-Джаухари. Корона царей. Пер. с малайского, исслед., коммент., прил. и указ. Л.В.Горяевой. М., 2011.
- CXXXVIII. Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана. Факсимиле рукописей. Предисл., транскрипция, пер. с древнеуйгурского Л.Ю.Тугушевой. М., 2013.
- CXXXIX. Кэйтю. Вадзисёрансё (Исправление царящего в нашей азбуке беспорядка). Введение. Вступит. статья, пер. с японского, коммент. и прил. К.Г.Маранджян. М., 2015.

- CXL. «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.). Изд. текста, пер. с тангутского, введ. и коммент. Е.И.Кычанова. М., 2013.
- CXLI. Цзоуяньшу («Сборник судебных запросов»): палеографические документы древнего Китая. Изд. текста, пер. с китайского, вступит. статья, коммент. и прил. М.В.Королькова. М., 2013.
- CXLII. Ли Сунсин. Военный дневник (Нанчжун ильги). Вступит. статья, пер. с ханмуна, коммент. и прил. О.С.Пироженко. М., 2013.
- CXLIII. Пуджяпада. Сарвартхасиддхи. Вступит. ст., пер. с санскрита, прил. Н.А. Железновой. М.,: 2015.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

- I, 3. Ким Бусик. Самгук саги. Разные описания. Биографии. Изд. текста, пер., вступит. статья, коммент., прил. под общей ред. М.Н.Пака и Л.Р.Концевича. М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Малайская беллетризованная хроника XIV в.	12
«Повесть о раджах Пасея» . Перевод	67
Примечания	123
Приложения	133
1. «Легенда о Самудре»	135
2. Сводная генеалогия Пасея по трем источникам	153
3. «Малайские родословия» о раджах Пасея	154
4. Схема эпизодов сюжета об исламизации Пасея в «Малайских родословиях» и «Повести о раджах Пасея» ...	164
5. Рассказ об обращении в ислам правителя Патани	171
6. «Как Пулау Перча одержал победу над Маджапахитом»	175
Литература	178
Указатель имен собственных	183
Указатель географических названий	186
Summary	189

МАЛАЙСКАЯ БЕЛЛЕТРИЗОВАННАЯ ХРОНИКА XIV в.

Хронику «Повесть о раджах Пасея», публикуемую здесь в русском переводе, традиционно относят к наиболее ранним образцам малайской нарративной прозы. В основе сюжета «Повести о раджах Пасея» лежит мифологизированная в значительной своей части династийная история правителей северо-восточной Суматры — княжества Пасей-Самудра. События, описываемые в хронике, охватывают начальный период истории княжества — с середины XIII до середины XIV в.

Именно Пасей и прилегающие к нему области Суматры оказались в числе первых исламизированных государств островной Юго-Восточной Азии — Нусантары. Вместе с исламом в регион приходит и внедряется традиция арабской книжности, заложившая основы малайской письменной традиции. Первыми образцами малайской литературы, возникшей под воздействием ислама, стали сочинения «из чужих рук»: богословские трактаты, малайские переводы и пересказы наиболее популярных на Ближнем и Среднем Востоке произведений литературы. Наряду с этим начинают появляться и первые оригинальные сочинения, создаваемые на собственном малайском материале. К их числу принадлежит и «Повесть о раджах Пасея».

Легенда о рождении династии правителей Пасея-Самудры, о принятии Пасеем ислама и о последовавших за этим событиях нашла свое отражение не только в «Повести» и отчасти в позднейших малайских хрониках, но и в устной традиции. Основанная на местном материале, тесно связанная с вполне реальной историей и географией Суматры, хроника (или ее фольклорный прототип), без сомнения, является продуктом творчества уроженца тех мест, где развивается ее сюжет. В этом смысле «Повесть о раджах Пасея» безусловно можно считать подлинно малайским творением.

Подобно многим другим образцам средневековой историографии, «Повесть» насыщена мифологическими мотивами и явно вымышленными эпизодами, общеэпическими клише, что, впрочем, не умаляет ее значения как исторического источника. Достоверность многих событий, нашедших свое отражение в хронике, прямо и косвенно подтверждена свидетельствами современников и археологическими данными. Тем не менее «Повесть» в ее дошедшем до нас виде предстает не столько плодом труда придворного историографа, сколько литературным сочинением, со всеми чертами, присущими произведению изящной словесности.

Эти обстоятельства предопределили избранный нами подход к исследованию публикуемого памятника. Текстологическому и литературоведческому анализу должен был предшествовать хотя бы краткий исторический обзор, позволяющий рассмотреть соотношение правды и вымысла в повествовании.

Исторические источники об исламизации северной Суматры

Историческое подтверждение рассказу о первых мусульманских центрах на территории Северной Суматры, содержащемуся в «Повести», можно обнаружить во множестве источников разной степени достоверности, порой противоречащих друг другу; их сравнительный анализ мог бы лечь в основу специального и достаточно объемного исследования. Не пытаясь дать их исчерпывающее описание, мы считаем необходимым остановиться в основном на свидетельствах ряда более или менее непредвзятых наблюдателей, иноземных путешественников той эпохи, следовавших по «морскому Шелковому пути» — из Ближнего и Среднего Востока в Китай — и делавших остановку на Суматре в ожидании попутного муссона.

Для международной торговли области, лежащие по обеим сторонам Малаккского пролива, имели особое значение — не только как перевалочный пункт на долгом пути, но и как место, богатое ценными ресурсами. Сведения о восточном побережье Суматры появляются уже к середине I тысячелетия н.э., чаще — в китайских, значительно реже — в индийских источниках. В числе наиболее ранних свидетельств — китайский источник III в. н.э., рассказывающий о каннибалах, обитающих в области, именуемой Пу-

ло или Було (от мал. *pulau* — «остров») [Andaya 2008, с. 110]. Есть мнение, что речь здесь идет о батаках, обитающих в глубинных районах Северной Суматры, откуда в порты этой части острова могли поставляться такие важные статьи экспорта, как камфора, бензойная смола, перец, а также золото и олово. Помимо этого, в одном из китайских источников середины I тысячелетия н.э. упоминается Барус. По мнению О.У. Уолтерса, Барус находился на северной оконечности острова, и его не следует отождествлять с современным Барусом, расположенным на западном побережье Суматры [Wolters 1967, с. 183]. В целом вопрос идентификации некоторых географических названий, особенно сложной в их китайской транскрипции, но не всегда простой и в передаче европейских путешественников, в отношении ряда топонимов остается нерешенным и поныне.

Арабские и персидские суда часто заходили в порт, именуемый ими Рамни и традиционно отождествляемый с Ламури на самом севере острова. Рамни упомянут в таких сочинениях, как *Ал-Масалик ва-л-Мамалик* («Книга путей и стран») Ибн Хордадбеха и *Ахбар ас-Син ва-л-Хинд* Абу Зейда ас-Сирафи (X в.) [Sauvaget 1948], о природных богатствах Рамни пишет и знаменитый арабский историк X в. ал-Масуди [Tibbetts 1979, с. 104–105]. В китайской исторической хронике «Новая книга Тан» (XI в.) также отмечается наличие на Суматре двух важнейших центров — Шривиджайи на юге и Рамни на севере острова [Andaya 2008, с. 57]. Позднее об этом регионе (именуемом им Лан-ву-ли) пишет в своей книге *Чжу фань чжи* («Описание всего иноземного») китайский чиновник, инспектор торгового ведомства Чжао Чжу-гуа (1225) [Chau Ju-Kua 1911, с. 60, 72, 73].

Поскольку магистральным направлением международной торговли в районе Малаккского пролива был товарный обмен между дальневосточными областями, с одной стороны, и Ближним и Средним Востоком — с другой, прибрежные области малайского мира неизбежно участвовали в ней, поначалу «на вторых ролях», — содействуя транспортировке сравнительно небольших партий ценных грузов, следовавших с запада на восток. Позднее ситуация меняется: объемы торговли резко возрастают, и ее существенной составляющей становятся товары из островной Юго-Восточной Азии. На рубеже XIII–XIV вв. Китай вступает в эпоху социально-экономических преобразований: смена правящих династий, троекратный перенос столиц, монетизация экономики и подъем международной морской торговли. Для западных областей малайского мира этот период был ознаменован упадком островной империи Шриви-

джайи, контролировавшей доселе всю сферу торговли в регионе, и постепенным ростом небольших портовых городов по берегам Малаккского пролива [Heng 2009, с. 2–4].

Города этого типа, которые нередко именовали городами-государствами (*negara kota*), были призваны исполнять по преимуществу экономическую роль. Их местоположение в устьях рек позволяло контролировать, с одной стороны, глубинные районы — источник товаров для экспорта, а с другой стороны — морские пути, движение товаров от одного порта к другому¹. Шривиджайя, ставшая самым ранним образцом объединения прибрежных городов-государств, к XIII–XIV вв. уже катилась к своему закату. Следом за ней на северо-западе Нусантары поднялись новые города-государства: Пасей, Малакка, а позднее Джохор и Аче. Пасей стал первым мусульманским княжеством региона, приняв ислам в 80-х годах XIII в.

К началу II тысячелетия подавляющее большинство купцов, прибывающих в малайские портовые города с запада, были мусульманами — выходцами из юго-западного и юго-восточного побережий полуострова Индостан, Гуджарата, арабских стран и Персии. Естественно, что в числе первых обращенных в ислам оказались жители прибрежных областей северо-восточной Суматры — как торговцы, так и правители, вступившие в торговые отношения с западными купцами [История стран зарубежной Азии в средние века 1970, с. 299]. Процесс их исламизации, однако, вряд ли походил на легенду, изложенную в «Повести о раджах Пасея». Как отмечал Энтони Джонс в своей статье «Исламизация Юго-Восточной Азии», под «обращением» обычно принято понимать факт индивидуального выбора веры по некоторым богословским соображениям. Однако в данном конкретном случае смена религии стала следствием постепенного сближения между коренным населением и мусульманами, а также смешанных браков, в результате чего местные жители становились членами исламской общины [Johns 1993, с. 43–44].

Одной из причин исламизации могло быть и естественное желание правителей прибрежных городов-государств принять исламские нормы торговых отношений с тем, чтобы укрепить свое сотрудничество с купцами из Ближнего и Среднего Востока, подобно тому как это сделал основатель Малакки Парамешвара, принявший новую веру в возрасте 72 лет под именем Мегат Искандар Шах [Coedès 1989, с. 441–443]. За небольшими исключениями, в целом

¹ [Ismail Sarah Mei 2006, с. 7–8]; см. также [Manguin 2002, с. 73–99].

процесс перехода в ислам протекал в Нусантаре достаточно мирно, однако исторические хроники малайского мира весьма скудны информацией об обращении в новую веру простых людей или особенностях общественно-религиозной жизни народа [Azyumardi 2006, с. 3–4, 8–9].

Тема истоков индонезийского ислама была предметом дискуссий в течение по меньшей мере полутора последних веков. Так Й. Пайнаппел связывал его в основном с Гуджаратом и Малабарским побережьем Индии, где уже в первые века ислама обосновались арабы-шафииты [Pijnappel 1872, с. 135–158]. Его точку зрения разделял Х. Снук Хюргронье, добавлявший, что идеи новой веры в Нусантаре распространяли жители этого региона и что значительную роль в основании новых исламских государств там также играли арабы — в особенности те, что считались потомками Пророка и прозывались саййидами или шарифами (цит. по [Drewes 1968, с. 441]). По его мнению, исламизация малайского мира началась не ранее XII в. (цит. по [Azyumardi 2006, с. 11]). Данная версия в известной мере созвучна соответствующему эпизоду «Повести о раджах Пасея».

«Гуджаратской» версии придерживался еще один голландский ученый, Й.П. Мокет, аргументировавший свою точку зрения сходством надгробий XV в., сохранившихся в Пасее (Суматра) и Греси-ке (Ява), с надгробиями Камбея (Гуджарат). Мокет утверждал, что гуджаратцы не только экспортировали в Индонезию надгробия, но что они же привезли туда ислам [Moquette 1912, с. 536–548]. Большинство малайстов (в том числе Р.О. Винстедт, Я. Гонда, Б. Схрике и Д.Дж.Е. Холл) приняли версию Мокета и порой приводили дополнительные аргументы в ее поддержку [Winstedt 1935, с. 29; Gonda 1952, с. 5; Schrieke 1955, гл. 1; Холл 1958, с. 153–155]. Точку зрения Мокета опровергал С.К. Фатими, считавший, что более ранние пасейские надгробия — в частности, надгробие первого мусульманского правителя Пасея — Малик ас-Салеха (ум. в 1297 г.) — скорее напоминают бенгальские, что вероятнее всего их доставляли именно оттуда и, следовательно, индонезийский ислам имеет бенгальские корни (цит. по [Azyumardi 2006, с. 11–12]).

Именно это надгробие, служившее материальным подтверждением истинности описываемых в «Повести» событий, неизменно привлекало внимание историков². Тема его происхождения не за-

² Подробная библиография вопроса содержится, в частности, в книге [Guillot, Kalus 2008, с. 381–390].

крыта и поныне. В своей работе, посвященной могильным памятникам Северной Суматры, британская исследовательница Э. Лэмборн подробно анализирует форму надгробия, материал, из которого оно было изготовлено, и надпись на нем. Она убедительно доказывает, что сам памятник датируется не ранее последней четверти XIV в. и в полной мере соответствует местной традиции *batu Aceh* — раннеисламских надгробий, встречающихся и на Суматре, и на Малаккском полуострове и отличающихся от гуджаратских, которые ввозились на Северную Суматру и Яву в XV в.

Не подвергая сомнению дату смерти правителя, исследовательница предполагает, что существующий памятник, воздвигнутый в промежутке между последней четвертью XIV и второй четвертью XV в., заменил собой старое надгробие (возможно, пострадавшее от времени). Его мог установить или кто-то из последних султанов княжества Самудра-Пасей, или же один из первых султанов Аче, пришедших на смену старой династии. В обоих случаях апелляция к первому исламскому правителю региона была призвана легитимизировать существующую власть — старую или новую [Lambourn 2008, с. 252–286; 2003, с. 221–259].

Оппоненты сторонников «гуджаратской» версии — Т.У. Арнольд [Arnold 1913, с. 364–365] и значительно позднее Дж.Е. Мэррисон [Marrison 1951, с. 31–37], связывали исламизацию малайского мира с Южной Индией — Малабарским и Коромандельским побережьями полуострова Индостан (общей для них была принадлежность к шафиитской правовой школе суннитского ислама), а также с присутствием арабских купцов в регионе начиная с VII–VIII вв. Эта версия также не противоречит данным «Повести», где мекканский шариф по пути на Суматру с вероучительной миссией должен был забрать с собой из страны Менгири (другой вариант — Ма‘абри), т.е. Коромандельского побережья Индостана, некоего факира. Согласно «Повести», этим факиром становится местный султан, оставивший престол на попечение сына и присоединившийся к миссии. Напротив, в Гуджарате, где издавна проживало немало торговцев и мореплавателей, исповедовавших ислам, правители-индуисты сохраняли свою власть вплоть до 1297 г. [Ibid., с. 51], и султана-мусульманина в указанное время там быть не могло.

Версии об арабах–носителях ислама придерживались наряду с упомянутым выше Арнольдом и другие историки, однако в вопросе, откуда именно прибыли в Нусантару исламские миссионеры, между ними не было единодушия: для Дж. Кроуфурда это

была собственно Аравия при участии мусульман восточного побережья Индостана, для С. Кейзера — Египет, для Г.К. Ниеманна и Й. де Холландера — Хадрамаут [Drewes 1968, с. 439]. «Арабской» версии придерживается и известный малайзийский богослов С.М. Накиб ал-Аттас [Al-Attas 1972, с. 33–34]. Нельзя не отметить, что об арабских корнях ислама в Нусантаре говорят и местные хроники. Помимо «Повести о раджах Пасея», это «Малайские родословия» («Сулалат-ус-салатин», или «Седжарах Мелайу»), «Повесть о Маронге Махавангсе» [Samad Ahmad 1979, с. 69; Siti Hawa Saleh 1991, с. 78], хроники султаната Сулу и др., хотя достоверность этих преданий едва ли безусловна.

В числе путешественников — современников эпохи становления Самудры-Пасея принято называть Марко Поло, побывавшего на Суматре, названной им «Малой Явой», на обратном пути из Китая (1292), предположительно в период правления султана Малик ас-Салеха. Пять месяцев он провел в месте, именуемом им Самара, в ожидании попутного муссона. Поло упоминает несколько княжеств региона, расположенных в устьях рек, — Ферлек, Басма³, Самара, Дагройан, Ламбри и Фансур. По его утверждению, из них лишь Ферлек (Перлак) исповедует ислам благодаря контактам с «сарацинскими» купцами, да и то лишь его столичные жители, тогда как «горные люди» (обитатели отдаленных от берега районов) — настоящие дикари и канныбалы. Дикарями же Поло именует и жителей Басма, «не знающих закона и религии». В Самаре, где мореходам пришлось оставаться долго, страх быть съеденными туземцами заставил гостей укрепить все подходы к порту, где стояло их судно. Обитателей Самары Поло называет идолопоклонниками, жителей Дагройана (название это до сих пор достоверно не идентифицировано) — канныбалами, практикующими геноцид — видимо, в отношении соседних племен. К разряду идолопоклонников Поло относит и Ламбри, где якобы встречаются хвостатые люди, и, наконец, Фансур на западном побережье Суматры, до которого, судя по всему, он лично добраться не сумел. Поло называет перечисленные княжества вассалами Хубилай-хана, которые, однако, не платят ему дани [Yule 1875, с. 226–248].

Заблуждения, касающиеся вероисповедования жителей Северной Суматры, были свойственны и позднейшим путешественникам.

³ По мнению Х. Юла, Басма — это Пасей, который арабы именовали Басам, а португальцы — Пасем [Yule 1875, с. 231].

Воспоминания о своем посещении этого региона оставил, например, Лодовико ди Вартема — итальянец, состоявший на португальской службе (ум. в 1517 г.), который, по своему собственному признанию, отправился в путешествие из любопытства. Знаток языков, обратившийся в ислам по имени Юнуса, дабы лучше постичь менталитет народов, с которыми ему предстоит познакомиться, ди Вартема посетил Триполитанию, Египет, Палестину, Сирию, Северную Аравию, Йемен, Персию, Малабарский и Коромандельский берега Индии, побережье Малаккского полуострова. Индонезийская часть его маршрута пришлась на 1505-06 г. и простиралась вплоть до Молуккских островов. Повествуя о Суматре и о лучшем, по его словам, портовом городе на острове — Пидире, ди Вартема пишет следующее: «Там есть четыре коронованных правителя, все — язычники. Их верования и образ жизни в точности похожи на те, что мы видели в Тарнассари (Бирма. — Л.Г.), и они, как и те, сжигают женщин заживо [...]. Они вершат правосудие по тем же правилам, что и в Каликуте» [Bausani 1986, с. 144–157]. Путешественник подробно останавливается на традиционных суматранских статьях экспорта, рассказывает об оживленной торговле, царящей в этой части острова, мореходном искусстве малайцев. Тем не менее причина, по которой ди Вартема следом за Марко Поло называет правителей Северной Суматры язычниками, не увидев в них единоверцев-мусульман, не совсем ясна.

Возвращаясь к вопросу идентификации северосуматранских топонимов в их передаче Марко Поло, следует отметить, что у историков на их счет не было единодушия. По мнению Н.Й. Крома, Басма и Самара — это Пасей и Самудра. Р.А. Керн был согласен с Кромом в отношении Самары, но не считал Басма Пасеем. Позднее Х.К.Й. Коуэн предложил свою интерпретацию: Басма — это Пасанган в устье одноименной реки, а Самара — Самарланга, также лежащая у речного устья. Этим могло бы объясняться и утверждение Марко Поло о том, что население этих мест — дикари либо идолопоклонники. Причаливая в устьях рек, он мог встретить там рыбаков и собирателей, исповедующих первобытный анимизм. Идолопоклонниками же Марко Поло именовал, скорее всего, индуистов, обладавших некоторой системой социальной организации и способных вступать в контакт с прибывшими из-за моря купцами [Hill 1960, с. 10].

Подробные письменные свидетельства о своем пребывании на Суматре оставил арабский путешественник Ибн Баттута (1304–1377). За время своего двухнедельного пребывания при дворе сул-

тана Малик аз-Захира в 1345–46 г. Ибн Баттута смог познакомиться с самыми разными сторонами жизни княжества Самудра-Пасей [Voyages d'Ibn Batoutah 1879, с. 228–239]. Рассказав о природе и естественных богатствах края, о быте местных жителей, он подробно останавливается на сцене своей встречи с султаном, выстроенной по всем правилам придворного протокола. В отличие от своего предшественника, Ибн Баттута свидетельствует, что султан и его подданные исповедуют ислам шафиитского мазхаба. Весьма интересен, на наш взгляд, и поведенный Ибн Баттутой эпизод о военном конфликте между султаном и его племянником из-за женщины, обнаруживающий явные параллели с эпизодом «Повести», где рассказано о конфликте между братьями, Малик ал-Мансуром и Малик ал-Махмудом, по сходному поводу.

Вопрос о том, был ли гостеприимный хозяин Ибн Баттуты, султан Малик аз-Захир, тем же лицом, что и сын Малик ас-Салеха — Малик ат-Тахир, упоминаемый в «Повести о раджах Пасея» и «Малайских родословиях», впервые был поднят А. Марром [Sumatra 1874, с. 44–45]. Известно тем не менее, что неподалеку от могилы султана Малик ас-Салеха находится надгробие, надпись на котором гласит: «Это могила блаженного шахида, покойного султана и сына султана, Малик аз-Захира Шамс ад-дунийа Мухаммада б.ал-Малик ас-Салеха. Он скончался в ночь на воскресенье 12 числа месяца зу-л-хиджжа в 726 г.х.» [Guillot, Kalus 2008, с. 178–179]. Эта дата соответствует 9 ноября 1326 г., так что он мог быть Малик ат-Тахиром, упомянутым в «Повести о раджах Пасея». Из надписи явствует также, что его личное имя было Мухаммад, а Малик аз-Захир — династический титул, унаследованный позднее двумя поколениями его преемников, о чем свидетельствуют нумизматические данные [Krom 1926, с. 392].

Написанные арабским письмом, оба эти имени — Малик ат-Тахир (Царь-победитель) и Малик аз-Захир (Истинный царь) — различаются лишь точкой над буквами *za* ظ и *ta* ط соответственно. А.Х. Хилл усматривает здесь ошибку копииста. Сравнивая генеалогию пасейских правителей по двум источникам — «Повести о раджах Пасея» и «Малайским родословиям», он предположил, что персонаж, носящий в «Повести» имя Малик ат-Тахир, который скончался вскоре после рождения сыновей, препоручив воспитание своему отцу, был вымышленным. В «Малайских родословиях» деяния, совершенные Малик ал-Махмудом, приписываются Малик ат-Тахиру. По его мнению, Тахир и Махмуд — одно и то же лицо,

а Махмуд — это, скорее всего, Мухаммад с надписи на надгробии (ошибка, нередкая при прочтении слов со сходным сочетанием букв). О Мансуре, умершем вдали от родного края, надгробия умалчивают, а цепочка правителей Пасея, о которых рассказано в хронике, выглядит так: Малик ас-Салех (ум. в 1297 г.) — Мухаммад (ум. в 1326 г.) — Ахмад.

По мнению Хилла, султаном, оказавшим гостеприимство Ибн Баттуте в 1345–46 г. был именно Ахмад, хотя его образ, нарисованный арабским путешественником, резко отличается от образа султана Ахмада «Повести о раджах Пасея» — убийцы двух сыновей, сластолюбца, посягающего на честь собственных дочерей, и ставит под вопрос историчность этого раздела «Повести» [Hill 1960, с. 16–19]. Описанное в хронике завоевание Пасея Маджапахитом могло состояться в реальности в 60-х годах XIV в., когда султан Ахмад был уже стар. Согласно «Повести», это завоевание было по сути дела грабительским рейдом, после которого маджапахитцы отбыли на родину с богатой добычей, а пленным предоставили возможность поселиться на Яве в статусе свободных людей.

Реальный Пасей просуществовал еще полтора века после его описанного в «Повести» «завоевания» Маджапахитом. О его влиянии в регионе как мусульманского центра свидетельствуют, например, «Повесть о Патани» [Teeuw, Wyatt 1970, с. 71–75], «Малайские родословия» [Ревуненкова 2008, с. 378–379], а также тот факт, что уже упомянутый Парамешвара — основатель Малакки, принявший ислам под именем Мегат Искандар Шаха, взял себе в жены пасейскую принцессу [Холл 1958, с. 15]. Как самостоятельное государство Пасей прекратил свое существование лишь в 1524 г., перейдя под власть султана Аче.

Рукописи «Повести»

Рукопись А. Вплоть до самого недавнего времени единственным источником, содержащим текст публикуемого памятника, была рукопись под шифром *Raffles Malay № 67*, хранящаяся в библиотеке Королевского Азиатского общества (Лондон). Рукопись входила в состав коллекции манускриптов из собрания Томаса Стэмфорда Раффлза (1781–1826), лейтенант-губернатора английской Ост-Индской компании на Яве в краткий период британского владычества на острове (1811–1815). По его заказу была собрана

и переписана, а позднее вывезена им в Англию коллекция рукописей, хранящаяся ныне в библиотеке Королевского Азиатского общества. Список, содержащий текст «Повести», вместе со всей коллекцией после кончины Раффлза был передан библиотеке его вдовой, и на странице 3 рукописи есть штамп с надписью «Дар леди Раффлз Королевскому Азиатскому обществу, 16 января 1830 г.». В самом тексте имеется дата — 21 мухаррама 1230 г.х. (т.е. 2 января 1815 г.⁴). На последней, 140-й, странице рукописи есть приписка яванским письмом, из которой явствует, что она получена от бупати (наместника) Демака, Кьяи Сурадиманггала в 1742 г. по яванскому календарю, что соответствует 1814-15 г. Это означает, что рукопись была в числе последних, переписанных для Раффлза: большинство манускриптов его коллекции создано не позднее 1812 г. По мнению А.Х. Хилла, исследователя и публикатора «Повести», приписка в конце рукописи была сделана по предложению самого Раффлза перед тем, как ее оригинал был возвращен владельцу⁵.

Заслуживает внимания тот факт, что следом за этой припиской на с. 141–142 рукописи следует список стран, упомянутых в «Повести о раджах Пасея», а следом за ним — список стран-вассалов Маджапахита. Неизвестно поэтому, входили ли эти два списка в состав протографа, принадлежавшего Кьяи Сурадиманггала, либо они были добавлены к рукописи А позднее, в момент ее переписывания для Раффлза.

Личность Кьяи Сурадиманггала заслуживает особенного внимания. Этот яванский аристократ состоял в должности бупати Демака (Центральная Ява) вплоть до 1811 г., когда на Яве появились англичане. С установлением британского владычества на острове Сурадиманггала становится помощником Т.Ст. Раффлза в его научных изысканиях, касающихся Явы, ее истории и культуры. 30 июня 1814 г. он назначается на должность переводчика с малайского и яванского языков в Службе переводов, основанной Раффлзом в Бейтензорге (совр. Богор), и занимает эту должность до июля 1815 г. С конца того же года он возвращается к своим привычным обязанностям в качестве бупати Семаранга, также на Центральной Яве. В библиотеке *India Office* сохранилось его письмо на яванском языке, адресованное Раффлзу, где он напоминает о своих заслугах

⁴ У Расселла Джонса эта дата, данная по хиджре, обозначена как 3 января.

⁵ [Hill 1960, с. 25] (вышел из печати в 1961 г., по другим данным — в 1962 г.).

Первая страница рукописи А

перед британскими властями и сетует по поводу предстоящего восстановления голландского владычества на острове [Ricklefs, Voorhoeve 1982, с. 307]. Имя Кьяи Сурадимангала упомянуто в 15 рукописях из коллекции Раффлза, и все они, кроме недатированных двух, были созданы в период между 13 сентября 1814 и 29 июля 1815 г. По мнению исследователя рукописи *Raffles Malay № 67* Расселла Джонса, нет оснований сомневаться, что она также была создана в скриптории Службы переводов [Hikayat Raja Pasai 1999, с. XV].

О происхождении не найденного доселе протографа, с которого была переписана рукопись *Raffles Malay № 67*, существуют лишь предположения. Г. Древес связывал его с одним из важнейших центров мусульманской учености и письменной культуры в Нусантаре в период XVIII–XIX вв. — Палембангом (Юж. Суматра). В 1812 г. Палембанг подвергся нападению британских военных формирований, которые, по предположению Древеса, могли разграбить библиотеку бежавшего палембангского султана и увезти часть рукописей с собой в Батавию [Drewes 1977, с. 198]. Как бы то ни было, следов этого списка пока не обнаружено.

Рукопись *Raffles Malay № 67* имеет вид тетради, переплетена в черную ткань. Бумага плотная, желтоватая, без водяных знаков. Чернила черные, за исключением написанного красными чернилами слова *Alkesah* («рассказ»), традиционно маркирующего начало очередной главы. Весь текст написан одной рукой, почерк четкий. Текстом занято 142 пронумерованные страницы. Размер страниц 230×172 мм, по 15 строк на странице, размер текста на странице — 163×120 мм. На внутренней стороне обложки есть карандашная надпись: *Hikayat Raja Pasei — Raffles № 67*. Она сделана Х.Н. ван дер Тюком в период его работы над каталогом малайских рукописей из собрания лондонского Королевского Азиатского общества в 1866 г. [Tuuk van der 1866, с. 453].

Вскоре после того как рукопись (тогда единственная) памятника заняла свое место в хранилище Королевского Азиатского общества (1830), лондонскими коллекциями заинтересовался известный французский востоковед, основатель кафедры малайского языка в парижской Школе восточных языков — Эдуар Дюлорье. В 30–40-х годах XIX в. исследователь неоднократно приезжал в Великобританию, где собственноручно сделал копии с целого ряда малайских рукописей из различных хранилищ. Копия со списка «Повести о раджах Пасея» из коллекции Раффлза была выполнена им в 1838 г. Видимо, ему (или же ван дер Тюку) принадлежат несколько ис-

правлений карандашом, сделанных на полях оригинальной рукописи. В 1849 г. Дюлорье опубликовал ее текст в арабской графике в ряду других изученных им малайских сочинений с небольшими правками в тексте: так, в заключительной части он именует это сочинение *Hikayat raja-raja Pasai* (с удвоением слова *raja*) в отличие от значащегося в оригинале *Hikayat raja Pasai* [Dulaurier 1849]. Эта копия хранится ныне в собрании Национальной библиотеки Франции под шифром *Mal.-pol.50* [Sabaton 1912, с. 224], но, по мнению Р. Джонса, почти ничего не дает в плане сверки с исходным списком и не может пролить свет на историю памятника [Hikayat Raja Pasai 1999, с. XIII]. Переписанная Дюлорье рукопись, в свою очередь, легла в основу первого перевода памятника на европейский язык, выполненного позднее другим видным французским востоковедом — Аристидом Марром [Sumatra 1874].

Рукопись В. В 1986 г. в Лондоне была обнаружена и приобретена Британской библиотекой у известного лондонского книготорговца Дэвида Ломэна еще одна рукопись «Повести» (шифр MS Or. 14350). Она датирована 1211 г. хиджры, или 1797 г., и содержит неполный текст памятника. Рукописи **В** посвятил подробную аналитическую статью Э.У. Кратц [Kratz 1989]⁶. Существенным подспорьем для исследователей стала недавняя публикация ее факсимиле в Интернете, осуществленная британской малаисткой Аннабел Гэллоп⁷.

Объем рукописи 83 страницы, примерно по 17 строк на странице. Рукопись написана на голландской бумаге 195×150 мм, размер текста на странице — 150×110 мм. Чернила черные с коричневатым оттенком. Обложка и первые страницы обтрепаны на углах, недостает ряда страниц в середине и конце. Весь текст рукописи выполнен по-малайски (письмом *джави*), на обложке различимы нечитаемые строки бугийско-макассарским письмом.

Рукопись написана одной рукой и содержит два текста. Первый из них — это «Повесть о радже Хандаке (иногда пишется как *Хандик*)⁸, воевавшем против Пророка» (*Hikayat Raja Handik Berperang*

⁶ Здесь и ниже даются ссылки на малайский перевод этой статьи, см.: [Kratz 2004, с. 130–144].

⁷ URL: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=or_14350_fs001r#.

⁸ Здесь и далее мы будем придерживаться написания «Хандак».

لبس
 و سبک نستعين بالله العلي ابن حكاية جبرئيل فری میثا کن راج بیغ فرتام ملو اکام اسلام
 برنام نکر و هاسی مکر دفون جبرئیل اوله او غنیغ امفون جبرئیل نکر بیغ دباو
 اغین ابن فاسید بیغ فرتام عباوق ایمان کن له دان رسوالله مکر امراج دو ابر شودان
 سوزغ برنام راج احمد دان سوزغ غان راج محمد ادفون بیغ تن راج احمد مکر
 بکنده کد و ابر شودان ایت هندیق بر بوقه نکر و سوزغ مکر راج محمد ایت فر کیدای و غنی
 سبک بر عین منیس ربمب ایت مکر اد تغه ربمب ایت بر منون بانغ تر لال ایت تیلر بانغ
 ایت مکر تبسی اوله بر عین ایت تیاد هاسر و تبسی هاسر تبسه قولو مکر بر اشک راج
 کندیری تبسی بانغ ایت مکر هاسر بانغ ایت مکر لیسه اوله راج محمد فر کام تغه بانغ
 ایت اور یغین کونی بلان بشرو مکر هندوقه فارغ اوله راج محمد رنج ایت مکر کلور له
 سوزغ کانونه فر منون تر لال کال بایکل فارغ مکر بوغکنباله کد و غنیغ لالو کسن
 داسبلر کانونه ایت مکر د و کوغش لالوای دباوقی کمال کد و همن کد و لیسه اوله
 استری بکنده راج محمد مند کف کانونه ایت مکر ستر هله د فکنز اوله استری بکنده
 مکر لایوه سمبوق مکر و قلم بکنده د و لای استری ایت مکر لیسه اوله استری بکنده
 بوزوق و منون مکر تر لالوله کجت بکنده لای استری ایت مکر بکنده فون بر خور له
 کده اینه ایت در فر قمارش و اتغ کنده کده اهنه فری بکنده مند ایت کانونه د الم ربع
 بانغ مکر غمای اوله بکنده استری بانغ مکر خله کن بکنده کسره الفوسکل راج د غنی

ایستغ

Начало «Повести о раджах Пасея» в рукописи В

dengan Nabi Allah)⁹. Второй из содержащихся в рукописи текстов представляет собой версию «Повести о раджах Пасея» и следует сразу за колофоном первого текста. «Повестью о раджах Пасея» заняты 75 страниц.

Сравнение ее содержания с содержанием рукописи **A** показывает, что текст «Повести о раджах Пасея» в рукописи **B** дан не полностью: утрачено 17½ страниц, т.е. около 20% объема памятника. Прежде всего, это фрагмент, соответствующий с. 107–110 рукописи **A** (от слов *tiada kumakan* до слов *dicucuknya dengan rotan*), или целому листу (*recto* и *verso*) в формате **B**, между листами 79 и 80 позднейшей карандашной пагинации. Рукопись **B** обрывается на словах *maka tuan puteri pun minta doalah*, находящихся в рукописи **A** на с. 121. По мнению Э.У. Кратца, недостающая финальная часть текста может составлять примерно 7–8 страниц [Kratz 2004, с. 138]. В связи с отсутствием у «Повести о раджах Пасея» колофона единственной, хотя и косвенной, информацией об обстоятельствах написания памятника является колофон первого текста — «Повести о радже Хандаке». Сведения о создателе рукописи, содержащиеся во вступлении к первому тексту и в колофоне к нему, весьма важны для определения как личности самого писца, так и круга читателей «Повести». Вступление к первому тексту звучит так:

«Слава Аллаху, Царю вселенной! Вот правдивый рассказ, написанный на бумаге о том, как пророк наш Мухаммад Мустафа и саййидин Али уничтожили всех неверных при Хунейне. О, благочестивые господа и дамы, особенно малайцы и макассарцы, а также [местные] китайцы, садитесь за чтение этой книги с чисто вымытыми руками, перелистывайте так, чтобы не запачкать, а когда прочтете — бережно обращайтесь с ней, чтобы еще долго люди могли читать ее, и она дарила усладу сердцам скорбящих. Ибо писать — дело непростое, но весьма сложное. Те же, кто взял книгу и прочел ее от начала до конца, пусть да возвратит ее владельцу. Во имя Аллаха...» (Or.14350, f.1r.&v.)

По наблюдению Э.У. Кратца, вступление ясно указывает, что текстами исламской направленности наряду с малайцами и макас-

⁹ Едва ли справедлива оценка Кратцем этого текста как «религиозного». Не углубляясь в его анализ, отметим, что «Повесть о радже Хандаке» — образец малайской беллетристики, эксплуатирующей известные сюжеты о войнах раннего ислама, но построенной в соответствии с законами волшебного-авантюрного жанра *hikayat* (см. [Liaw Yock Fang 1975, с. 168–169]).

сарцами интересовались и читатели-китайцы. Что касается личности писца, то об этом в колофоне говорится следующее:

«Пером нищего многогрешного, с покаянием, грехом и немощью надеющегося на прощение¹⁰ Энче Усманом написано сие в Семаранге. Он — сын малайского писца из Макассара. О вы, читающие „Повесть о радже Хандаке“, обращайтесь к чтению ее со всей истовостью и соблюдением чистоты. Если что-то в ней написано нескладно или пропущено — добавьте сами, а если что-то сказано лишнее — сокращайте, ибо писавший сие неумел и бестолков, способностями своими он ниже всех сотворенных Аллахом в мире сем. Зовут же владельца этой книги Энче Усеп или Кари Телоло, пребывающий в Макассаре в деревне Беликанг. Списана она была с рукописи малайского капитана из Семаранга по имени Абдуллах. У Аллаха надо искать помощника в том, что вы расписываете¹¹. Переписана в малайском кампунге Семаранга в доме Энче Джохара 8 ша'бана года Алиф 1211 по хиджре Пророка, да благословит его Аллах и да приветствует!» (Or.14350, f.45v.)

Как отмечает исследователь, колофон указывает на наличие тесных контактов между малайскими общинами вне исконно малайских территорий, на их интерес к малайской письменной словесности и на простоту, с которой рукописи переписывались и доставлялись из одного региона в другой. Что касается упомянутого капитана Абдуллаха, то он, возможно, также был обладателем списка «Повести о раджах Пасея», написанного следом за «Повестью о радже Хандаке», хотя не исключено и обратное. Дата переписывания «Повести о раджах Пасея» неизвестна, но очевидно, что работа над ней не могла начаться ранее завершения работы над «Повестью о радже Хандаке» [Kratz 2004, с. 136–138].

Соединение в рамках одной рукописи двух таких сочинений, как «Повесть о радже Хандаке» и «Повесть о раджах Пасея», выглядит вполне органично. И тот и другой тексты, хотя и имеющие под собой некоторую, заметно трансформированную, историческую основу, воспринимались как тексты беллетристические по преимуществу — об этом свидетельствует предложение читателям редактировать рукопись, вносить добавления или сокращения по собственному произволу. Из двух памятников рукописи **В** наиболее

¹⁰ В тексте по-арабски.

¹¹ В тексте по-арабски. Коран 12:18; пер. И.Ю. Крачковского.

далека от реальности как раз «Повесть о радже Хандаке». О ее популярности у читателей косвенно свидетельствует и обилие списков памятника: рукописи «Повести» имеются в собраниях Великобритании, Голландии, Франции, Германии, не говоря уже о 11 списках, хранящихся в Национальной библиотеке Республики Индонезия, также существуют и ее переводы на другие языки Индонезии — макаassarский и сунданский [Liaw Yock Fang 1975, с. 168–169].

По мнению Р. Джонса, рукопись **В** не была протографом рукописи **А** [Nikayat Raja Pasai 1999, с. XV]. Дефекты первых ее листов весьма значительны, однако последние страницы не испорчены и прекрасно читаются. Общими для двух текстов списка **В** являются и особенности их орфографии (*h* в конце таких оканчивающихся на гласный слов, как *segerah*, *bagindah*, *q* в конце слова *pula* — *pulaq*, написание слова *bawa* как *baut* и т.д.).

Примечательно, что ни Э.У. Кратц, ни Р. Джонс не подвергают сомнению данные о писце рукописи **В** — они отождествляют его с лицом, упомянутым в «промежуточном» колофоне. Неизвестно, однако, завершал ли текст «Повести о раджах Пасея» колофон, подобный тому, который следует сразу за «Повестью о радже Хандаке», и какую информацию он содержал. Оба текста рукописи **В** писаны одной рукой, и следом за первым из них на оборотной стороне того же листа (f. 45) начинается второй. Это позволяет предположить, что копиист воспроизвел этот «промежуточный» колофон вместе с «Повестью о радже Хандаке», списав его с какого-то не дошедшего до нас протографа, где данный колофон находился в конце рукописи, а затем, не прекращая работы, принялся переписывать следом «Повесть о раджах Пасея».

В арабописьменной традиции «промежуточные» колофоны — явление достаточно распространенное, зачастую маркирующее конец одного произведения перед началом следующего (см., напр. [Déroche 2005, с. 318–319]). Иногда писец, делавший копию с некого оригинала, воспроизводил в своей рукописи не только текст исходного списка, но и его колофон: о подобных случаях в персидской традиции упоминает, например, О.Ф. Акимушкин [Акимушкин 1984, с. 8–56]. Согласно данным каталога малайских рукописей, хранящихся в библиотеке Лейденского университета, таковое было не редкостью и в Нусантаре, причем случалось, что писец последнего по времени списка указывал в колофоне две даты — написания «оригинала» и даты завершения собственной работы [Catalogue 2007, с. 22, 26, 79, 83 и др]. Если колофон в середине

рукописи **В** был сочинен писцом предшествующей рукописи — протографа — и содержащиеся в нем данные относятся не к **В**, а именно к нему, то ставятся под вопрос и дата завершения работы и личность самого писца. О подобных ситуациях пишет в своей, посвященной колофонам, статье и известный текстолог-малаист А. Шамбер-Луар [Chambert-Loir 2006, с. 364].

Как уже было сказано, оба списка, **А** и **В**, территориально связаны с Центральной Явой. В «промежуточном» колофоне рукописи **В** содержится указание, что содержащаяся в ней «Повесть о радже Хандаке» была написана (т.е. переписана, скопирована) в Семаранге. Не более чем семнадцатью годами позже с неизвестного протографа переписывается для Раффлза рукопись **А**, полученная от бупати Демака (а впоследствии бупати Семаранга) — Кьяи Суради-манггала. Как известно, в указанный период Семаранг был одним из центров малайской книжности, куда могли приезжать писцы из других областей малайского мира, переписывать и увозить с собой наиболее интересные тексты (возможно, именно таковой была история возникновения макаassarского перевода «Повести о радже Хандаке»).

Из колофона явствует, что рукопись «Повести о радже Хандаке», принадлежавшая капитану Абдуллаху, была скопирована в Семаранге макаassarцем Энче Усманом, который намеревался увезти эту копию с собой на Сулавеси. Однако об обстоятельствах появления самой рукописи **В**, и в особенности ее второй части, сведения отсутствуют. Возможны две версии ее создания: либо сам Энче Усман продолжил начатую работу и присовокупил к первому тексту («Повести о радже Хандаке») второй («Повесть о раджах Пасея»), либо неизвестный переписчик сделал копию с «макаassarской» рукописи, и добавление к первому тексту «Повести о раджах Пасея» — дело его рук.

Место, где была переписана рукопись **В**, определить едва ли возможно. Рукопись могла быть создана в Макассаре после того, как Энче Усман благополучно доставил заказчику переписанную им «Повесть о радже Хандаке», и новый, неизвестный нам переписчик создал с нее свою копию, добавив встык к первому тексту еще один — «Повесть о раджах Пасея». Равным же образом рукопись могла быть создана в Семаранге, незадолго до того, как Энче Усман увез ее протограф на Сулавеси. Как бы то ни было, сведения о судьбе **В** (вплоть до 1986 г.) отсутствуют, поэтому можно лишь гадать о времени и месте ее создания.

Карта Северной Суматры

Рукопись А отличает от В одна важная особенность. Заказанная Раффлзом копия, написанная «начисто», четко и разборчиво, содержит ряд небольших пропусков в тексте, очевидных даже для очень искушенного читателя. Создается впечатление, что копиист А выполнял свою работу в спешке. В своем последнем издании транслитерации «Повести о раджах Пасея» (1999) Р. Джонс специально помечал в тексте подобные пропуски, которые ему удалось реконструировать на основе рукописи В. Вот несколько примеров:

А	В
/5/ Maka sabda baginda [...] laki isteri pun bermohonlah kepada adinda laki isteri lalu kembali.	/46r/ Maka sabda baginda: <i>Berbahagiaalah adinda beroleh anak, akan kakanda juga belum lagi boleh anak. Maka baginda</i> laki isteri pun bermohonlah kepada adinda laki isteri lalu kembali.
/10/ Maka terlalulah [...] amat baik parasnya.	/47v/ Maka <i>terlalu amat sukacita raja Ahmad dengan tuan puteri sebab melihat rupa kanak-kanak itu</i> terlalu amat baik parasnya.
/25/ Setelah [...] maka berapa lamanya berlayar maka sampailah ia ke negeri Ma'abri itu.	/52v-53r/ Setelah sudah <i>maka Syaikh Ismail pun naiklah ia ke kapal maka lalu ia berlayar. Hatta</i> maka berapa lamanya berlayar, maka sampailah ia ke negeri Ma'abri itu.
/20/ Maka disuruh oleh Megat Sekandar pada segala rakyat membawa beras seorang sekampit dan [...] seorang seekor akan membawa pekerjaan itu.	/51r/ Maka disuruh oleh Megat Sekandar pada segala rakyat membawa beras seorang sekampit dan <i>hayam</i> seekor seorang akan membawa pekerjaan itu.
/49/ ...karena firman Allah Taala dalam Quran demikian [...] ertinya: Barangsiapa...	/60v/...karena firman Allah Taala dalam Quran demikian bunyinya: <i>Wa man lam yahkumu bi ma anzala'llahu fa-ula'ika humu'l khasiruna</i> , ertinya: Barangsiapa...

Первые три примера свидетельствуют о распространенной ошибке, присущей и переписчику рукописи А: пропуску слова (группы слов) в соседних строках, если такое же слово находится строкой ниже (в данном случае — *baginda, terlalu amat, setelah...*

така)¹². Четвертый пример — случайный пропуск слова, восстановить которое помогла рукопись **В**. Пятый из приведенных примеров — особый случай: здесь копиист, как иногда бывает, опустил иноязычный (в данном случае арабский) текст и сразу перешел к его переводу на малайский («ибо повелел Аллах в Коране следующее [пропуск], что означает...»), избежав тем самым возможных ошибок в правописании.

По-видимому, оба известных нам списка «Повести» — **А** и **В** — восходят к одной и той же версии памятника. Очевидно, что недостающие фрагменты текста рукописи **В** связаны скорее всего с ее физической порчей, а не с целенаправленным редактированием. Не следует забывать, однако, что отсутствие финального фрагмента «Повести» в этой рукописи лишает исследователей очень важной информации. Невозможно установить, например, был ли в рукописи **В** (или ее протографе) список стран-вассалов Маджапахита, которым завершается текст «Повести о раджах Пасея» в списке **А** и который косвенно свидетельствует о позднейшем яванском влиянии на памятник. К этому вопросу мы вернемся при рассмотрении событийной структуры произведения.

Издания и переводы «Повести о раджах Пасея»

Первой, уже упомянутой, публикацией текста «Повести» в арабской графике было парижское издание, осуществленное Э. Дюлорье в 1849 г. По мнению Р. Джонса, оно во многом превосходило последующие издания [Nikayat Raja Pasai 1999, с. XVI], но в текст была внесена существенная правка: на последней странице название «Повести» — *Nikayat Raja Pasai* — было заменено публикатором на *Nikayat Raja-Raja Pasai*. Как уже было сказано, издание Дюлорье легло в основу перевода памятника на французский, выполненного Аристидом Марром в 1874 г. [Sumatra 1874].

Вторично текст «Повести» был опубликован в транслитерации на латиницу в 1914 г. [Mead 1914]. Это издание было подготовлено Дж.П. Мидом, чиновником Федерации малайских государств, находившейся тогда под протекторатом Великобритании. Транслите-

¹² Такого рода ошибки были, видимо, нередки у копиистов, работавших в скриптории Раффлза и копировавших рукописи, ставшие затем частью его коллекции (см. [Памятники малайской книжности XV–XVI вв. 2011, с. 331, сноски 5–7]).

рация изобиловала ошибками, поскольку при печатании текста в Сингапуре не проводилась необходимая сверка с оригиналом, находящимся в Лондоне. В заглавии «Повести» было сохранено множественное число: *Hikayat Raja-Raja Pasai*.

По решению Совета Малайского отделения Королевского Азиатского общества («Malayan Branch of the Royal Asiatic Society») в конце 40-х годов XX в. было задумано третье издание памятника. Текст «Повести», опубликованный Мидом, должен был быть отредактирован и сопровожден аннотированным переводом. Более чем десятилетие спустя это издание было осуществлено А.Х. Хиллом на страницах виднейшего журнала, посвященного исследованию малайского мира, — «Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society» (*JMBRAS*) [Hill 1960]. К сожалению, из-за внезапной кончины д-ра Хилла в авиакатастрофе в январе 1961 г. верстка работы не была вычитана перед ее публикацией. Кроме того, в журнале была опубликована не окончательная версия, но одна из начальных [Hikayat Raja Pasai 1987, с. IX], что, в свою очередь, не могло не сказаться на качестве издания, содержащего немало ошибок. Продолжатель дела А.Х. Хилла — редактор журнала *JMBRAS* и куратор Музея Раффлза в Сингапуре С.А. Гибсон-Хилл, готовивший издание текста, успел выполнить прорисовку географических карт, но вскоре также скоропостижно скончался. Работу над изданием памятника продолжил Дж. Боттомс, и после дополнительной сверки и правки текст «Повести» должен был быть опубликован отдельной книгой в издательстве Дональда Мура в Сингапуре. Однако вскоре работа была прервана кончиной Боттомса (1965), и в течение последующего десятилетия в распоряжении читателей, интересующихся малайским письменным наследием, по-прежнему оставалась лишь журнальная версия Хилла. Тем не менее его публикация стала важнейшим этапом на пути изучения «Повести».

В 1973 г. памятник вышел из печати отдельным изданием под названием «Пасейская хроника: исторический обзор», его публикатором стал Теуку Ибрахим Алфиан [Teuku Ibrahim Alfian 1973]. По мнению Р. Джонса, в этой книге содержится ряд полезных примечаний, которыми он обязан своего хорошему знанию области Пасей, но издание самого текста рукописи все же несвободно от недостатков.

Современный исследователь «Повести о раджах Пасея» и автор трех посвященных ей публикаций — Расселл Джонс — впервые обратился к тексту памятника в конце 40-х годов XX в., в свою

бытность студентом малайского отделения Лондонского университета. Позднее он познакомился с текстом, подготовленным Хиллом, однако сверка его транслитерации с факсимиле рукописи указала на наличие ошибок, имевшихся также и в тексте Мида. Будучи преподавателем Сиднейского университета, Джонс предложил своим студентам выполнить заново транслитерацию текста на латиницу и снабдить ее указателями имен и другими необходимыми приложениями. По его собственному признанию, работа шла медленно. Издание текста, подготовленное к 1967 г., сначала было приостановлено, а позднее по причинам, о которых исследователь умалчивает, рукопись была ему возвращена. Новым препятствием к изданию стало введение новой малайско-индонезийской орфографии в 1972 г. Наконец текст памятника в новой орфографии с приложениями (указателями, картами и глоссарием) был подготовлен и издан в 1987 г. в Малайзии издательством Fajar Bakti [Hikayat Raja Pasai 1987].

Однако работа исследователя над памятником не прекращалась. Спустя двенадцать лет Р. Джонс подготовил новое издание «Повести о раджах Пасея». Помимо материалов, содержащихся в издании 1987 г., книга включала в себя факсимиле рукописи **A** (*Raffles Malay № 67*), а также более развернутое описание как самой этой рукописи, так и обнаруженной сравнительно недавно рукописи **B** (MS Or. 14350). В отличие от транслитерации 1987 г., где исследователь обозначал «лишние» и «недостающие» слова квадратными и косыми скобками соответственно, здесь вдобавок включались в текст некоторые слова, отсутствующие в рукописи **A**, но наличествующие в рукописи **B** (они обозначались символом °). Эти правки диктовались, по-видимому, требованием связности текста и его удобочитаемости. Факсимиле, завершающее том, выполнено в цвете и читается без всякого труда. В ходе работы над русским переводом обращение к первоисточнику оказалось важным подспорьем и позволило идентифицировать некоторые слова в тексте, оставшиеся неясными нашим предшественникам.

В 2004 г. французская малаистка Моник Зэни-Лажубер переиздала перевод 1874 г. А. Марра, снабдив его предисловием, в котором удачно сочетались информационно-просветительская и исследовательская задачи [Marre 2004]. Наконец, совсем недавно — в 2013 г. — малайзийским Институтом по переводу и книгоизданию (ITBM) был опубликован новый перевод «Повести» на английский, выполненный Расселлом Джонсом [The Pasai Chronicle 2013]. Публи-

кация не содержит каких-либо дополнительных, по отношению к предыдущим, исследовательских материалов и ориентирована скорее на «массового» читателя. Тем не менее появление нового, выверенного по оригиналу, перевода безусловно можно считать важной вехой в деле популяризации памятника.

Краткое изложение сюжета «Повести о раджах Пасея»

1. Два брата — Ахмад и Мухаммад, живущие в Самарланге, женаты, но бездетны. Неожиданно Мухаммад находит в лесной чаще, среди зарослей бамбука, девочку и удочеряет ее. А Ахмад на охоте обнаруживает стадо слонов и на одном из них — мальчика. Он обманом похищает ребенка, уносит его домой и усыновляет. Дети (Путри Бетунг и Мерах Гаджах) вырастают, соединяются узами брака, и у них рождаются сыновья — Мерах Силоу и Мерах Хасум.

2. Мерах Гаджах по оплошности совершает поступок, вызвавший смерть жены. Разгневанный тесть, раджа Мухаммад, убивает его. Узнав об этом, отец убитого, раджа Ахмад, идет на него войной. Сражение завершается гибелью обоих государей. Их внуки — Мерах Силоу и Мерах Хасум — остаются одни.

3. Юноши покидают Самарлангу и обосновываются в устье реки Бируан. Мераха Силоу сопровождает удача — рыбная ловля оборачивается для него горой золота и серебра, затем ему удается хитростью укротить и одомашнить диких буйволов. Видя, что брат завидует ему, Мерах Силоу решает уехать и отправляется вверх по течению реки Пасанган со всеми приближенными, имуществом и буйволами.

4. Мерах Силоу попадает в страну, где правит могущественный Мегат Секандар, берущий его под свое покровительство. Мерах Силоу быстро завоевывает расположение местных жителей своей щедростью, но ему завидует младший брат Мегата Секандара — Малик ан-Насир. Когда Мегат Секандар провозглашает Мераха Силоу раджей, последний решает свести счеты с Малик ан-Насиром. После нескольких кровопролитных битв Мерах Силоу убивает его и восходит на престол его княжества.

5. Пророк Мухаммад накануне своей кончины просит сподвижников отправиться в далекую страну Самудру, дабы обратить

ее жителей в истинную веру, а по пути забрать с собой некоего факира из страны Менгири.

6. Во время охоты на лесном холме Мерах Силоу случайно встречается с огромным муравьем, ловит и съедает его. На этом месте он решает основать город, дает ему название Самудра (от *semut raya* — «большой муравей») и поселяется там.

7. После кончины Пророка мекканские шарифы, согласно завету своего учителя, посылают в Самудру под руководством шейха Исмаила корабль со всеми регалиями, положенными повелителю правоверных. По пути, в стране Менгири, они берут на борт местного султана, который, отказавшись от престола и надев одежды нищего факира, следует с ними в Самудру.

8. Мерах Силоу видит вещий сон, где ему является пророк Мухаммад, нарекающий его Малик ас-Салехом и обращающий его в истинную веру. Наутро государь обнаруживает, что владеет наукой чтения Корана и что над ним уже совершен обряд обрезания.

9. Шейх Исмаил встречается с Малик ас-Салехом и узнает, что тот уже постиг основы веры. Совершается обращение в ислам всех его подданных и торжественное восшествие его на престол как султана страны Самудра Даруссалам. Шейх Исмаил возвращается на родину.

10. Задумав жениться, султан Малик ас-Салех посылает сватов к правителю Перлака и берет в супруги одну из его дочерей.

11. Заезжий гость из Келинга указывает султану на место, из которого исходит золотой дым. Султан посылает туда людей и добывает себе множество золота.

12. У султана и его супруги рождается сын — Малик ат-Тахир. По достижении им совершеннолетия государь возводит его на престол Самудры.

13. Во время охоты султана Малик ас-Салеха его пес Си Пасей встречает пеландука (карликового оленя) на высоком пригорке. Смелый пеландук не боится пса. Видя это, султан решает основать на этом месте город, где будет править его сын. Затем Малик ас-Салех делает его правителем этого места, названного по имени пса Пасеем, а сам остается править в Самудре.

14. У султана Малик ат-Тахира рождаются двое сыновей: Малик ал-Махмуд и Малик ал-Мансур. Когда же его постигает смерть, дела правления вершит дед отроков, султан Малик ас-Салех, поручив внуков заботам двух мудрых наставников — Саййида Али Гиатуддина и Саййида Семайамуддина.

15. Внуки взрослеют, и дед возводит на престол Пасея Малик ал-Махмуда, поставив у него первым министром Сайида Али Гиатуддина. Разделив все достояние на две равные части, Малик ас-Салех забирает с собой в Самудру младшего внука, Малик ал-Мансура.

16. Видя приближение смерти, султан Малик ас-Салех возводит Малик ал-Мансура на престол Самудры и дает наказ двум наставникам внуков оставаться их верными помощниками, а внукам велит вести дела правления справедливо. После его кончины оба княжества пребывают в мире и благоденствии.

17. Правитель Сиам решает идти войной на Пасей. Высадившись на берег, его послы требуют от Малик ал-Махмуда стать данником Сиам. После нескольких дней битвы сиамцы с позором и большими потерями уплывают восвояси.

18. У Малик ал-Махмуда рождаются сын и две дочери. Сына нарекают султаном Ахмадом.

19. Малик ал-Махмуд уезжает из дворца в увеселительную поездку по своим владениям, вдаль от побережья. Одновременно его брат Малик ал-Мансур решает проехаться по берегу моря. Его министр Сайид Семайамуддин советует ему не ехать в те края, но тщетно. Проезжая мимо дворца брата, Малик ал-Мансур видит среди его обитателей красивую женщину и забирает ее с собой.

20. У Малик ал-Мансура рождаются дети: две девочки и мальчик.

21. Узнав о похищении братом женщины из его дворца, Малик ал-Махмуд решает покарать наставника и первого министра брата — Сайида Семайамуддина. Его первым министром к этому времени стал сын его бывшего наставника Сайида Али Гиатуддина — Тулус Агунг Туканг Сукара. Он предлагает султану хитростью заманить к себе брата.

22. Пригласив Малик ал-Мансура якобы для участия в церемонии обрезания своего сына, султана Ахмада, Малик ал-Махмуд берет его в плен, а затем насильно отправляет в дальние края. Сайиду Семайамуддину отрубают голову и бросают в море, а тело сажают на кол близ устья реки Пасей.

23. Отрубленная голова Сайида Семайамуддина плывет за кораблем, увозящим его государя. Обнаружив ее, Малик ал-Мансур просит отдать ему и тело и хоронит останки учителя.

24. Малик ал-Махмуд раскаивается в своем решении и посылает за братом, томящимся в изгнании в далеких краях, но Малик ал-Мансур на пути назад умирает у могилы своего наставника.

25. Охваченный раскаянием Малик ал-Махмуд хоронит брата в Пасее. Накануне своего перехода в мир иной он передает бразды правления сыну, султану Ахмаду.

26. В Пасей прибывает корабль из Келинга, а с ним йог. Йог пытается продемонстрировать султану Ахмаду свои чудодейственные приемы, но под конец признает, что тот превосходит его святостью, и, посрамленный, отбывает на родину.

27. У султана Ахмада рождается тридцать детей, из них от одной матери пятеро — сыновья Тун Браим Бапа, Тун Абдул Джалил и Тун Абдул Фадил, а также две дочери. Первый из сыновей отличается богатырской силой, второй — красотой, третий — ученостью, а дочери — красотой.

28. Султан Ахмад внезапно проникается страстью к дочерям и желает обесчестить их. Узнав об этом, Тун Браим Бапа увозит их подальше от отцовского дворца. Султан Ахмад решает отомстить сыну.

29. Из Келинга прибывает корабль, везущий единокорцев, жаждущих померяться силами с местными богатырями. Султан Ахмад вынужден призвать на помощь Туна Браима Бапу. Тот созывает богатырей со всей страны, демонстрирует свое воинское искусство, и заморские пришельцы с позором уплывают восвояси.

30. Тун Браим Бапа навлекает на себя гнев отца непочтительным отношением к его наложнице, и тот решает расправиться с сыном. Он приказывает Туна Браиму Бапе отправиться с ним в верховья реки на рыбную ловлю. Сын чувствует, каковы намерения отца, но повинуется ему.

31. Во время рыбной ловли султан намеревается убить сына, но тот избегает этой угрозы. Второе испытание: Тун Браим Бапа снимает с мели застрявшее судно султана Ахмада.

32. Султан посылает Туна Браиму Бапе печенье, начиненное ядом. От него тотчас же умирают сестры Туна Браима Бапы. Герой совершает еще один подвиг: убивает живущего в омуте змея, но силы покидают его.

33. Тун Браим Бапа делает распоряжения о собственных похоронах на горе Фудулаллах и бросает копьё, обозначая место будущего погребения. После его кончины тело предают земле, рядом с могилами его сестер.

34. Султан Ахмад ликует и возвращается в Пасей, где до той поры успешно вершил дела правления его второй сын — Тун Абдул Джалил.

35. Дочь владыки Маджапахита принцесса Гемеренчанг решает избрать себе мужа по портрету. Получив портреты всех царских сыновей из соседних стран, она влюбляется в Туна Абдул Джалила и умоляет отца снарядить корабли в Пасей и отвезти ее туда.

36. Узнав об этом, султан Ахмад решает убить сына, чтобы самому завладеть принцессой Гемеренчанг. Тело убитого Туна Абдул Джалила бросают в море близ устья реки Джамбу Аир.

37. Корабли принцессы приплывают к устью реки Джамбу Аир, и мореходы узнают от местных рыбаков, что султан Пасея убил двух своих сыновей. В отчаянии принцесса возносит молитву, чтобы ее корабль погрузился на дно морское. Принцесса гибнет, а оставшиеся корабли возвращаются на Яву. Султан Ахмад раскаивается в содеянном, но дела уже не поправить.

38. Яванские мореходы, вернувшись домой, рассказывают владыке Маджапахита о случившемся. В гневе тот решает отомстить и снаряжает армаду, которая направляется к Пасею.

39. После высадки маджапахитского войска на берегах у Пасея начинается сражение. Верх одерживают нападающие. Султан Ахмад сетует на отсутствие в его рядах убитого им Туна Браима Бапы, но под конец вынужден бежать вместе со своими приближенными в глубь острова, оставив Пасей на разграбление победителям.

40. Маджапахитцы возвращаются на Яву, одержав по пути победу над Джамби и Палембангом. Пасейцам дается разрешение селиться на Яве, благодаря чему там появляется множество святых мест.

41. Владыка Маджапахита поручает Гаджаху Маде идти войной на те области, что еще не перешли под власть его империи. Поход начинается с завоевания Уджунг Танах — южной оконечности Малаккского полуострова и постепенно охватывает почти все территории Нусантары.

42. Маджапахит благоденствует, но незавоеванной остается одна область — Пулау Перча (так именовали Суматру, особенно ее центральные и западные области). Владыка решает подчинить Пулау Перча хитростью, устроив состязание буйволов, и посылает вместе с военной экспедицией самого большого буйвола.

43. Прибыв на место, маджапахитцы сообщают местному правителю об условиях состязания, и тот принимает их. На состязание жители Пулау Перча выставляют буйволенка, которого несколько дней не кормили. Во время состязания он начинает сосать мошонку

большого буйвола, приняв ее за вымя, и большой буйвол оказывается побежден.

44. Правитель Пулау Перча устраивает пир для маджапахитцев перед их отъездом на Яву, и обманом почти все они оказываются убиты. Оставшиеся спешат в Маджапахит доложить владыке о своей неудаче.

Как уже говорилось, текст «Повести» завершается колофоном, за которым следует список упомянутых в ней стран и областей, а также список «областей, находившихся под властью Маджапахита ко времени свержения с престола Пасея султана Ахмада». Ввиду их местоположения в тексте, уже после приписки яванским письмом со ссылкой на Кьяи Сурадиманггала, оба эти списка представляются нам позднейшим добавлением к рукописи.

Структура «Повести о раджах Пасея»

Как известно, в малайских арабописьменных рукописях традиционно отсутствуют абзацы и знаки пунктуации. Дополнительным ориентиром для читателей обычно служат вспомогательные слова *Alkesah*, *Hatta* и некоторые другие, маркирующие начало новой главы. Рукописи **А** и **В** в этом смысле не составляют исключения. Стоит отметить, что, при всех различиях в правописании между рукописями **А** и **В**, выделение глав в них полностью совпадает, только в **А** начало главы непременно маркируется красным цветом, а в **В** — жирным шрифтом.

Текст рукописи **А** делится на следующие главы:

1. *«Вот история о раджах Пасея, что первыми приняли исламскую веру...»* — с начала и до появления дочери у раджи Мухаммада (с. 1–5).

2. *Рассказ о радже Ахмаде* — от появления сына у раджи Ахмада до брака Путри Бетунг и Мераха Гаджаха (с. 5–10).

3. *Рассказ о Путри Бетунг и Мерахе Гаджахе* — от рождения их детей — Мераха Силоу и Мераха Хасума, до гибели Путри Бетунг, ее мужа и их отцов (с. 10–14).

4. *Рассказ о Мерахе Силоу и Мерахе Хасуме* — история трех поколений: Мерах Силоу — Малик ат-Тахир — Малик ал-Махмуд — султан Ахмад, рождение детей султана Ахмада (с. 14–73).

5. *Рассказ о Туне Браиме Бане* — история его подвигов и гибели, а также гибели его сестер (с. 73–114).

6. *Рассказ о принцессе Гемеренчанг* — история ее любви, гибели Туна Абдул Джалила и самой принцессы, история мести отца Пасею (с. 114–128).

7. *Рассказ о завоеваниях Маджапахита* — история подчинения архипелага и неудачного похода яванцев на Пулау Перча (с. 128–140).

Стремясь в максимальной степени следовать оригиналу, первый переводчик «Повести» Аристид Марр начинал каждую главу с красной строки и выделял ее «шапку» курсивом. Иначе подошел к этому вопросу публикатор и переводчик памятника на английский А.Х. Хилл. Видимо, из соображений удобочитаемости он разбил его текст на три части. Примеру Хилла последовал и Р. Джонс во всех трех подготовленных им изданиях — 1987, 1999 и 2013 гг. Однако в случае с частью 2 разбивка, предложенная этими публикаторами, не совпадает с оригиналом, в том числе и по смыслу.

На факсимиле рукописи **A** ясно видно, что слово *Hatta* (с. 72), которым, согласно Хиллу и Джонсу, должна открываться часть 2, никак не выделено на странице. Напротив, чуть ниже (с. 73) красными чернилами написано слово *Alkesah*, с которого, собственно, и начинается рассказ о Туне Браиме Бале и других детях султана Ахмада, их злключениях и гибели. Сходная картина наблюдается и в соответствующем месте рукописи **B**: слово *Hatta* (f.67r) там также никак не выделено, тогда как ниже *Alkesah* выделено жирным шрифтом.

Очевидно, что граница частей 2 и 3 определена публикаторами неверно. Эпизод, с которого у Хилла и Джонса начинается часть 2 (№ 26 по нашей нумерации), повествует о приезде индийского йога, пытавшегося поначалу поразить пасейцев своими сверхъестественными возможностями, но признавшего свое ничтожество пред лицом султана Ахмада. Тематически этот эпизод примыкает к первой части, поскольку во второй султан Ахмад начинает проявлять себя как порочный, завистливый и жестокий правитель, убийца собственных детей.

Заключительная, часть 3 (по Хиллу и Джонсу), в свою очередь, может быть поделена на две истории. Первая из них рассказывает о карательной экспедиции яванцев, стремящихся отомстить за гибель принцессы Гемеренчанг, и оканчивается поражением Пасея и бегством султана Ахмада. Во второй речи о Пасее уже не идет, и она повествует о завоеваниях Маджапахита в Нусантаре и о по-

зорном поражении, которое могущественное войско этой страны потерпело от народа минангкабау.

Мифологические сюжеты в «Повести о раджах Пасея»

Как можно заметить, отдельные главы «Повести» разнятся между собой не только по объему и насыщенности событиями. Первые четыре из них содержат «миф о происхождении», широко представленный в хрониках различных регионов Малайского архипелага. Будучи творениями малайцев-мусульман, хроники часто апеллируют к легендам из доисламского прошлого, в которых рассказывается о происхождении той или иной местной династии или об основании города (княжества), где эта династия впоследствии правила. Самыми распространенными элементами этого мифа, представленными в «Повести о раджах Пасея», являются следующие:

1. **Дети, появившиеся из бамбукового ствола или речной пены**, — своего рода мифологическая универсалия в Нусантаре, встречающаяся и в устных легендах, и в письменной традиции (по преимуществу в хрониках). В «Повести о раджах Пасея» представлен лишь один его элемент — рождение из бамбука принцессы Бетунг. Русский читатель знаком с историей о появлении из бамбука царицы Манду Дари — будущей матери Рамы в малайской версии «Рамаяны» [Сказание о сери Раме 1961, с. 18–19]. Родословная Раджи Перкасы Алама в «Повести об Аче» также восходит к небесной фее, появившейся из бамбукового ствола [De Hikajat Atjeh 1958, с. 66]. В «Повести о Маронге Махавангсе» встречаются оба указанных мотива: из бамбука рождается раджа Булух Бетунг, а из пены девочка Путри Селуанг, становящаяся позднее его женой. В «Малайских родословиях» из пены появляется принцесса Тунджунг Буих («лотос из пены»), а из соцветия арековой пальмы — мальчик, становящийся впоследствии правителем Чампы [Ревуненкова 2008, с. 129–131, 306–307]. Из ствола бамбука добывают себе сына, а из речной пены — дочь бездетные супруги в перакской легенде, записанной У.Э. Максвеллом [Maxwell 1881, с. 5–6]. Из пены, которую изрыгивает небожитель, принявший облик белого быка, рождается будущая супруга раджи в «Повести о ханг Туахе» [Повесть о ханг Туахе 1984, с. 16]. Согласно одной из легенд Западного Калимантана, сын владыки Маджапахита в своих скитани-

ях находит сразу двух жен: одну из бамбука, вторую — из растущей над водой кувшинки. Принцесса из пены становится родоначальницей правящей династии в Патани [Teeuw, Wyatt 1970, с. 261]. Сходная легенда зафиксирована и в Банджармасине, и в Кутее, где принцесса, явившаяся из пены морской, носит все то же «родовое» имя — Джунджунг (или Тунджунг) Буих [Ras 1968, с. 27, 81–83].

Как можно заметить, «бамбуковое» происхождение в мифах могут иметь как мальчики, так и девочки. По мнению Р. Вессинга [Wessing 1990, с. 235–257], в сюжетах цикла о Раме девочка из бамбука обязательно становится супругой правителя, а если она появляется из водной стихии, ее должен взять в жены мифический предок, который появился из бамбука сам. В целом водяная стихия (пена, и, шире, вода, и растущий в ней цветок) порождает лишь персонажей женского пола. Обе эти легенды Максвелл связывает с образом индийской богини Лакшми — «той, что обитает в кувшинке» [Maxwell 1881, с. 13–14]. «Бамбуковый» же миф, по его мнению, является местным по происхождению и встречается лишь в местах, куда не проникала индийская цивилизация, в частности — глубинных районах Калимантана, Сулавеси и Малаккского полуострова [Ibid., с. 22–23].

2. Слон приносит ребенка, который впоследствии становится царем. Этот мотив ребенка восходит непосредственно к индийской традиции (см., например, [Edgerton 1913, с. 158–166; Bailey 1995, с. 221]). Помимо первопредка пасейских раджей — Мераха Гаджаха, можно упомянуть сходный эпизод «Повести о Маронге Махавангсе», где священный слон находит мальчика, которому суждено стать правителем Кедаха [Siti Hawa Saleh 1991, с. 57].

3. Белая кровь как признак сверхъестественного происхождения. Наряду с соответствующим сюжетом «Повести» в уже упомянутой перакской легенде белую кровь имеет девушка из племени семангов (та самая, что находит себе детей — девочку из пены и мальчика из бамбука) [Ibid., с. 5–6]. Этот же мотив встречается и в фольклоре Кедаха. В одной из легенд Южного Таиланда мотив «белой крови» переплетается не только с «бамбуковым», но и со «слоновым» мифом. Ее герои — муж и жена, занимающиеся выучкой слонов, отправляются на поиски убежавшей слонихи и подгоняют беглянку домой стрекалами из вырванных по пути побегов бамбука. Дома они при помощи ножа расщепляют оба по-

бега. Из первого появляется девочка, которую они нечаянно поранили, и из ее раны течет белая кровь. Из второго побега появляется юноша, из раны которого течет кровь белого, желтого, черного и красного цветов. Повзрослев, они становятся супругами [Gesick 1995, с. 84]. В «Повести об Аче» найденная принцем в зарослях бамбука девушка с «белой кровью» прибывает к дворцу суженого верхом на слоне [De Hikajat Atjeh 1958, с. 66–67]. В исторических хрониках Макассара подчеркивалось различие между людьми с белой и красной кровью, ставшее основой социальной иерархии, где «благородные» (потомки небожителей) формировали верхушку общества и противопоставлялись простолюдинам [Cumplings 2002, с. 14].

4. **Пеландук (карликовый олень), встреченный правителем во время охоты.** В «Повести» встречи с необычными представителями фауны становятся поводом для закладки нового города. Сначала это встреча с огромным муравьем «величиной с кошку», которого раджа съедает и основывает на этом месте княжество Самудра (от *semut raya* — «большой муравей»). Позднее он встречает пеландука, не побоявшегося его пса Си Пасея, и решает, что само это место сделало животное таким бесстрашным. Он воздвигает там город, дав ему имя пса — Пасей. В «Повести о ханг Туахе» встреча героя с храбрым белым пеландуком на охоте становится поводом для постройки на этом месте нового города — Малакки [Повесть о ханг Туахе 1984, с. 52–54]. Аналогичный сюжет есть и в «Малайских родословиях» [Ревуненкова 2008, с. 211], в «Повести о Патани» [Teesh, Wyatt 1970, с. 69–71], в «Перакских родословиях» [Ceridwen 2001, с. 31].

Даже будучи привязаны к разным местам действия (напр., белый пеландук — к Пасею, Малакке и Патани), те или иные элементы «мифа о происхождении», как можно заметить, оказываются общими для преданий и хроник самых разных областей Нусантары. В нашем случае они свидетельствуют об архаичности первоначального ядра «Повести», т.е. четырех первых ее рассказов. Чисто мифологическим героем предстает поначалу и будущий султан Пасея Мерах Силоу.

Оставшись круглыми сиротами, они с братом Мерахом Хасумом решают перебраться из родной Самарланги в Бируан, чтобы строить свою жизнь заново. Там Мерах Силоу, как образцовый «культурный герой» мифа, сначала путем варки превращает про-

стых речных червей в золото и серебро, затем придумывает способ приручить диких буйволов, «которым прежде люди не могли найти применения». Видя зависть Мераха Хасума, он уходит со всеми богатствами и стадом в глубинные районы, где завоевывает симпатию местного правителя и вызывает ненависть его брата. Их противостояние оканчивается победой Мераха Силоу, занявшего престол своего врага. «Доисламская» биография героя заканчивается на эпизоде постройки княжества Самудра на месте его встречи с большим муравьем (см. выше).

Пасей и принятие ислама в Нусангаре

Центральным событием «Повести о раджах Пасея» является, безусловно, легенда об обращении Мераха Силоу и его подданных в ислам. Этот эпизод находит себе ряд параллелей в других малайских исторических сочинениях. Прежде всего, он едва ли не дословно дублируется в «Малайских родословиях» (см. сравнительную таблицу в Приложении 4).

Согласно легенде, явившийся Мераху Силоу во сне пророк Мухаммад плюет ему в рот и тем самым совершает над ним обряд обрезания и дарует способность читать Коран наизусть. Исследовательница «Малайских родословий» Е.В. Ревуненкова связывает этот мотив с уже упомянутым мотивом рождения из пены, а также упоминает об обычае жителей Медины приносить новорожденных детей к Мухаммаду, который плевал им в рот [Грязневич 1960, с. 152]¹³. О чудесных свойствах слюны Пророка неоднократно говорится и в хадисах.

Рассказ об обращении Пасея присутствует и в «Малайских родословиях», занимая в обоих памятниках практически равный объем. Однако в отличие от «Повести о раджах Пасея», «Малайские родословия» подробно описывают заключительную (суматранскую) часть пути мекканского корабля, до его прибытия в Самудру, посещение мореходами портов Фансури, Ламири и Хару, жители которых якобы уже были обращены, но не умели читать Коран. Тем самым приезд в Самудру становится естественной кульминацией путешествия исламских миссионеров, обучивших Мераха Си-

¹³ Цит. по [Ревуненкова 2008, с. 59].

лоу произносить мусульманский символ веры. Однако в «Малайских родословиях» вещий сон снится Мераху Силоу уже после их появления в Самудре, тогда как в «Повести о раджах Пасея» это происходит в момент, когда миссионеры лишь начинали свое путешествие. К моменту их прибытия Мерах Силоу уже успел принять имя Малик ас-Салех и был способен продемонстрировать свое знание Корана, так что пришельцам оставалось лишь обратиться в ислам прочих обитателей страны.

Отметим, что прародителями (хотя и не кровными) пасейских правителей выступают некие Раджа Мухаммад и Раджа Ахмад. Один из них удочеряет девочку, найденную в стволе бамбука, а другой — усыновляет мальчика, принесенного слоном, причем именно в пятницу его попытка увенчивается успехом. Как известно, именем Ахмад назван в Коране пророк Мухаммад, и оба эти имени косвенно свидетельствуют о будущей миссии их внука, а также позволяют усмотреть в тексте «Повести» руку позднейшего мусульманского редактора. Кстати, в «Малайских родословиях», где легенда об обращении Пасея изложена достаточно подробно, о первых двух поколениях героев, действующих в «Повести», ничего не говорится, и об обращении Пасея можно говорить лишь начиная с третьего поколения — Мераха Силоу, ставшего Малик ас-Салехом.

В тех же «Малайских родословиях» рассказано не только об исламизации Пасея, но и об обращении Малакки, произошедшем значительно позднее. О достоверной датировке событий здесь говорить не приходится, однако из текста явствует, что Малакка приняла ислам уже после восхождения на престол внука Малик ас-Салеха — пасейского султана Ахмада. Этот сюжет как бы повторяет предыдущую историю. В нем также говорится и о явлении Пророка правителю, радже Кечилу Бесару, во сне, и о корабле из Джидды, на котором в Малакку прибывает мусульманский наставник, призванный обучить государя основам молитвы. История обращения Малакки в «Малайских родословиях» изложена, однако, значительно менее подробно, чем история исламизации Пасея [Ревуненкова 2008, с. 212–213]. Ей предшествует рассказ об основании Малакки на месте, где государь встретил белого пеландука — подобно тому как это описано в нашей хронике. И если в «Повести о раджах Пасея» основатель Самудры и Пасея Мерах Силоу оказывается одновременно первым мусульманским государем в своей стране, то в «Малайских родословиях» основателем Малакки выступает Ме-

гат Искандар Шах, а первым мусульманским правителем оказывается его сын раджа Кечил Бесар, принявший имя Мухаммад Шах.

Примечательно, что в «Повести о раджах Пасея» персонаж по имени Мегат Секандар (Искандар) оказывает покровительство Мераху Силоу, выполняя по отношению к нему роль «отца». В «Малайских родословиях» действует тезка этого персонажа, отец раджи Кечила Бесара. Налицо общая схема: Мегат Секандар (Искандар) как отец и покровитель первого мусульманского правителя (Мераха Силоу — в Пасее, раджи Кечила Бесара — в Малакке). Подобное совпадение позволяет предположить, что оба сюжета об обращении в ислам исходно могли иметь общие корни.

Специального исследования заслуживает и связь образа отца-покровителя с историческим Мегат Искандар Шахом. По одним данным, это Парамешвара — сын сингапурского князя и основатель Малакки, принявший ислам уже на склоне лет [Coedès 1989, с. 441–443], по другим — имя Мегат Искандар Шах носил сын Парамешвары и ее второй правитель. Именно ему якобы принадлежала заслуга встречи с белым пеландуком на холме, где впоследствии его отец и воздвиг Малакку [Cortesaio 1944, с. 236–238]. По мнению Р.О. Винстедта, перемена правителем имени вызвала его «раздвоение» в китайских источниках и в версиях, так или иначе опирающихся на данные последних (см. [Coedès 1989, с. 443]).

Подтверждения особому статусу Пасея как главного мусульманского центра, форпоста ислама в Нусантаре, можно обнаружить и в других малайских хрониках. Примером тому, например, «Повесть о Патани», рассказывающая об исламизации этой малайской области, где к моменту описываемых событий уже существовали пасейский кампунг и мечеть. Один из обитателей этого кампунга, некий шейх Саййид, выказывает готовность излечить заболевшего правителя Патани при условии принятия им истинной веры. Попытка удается не сразу из-за упрямства больного, но в результате тот соглашается, отказывается от «поклонения идолам» и употребления в пищу свинины и выздоравливает (не оставив, впрочем, других прежних привычек) [Teeuw, Wyatt 1970, с. 71–75].

Подобно уже упомянутому Парамешваре, обратившемуся в ислам под именем Мегат Искандар Шах и закрепившему свое обращение посредством брачного союза с пасейской принцессой, аналогичный брак, согласно калимантанской хронике «Повесть о Банджаре», заключил и владыка Маджапахита. Имя его — Дипати Хангрок — ставит под сомнение историческую достоверность этой

легенды: правитель, известный под этим именем, Кен Ангрок, основатель княжества Сингасари на Яве, скончался в 1227 г. — более чем за полстолетия до основания Маджапахита. Это несоответствие, как и некоторые другие анахронизмы, встречающиеся в «Повести о Банджаре», не меняет сути дела: по преданию, ислам обретает в Маджапахите своих последователей именно после брака с пасейской принцессой и прибытия на Яву ее брата, Раджи Бунгсу [Ras 1968, с. 416–419].

В легендарной династической истории «О происхождении джиннов и богов» (Сумбава, Малые Зондские о-ва) завещание пророка Мухаммада, обращенное к Абу Бакру, Умару, Усману и Али, очень напоминает аналогичный пассаж «Повести о раджах Пасея»: «„Когда я умру, распространяйте исламскую веру среди всех джиннов и людей подветренных и наветренных стран (т.е. Востока и Запада. — Л.Г.). И когда кто-нибудь из вас прибудет в подветренные страны, запомните крепко-накрепко: есть там в стране Пасейской гора Семаве, этот край — Аче, где истинная вера в Преславного и Всевышнего Аллаха была установлена еще во времена великого и мудрого султана Искандара Зулкарнайна, и правит там потомок царя джиннов — махараджа Дармавангса. Приветствуйте же его и всех его подданных с должным почтением“. Отправились в подветренные страны саййид Мухаммад и саййид Ибрахим, дабы обратить в ислам джиннов и людей, и прибыли в страну Пасей, но, позабыв завет Пророка, не приветствовали местных жителей с должным почтением, введенные в заблуждение их „неарабской“ одеждой. В ответ Дармавангса и его подданные громко прочли мусульманский символ веры, и посланцы были посрамлены» [Chambert-Loir 1985, с. 115].

Приведенные примеры показывают, что «первородство» Пасея как первого исламского княжества Нусантары не подвергалось сомнению ни в Малакке, ни на Яве или Калимантане, ни в более отдаленных областях малайского мира. Другое дело, что сами рассказы об обращении в ислам — как в «Повести о раджах Пасея», так и в некоторых других малайских хрониках — носят характер легенды и не могут претендовать на какую-либо историческую достоверность.

Выше уже говорилось о тех правителях Пасея, историчность которых подтверждена надгробиями, — это Малик ас-Салех (ум. в 1297 г.) и Малик аз-Захир (в «Повести» — ат-Тахир) (ум. в 1326 г.). Сказано было и о причинах, по которым Малик аз-Захир «Малай-

ских родословий» в «Повести» превратился в два персонажа — Малик ат-Тахира и Малик ал-Махмуда, что, впрочем, никак не повлияло на событийную канву хроники, практически общую для «Повести» и «Малайских родословий». Безусловно мусульманский характер носят предсмертные наказы (wasiat), которые в обеих хрониках адресуют своим наследникам правители: Малик ас-Салех, Малик аз-Захир («Малайские родословия») и Малик-ал-Махмуд («Повесть о раджах Пасея»). Завещание последнего своему сыну, султану Ахмаду, звучит так:

«О сын мой, свет очей моих и плод моего сердца! Верша дела правления, следуй заповедям Аллаха и Пророка и не преступай их запретов, соблюдай все, что предписал нам Аллах и в чем наставлял нас Пророк (мир ему!). О сын мой! Не нарушай моих заветов. Если понадобится принять какое-то решение, посоветуйся прежде с самыми опытными министрами и не предпринимай никаких действий, не обсудив их хорошенько с министрами и витязями. Особенно же воздержись от совершения поступков, не одобряемых шариатом. Не твори произвола, не верши несправедного суда над рабами Аллаха и не пренебрегай *повелением [совершать] благое и противиться недостойному*¹⁴, ибо сей бранный мир не вечен и непреходящ лишь мир загробный. О сын мой, да не преступишь ты моих заветов!»

Определенные параллели можно усмотреть в сюжете о нападении на Пасей сиамского войска, встречающемся в обеих хрониках. В «Повести о раджах Пасея» он изложен достаточно лапидарно и ограничивается историей осады Пасея, тогда как в «Малайских родословиях» подробно рассказывается о хитрости сиамцев, захвативших в плен правителя Самудры (не Пасея), которого потом вызволяет его министр, Али Гиатуддин. Сиамский эпизод в обоих памятниках занимает одно и то же место: он предшествует истории конфликта из-за женщины между двумя братьями, Малик ал-Махмудом (Малик аз-Захиром «Малайских родословий») и Малик ал-Мансуром.

Особое место в повествовании занимает краткий эпизод, не находящий себе соответствий в «Малайских родословиях». Это рассказ об индийском йоге, прибывшем в Пасей, дабы поразить всех своими сверхъестественными возможностями. В разгар представления гость внезапно падает без чувств, не вынеся «святости» (keramat) султана, и вскоре после этого принимает ислам. В тексте

¹⁴ В оригинале фраза, отмеченная звездочками, написана по-арабски.

указано, что именно йог дает султану Ахмаду имя Перумудал Перумал. Исследователи полагают, что это прозвище перекликается с титулом правителей легендарной тамильской династии Чераман Перумал (Прославленный Великий Правитель), с которой предание связывает приход ислама на Малабарский берег [Винстедт 1966, с. 182; Miller 1992, с. 48–49]. В своем комментарии к «Повести о раджах Пасея» А.Х. Хилл подробно разбирает все имеющиеся легенды о царе Перумале и отнюдь не отрицает возможной связи истории его обращения в ислам с аналогичными мотивами малайской хроники [Hill 1960, с. 191–192]. По-видимому, прозвище было призвано представить султана Ахмада не простым мусульманином, но святым, способным творить чудеса.

В контексте всего произведения данный эпизод предстает как некоторый автономный сюжет. Как можно убедиться, имя «султан Ахмад Перумудал Перумал» было наречено будущему правителю Пасея отнюдь не йогом (с. 72 рукописи А), а отцом, Малик ал-Махмудом, сразу после его рождения (с. 58 рукописи А). В то же время в «Малайских родословиях» этот персонаж упоминается исключительно как султан Ахмад. Это позволяет предположить, что данный эпизод — или по меньшей мере фраза о наречении ему имени «султан Ахмад Перумудал Перумал» — является позднейшей вставкой или возник по недосмотру недостаточно внимательного копииста «Повести».

Итак, как можно было заметить, на «мусульманском» отрезке истории Пасея — от Малик ас-Салеха до вступления на престол султана Ахмада — повествование в «Повести» и «Малайских родословиях» развивается параллельно. Дальнейшие упоминания Пасея в «Малайских родословиях» выходят за временные рамки событий, описанных в «Повести». Точкой, начиная с которой сюжет «Повести» не обнаруживает каких-либо соответствий с «Малайскими родословиями», является рождение детей султана Ахмада. Одновременно мусульманская тематика отходит в «Повести» на второй план.

Султан Ахмад и Тун Браим Бапа

История старшего сына султана Ахмада — Туна Браима Бапы вплоть до его трагической гибели — отдельная часть хроники, в равной мере отличающаяся и от предыдущей, и от последующих частей памятника. Действие в ней развивается по законам устного эпоса, со всеми присущими ему стилистическими особенностями.

В своей книге «Устное и письменное. Текст и культура» малайзийская исследовательница Н. Таслим проводит сопоставление главы о Туне Браиме Бапе с устными эпическими сказаниями «Аванг Сулонг Мерах Муда» и «Малим Дева». Она отмечает общность их нарративных клише, способа описания персонажей, динамики развития действия. Но в первую очередь «Повесть» роднит с фольклором образ благородного героя-богатыря, способного совершать невероятные подвиги на земле и под водой, в том числе и на пороге смерти. Приметой устного повествования являются, по мнению Н. Таслим, и включенные в текст памятника четверостишия — пантуны [Taslim 2010, с. 133–152]. О связи истории Туна Браима Бапы с традицией устных эпических сказаний писал и Р.О. Винстедт [Winstedt 1938, с. 25].

О фольклорных корнях образов героев главы говорят характеристики трех братьев: Тун Браим Бапа храбр, ловок и силен, Тун Абдул Джалил славен своей красотой, а Тун Абдул Фадил — ученостью и мудростью. Обе дочери султана Ахмада, Тун Медам Периа и Тун Такиах Дара, — красавицы. Движущей пружиной сюжета этой части «Повести» становится порочная страсть султана Ахмада к собственным дочерям. Тун Браим Бапа увозит сестер подальше от отцовских глаз и тем самым получает в его лице врага, жаждущего мести. Немалую роль в антипатии отца играет и зависть к исключительной силе Туна Браима Бапы, его душевному благородству и популярности у народа.

Значительную часть текста (с. 76–93 рукописи А) занимает рассказ о приезде в Пасей из Келинга четверых единоборцев. Сразиться с ними султану приходится просить сына-богатыря, Туна Браима Бапу, уже находящегося в опале из-за увезенных им сестер. Созвав друзей, чтобы вместе противостоять пришельцам, Тун Браим Бапа не спеша собирается, чтобы отправиться к месту боя.

Подготовка к этому событию выстроена по всем законам устного сказа, с дословными повторами элементов текста как приемом ретардации. Четыре раза подряд, при передаче новости от одного слушателя к другому, описывается дерзость непрошенных гостей («Они расселись в длинном балее, заняв там все места, распустили волосы и принялись болтать ногами...»). Слыша звуки боевого барабана, доносящиеся из Тукаса, нетерпеливый султан дважды обращается к своей наложнице с вопросом: что за враги приближаются к его дворцу? Наложница передает его вопрос придворным, и те объявляют, что это не враги, а Тун Браим Бапа, который в Тукасе

готовится к предстоящему бою. Три эти реплики-вопроса (султана и наложницы) написаны в рукописи сплошной строкой, но в транслитерации Р. Джонса даны стихами. Текст в них также повторяется с небольшими вариациями:

1

О Дара Зулайха Тингкап,
Проснись же скорее!
Род твой происходит из Терджунап Панглиран.
Будучи начальницей над моими наложницами,
Ты прозываешься Тун Дермой Дикарой.
Проснись же скорее!
Разве ты не слышала,
Как боевой барабан в Тукасе
Гремит удар за ударом
На рассвете, когда еще виден месяц?
Откуда явились к нам враги этой ночью?
Сколько их и кто их главарь?

2

О Дара Зулайха Тингкап,
Прозванная Тун Дермой Дикарой.
Разве ты не слышала,
Как боевой барабан в Тукасе
Гремит удар за ударом
На заре при свете месяца?
Откуда явились к нам враги этой ночью?
Сколько их и кто их главарь?
Ну-ка пошли узнать, кто там [собрался] около дворца и кого
там нет?

3

Разве вы не слышали
Как боевой барабан в Тукасе
Гремит удар за ударом
На заре при свете месяца?
Откуда к нам явились враги этой ночью?
Сколько их и кто их главарь?
Идите и узнайте!

Ниже, уже в другом фрагменте сюжета о Туне Браиме Бапе, обращение султана Ахмада к наложнице снова выделено Р. Джонсом как стихи:

О Дара Зулайха Тингкап,
Прозванная Тун Дермой Дикарой.
Ты из рода Терджунап
племени Панглиран,
Уроженка Сунгей Рахат!

Ты — начальница над моими наложницами...

Подготовка главного героя (Туна Браима Бапы) к битве изложена со всей эпической подробностью. Ее открывает сцена купания с лимоном (*mandi berlimau* — ритуал, предшествующий схватке, согласно обычаям единоборцев школы *pencak silat*) и описание наряда героя, в формульности которого Н. Таслим усматривает прямые параллели с устным сказанием об Аванге Сулонге [Taslim 2010, с. 149–150]. Перед схваткой Тун Браим Бапа требует себе крылатого коня, которого только он один способен оседлать, затем показывает свое искусство во владении мечом и щитом. Видя все эти приготовления, напуганные демонстрацией силы героя, пристыженные пришельцы отказываются от единоборства и уплывают восвояси.

Эпическим клише (или заимствованием?) выступает один из упомянутых выше эпизодов, который почти дословно повторяется в хронике XVII в. «Повесть об Аче». Ее героем является принц Джохан Алам (будущий правитель Аче Искандар Муда). Вот для сравнения два этих отрывка:

«Повесть о раджах Пасея»: «Он (Тун Браим Бапа. — Л.Г.) обратился к своему наставнику, пахлавану из Кампунг Бангка, и тот подбросил в воздух кокосовый орех. [Взмахом своего клинка] Тун Браим Бапа рассек его надвое, так что половинка улетела неведомо куда, а вторая, полная сока, упала на землю. Тогда обратился государь к своему наставнику, пахлавану из Кампунг Лангар, и тот подбросил в воздух плод арековой пальмы. [Взмахом своего клинка] Тун Браим Бапа рассек его надвое, так что половинка улетела неведомо куда, а вторая упала на землю» (с. 91 рукописи А).

«Повесть об Аче»: «Предводитель единоборцев бросил наземь перед Джоханом Аламом очищенный кокосовый орех. [Взмахом своего клинка] Джохан Алам рассек его надвое, так что половинка взлетела в воздух, а вторая, полная сока, осталась на земле. Тогда

предводитель единоборцев бросил наземь перед Джоханом Аламом полный сока плод арековой пальмы. [Взмахом своего клинка] Джохан Алам рассек его надвое, так что половинка взлетела в воздух, а вторая, не пошелохнувшись, осталась лежать на земле» [De Nika-jat Atjeh 1958, с. 151].

Главным событием в истории Туна Браима Бапы является его убийство отцом. О своем намерении султан Ахмад сообщает наложнице: «Я открою тебе мой секрет, но не говори о том никому: если я не убью Туна Браима Бапу, царство мое не устоит». Замысел его, как и полагается в эпическом сюжете, удастся не сразу. Когда султан Ахмад приглашает Туна Браима Бапу порыбачить в верховьях реки, герой догадывается о его намерениях и трижды прощается с любящими его людьми — друзьями, домочадцами и простым народом, повторяя одни и те же слова: «Не знаю, вернусь ли назад или нет». После двух безуспешных попыток утопить сына султан Ахмад решает прибегнуть к яду и угощает его отравленным печеньем. Зная о намерении отца, Тун Браим Бапа все же съедает его. Сестры, пытавшиеся ему помешать и отведавшие того же лакомства, умирают сразу, а сам герой, прежде чем испустить дух, успевает еще уничтожить ядовитого змея-быка (*ular lembu*), живущего в речном омуте, и по пути к месту своей кончины срубить два дерева, один взгляд на которые способен убить прохожего, — *сабасани* и *белуру*.

В отличие от большинства эпических героев, Тун Браим Бапа проявляет свой характер не в действии, а в отказе от противодействия, во имя лояльности государю. На его счету нет побед: тщательно подготавливаемое сражение с заезжими единоборцами так и не состоялось. Герой совершает лишь несколько «мелких» подвигов, призванных продемонстрировать его исключительные возможности, которыми Туну Браиму Бапе почти не приходится воспользоваться.

Главная черта его характера, объясняющая нежелание героя сопротивляться отцу, — неприятие *derhaka*, т.е. измены своему государю. По мнению малайзийского исследователя Х. Османа, тема неприемлемости *derhaka* является общей для малайской историографии в целом [Othman 2009, с. 118]. Тун Браим Бапа не однажды формулирует верность этому принципу. Зная о намерении отца его убить, накануне отъезда к верховьям реки, где отец задумал с ним расправиться, герой заявляет друзьям, а затем еще дважды повторяет: «Браим Бапа не хочет изменить [государю]. Если бы он взбун-

товался [против государя], то ни Пасей, ни Ява, ни Китай, ни Сиам не смогли бы противостоять ему. Если в мире сем не суждено мне царствовать, то я непременно получу свое в мире загробном». О сознательном мученичестве героя и предчувствии им смерти говорит фраза, что путь его лежит к горе Фудулаллах (Превосходство Аллаха) и что его следует похоронить там. По мнению Б.Б. Парникеля, в этих словах заключена суфийская символика: гора представляет собой материализацию зикра, мысленной молитвы суфия, и именно поэтому после смерти Туна Браима Бапы друзья несут его тело на гору, «словно это были останки факира» [Парникель 1980, с. 132].

Свое наиболее яркое воплощение тема безусловной лояльности правителю позднее нашла в образе легендарного персонажа малайской истории — флотоводца и царедворца Ханга Туаха, героя одноименной «Повести», для которого преданность государю, даже если он неправ и несправедлив, — основа благополучия и процветания страны [Kratz 2004a, с. 191–225]. О том же говорится и в дидактическом трактате Бухари ал-Джаухари «Корона царей» (1603), где об отношении к государям, творящим несправедные деяния, сказано так: «Мы повинемся их распоряжениям не в силу высоких качеств правителя, но вынужденно. Ведь если мы откажемся следовать их распоряжениям, то тем самым покажем, что не считаемся с их царским достоинством, и в стране воцарятся смута и бесчинство, а это повлечет за собой гибель многих рабов Аллаха — и правоверных, и неверующих. Следовать их распоряжениям мы станем не из почтения перед царским достоинством правителя, но лишь во избежание смуты и бесчинства» [Памятники малайской книжности XV–XVII вв. 2011, с. 475–476].

Свои прямые соответствия эта тема находит в «Малайских родословиях», где общественный договор между правителем и народом сформулирован так: «И были ниспосланы всем малайским правителям такие слова Аллаха, славен Он и велик: никогда не хулите своих подданных. Как бы ни были велики их грехи, не связывайте, не вешайте и не позорьте их дурными словами. Если государь оскорбит хоть одного малайского подданного, то это будет предвестником гибели всего государства. И тогда всем малайцам были предпосланы слова Аллаха, славен Он и велик: никогда не предавать своего правителя и не отворачиваться от него, даже если он имеет дурной нрав или несправедлив» [Ревуненкова 2008, с. 128].

Как можно заметить, в «Малайских родословиях» требование лояльности к правителю непосредственно увязано с его собствен-

ной справедливостью. Султан Ахмад нарушает это правило, и его злодеяния — убийство Туна Браима Бапы и его сестер — становятся первым шагом на пути крушения Пасея.

Маджапахитская принцесса и поражение Пасея

История несчастной любви дочери владыки Маджапахита, принцессы Гемеренчанг, ко второму сыну султана Ахмада — Туну Абдул Джалилу, тематически примыкает к истории Туна Браима Бапы, поскольку главной темой сюжета здесь также является сластолюбие султана Ахмада и ревность к сыну, избранному принцессой в мужа. Историческая основа истории с принцессой прослеживается в уже упомянутых записках Ибн Баттуты, где рассказывается о султани, который берет себе в жены невесту своего родного племянника (см. выше) и которого А.Х. Хилл отождествляет с султаном Ахмадом.

Любопытно, что влюбленная принцесса Маджапахита, рассказывая родителям о своей страсти к пасейскому принцу, произносит арабские стихи, тогда как ранее в «Повести» на арабском приводились лишь исламские молитвенные формулы. Стихи эти явно диссонируют с общей «яванской» атмосферой эпизода, и в этом также можно усмотреть вмешательство позднейшего редактора.

Как и в предыдущем сюжете, султан делится с наложницей своим намерением расправиться с сыном, причем почти теми же словами, что и в сюжете о Туне Браиме Бапе: «Если я не убью Туна Абдул Джалила, царство мое не устоит». Узнав о том, что ее суженый убит, принцесса кончает с собой, а султан Ахмад впервые чувствует раскаяние за совершенные злодеяния. Тем временем разъяренный владыка Маджапахита посылает в Пасей войско, чтобы свести счеты с султаном Ахмадом. Когда яванцы одерживают верх, султан с горечью вспоминает старшего сына, повторяя уже прозвучавшие ранее слова: «Увы, если бы был жив сын мой Браим Бапа, то ни вся Ява, ни весь Китай, ни весь Келинг не решились бы выступить против него». На это его министр, в полном соответствии с традицией устных сказаний, отвечает пантуном:

[Зачем спрашивать], чей перец лежит в амбаре

С тех пор, как очищены его зерна?

Кого здесь можно упрекнуть?

В этом проступке виноват ты сам.

Война Маджапахита с Пасеем оканчивается полным поражением последнего и бегством султана Ахмада.

На этой точке история Пасея как первого исламского государства и распространителя истинной веры в Нусантаре находит свое логическое завершение. В начале этой истории (до восшествия на престол султана Ахмада) на первом плане обычно действует добродетельный правитель (Малик ас-Салех, Малик ал-Махмуд), которому в известном смысле противостоит брат-завистник (Мерах Хасум, Малик ал-Мансур), неспособный, однако, потрясти основ государства. Во второй части главным действующим лицом становится злодей: султан Ахмад, ненавидящий своих будущих благородных преемников — Туна Браима Бапу и Туна Абдул Джалила. В завершение этого эпизода снова звучит «мусульманская» тема: пленники, доставленные из Пасея, получают разрешение свободно селиться на Яве, и в повествовании снова звучит слово *keramat*: «По этой самой причине после завоевания Пасея Маджапахитом на Яве оказалось много святых мест».

Завоевания Маджапахита

В заключительной части «Повести» о Пасее речи уже не идет. В ней рассказывается о том, как владыка Маджапахита решил продолжить начатое дело и поставить под свою власть другие территории архипелага. Как и в предыдущем отрывке, этот правитель именуется просто государем (*Sang Nata*). Главным его помощником выступает реальное историческое лицо — патих Гаджах Мада (ум. в 1364 г.), собиратель земель и островов Малайского архипелага под эгидой Маджапахита. Рассказ о его экспедиции в «Повести» звучит панегириком яванцам, легко и успешно установившим свое господство во всем регионе на благо и процветание и центра, и окраинных земель.

В хронике сжато перечисляются земли, попавшие под власть яванской империи и ставшие ее данниками: от побережья Малаккского полуострова до Калимантана, восточных областей Нусантары и Малых Зондских островов. Этот фрагмент обнаруживает прямые соответствия с аналогичным перечнем подвластных Маджапахиту территорий, содержащимся в песнях 13–15 главы 4 яванской эпической поэмы «Негаракартагама» поэта Прапанчи, созданной им в тот же период (1365) и носящей в целом, по признанию исследователей, не вымышленный, а документальный характер [Парникель

1980, с. 59–60]. В числе вассалов Маджапахита в «Негаракартагаме» упоминается и Самудра. Хотя оба списка данников Маджапахита и не идентичны — в яванской поэме они перечислены более подробно, — однако сама география завоеваний Маджапахита очерчена одинаково.

Контрастом по отношению к предыдущему рассказу выступает заключительный эпизод «Повести», где говорится о неудачной попытке Маджапахита завоевать Пулау Перча (область минангкабау). В последней истории изложен вариант легенды о единоборстве буйволов, которое должно решать судьбу Пулау Перча — быть ли этой области независимой или перейти под власть Маджапахита. Предложенное в «Повести» толкование этнонима «минангкабау» — *menang kerbau* (побеждающий буйвол) — не что иное, как народная этимология: на самом деле этот термин восходит к выражению *pinang kabu* — «родная земля» [Погадаев 2012, с. 407]. Примечательно, что на предложение государя послать экспедицию в Пулау Перча патих Гаджах Мада отвечает по-явански (эти слова приведены в тексте без перевода). История экспедиции представляет собой пересказ легендарной «Генеалогии раджей Пулау Перча» [Abstract 1822], где изложена и сцена с буйволами, и сцена расправы местных жителей с маджапахитским войском.

Подобный конец вызывает много вопросов. По мнению А.Х. Хилла, из него явствует, что автор у «Повести» был не один [Hill 1960, с. 39]. По-видимому, «маджапахитская» часть сюжета была добавлена к основному тексту хроники позднее, во имя прославления островной империи, и в этом случае позорное поражение Маджапахита на Суматре могло преследовать особую цель. Как уже отмечалось выше, исследователи «Повести» не исключали версии о палембангском происхождении рукописи А. Если согласиться с этим предположением, возможно, что очередной суматранский переписчик (=редактор) «Повести» таким образом решил взять реванш над Явой, не сумевшей при всем своем военном могуществе овладеть Пулау Перча. К сожалению, отсутствие финального отрывка в рукописи В не позволяет подтвердить или опровергнуть это предположение.

Датировка «Повести о раджах Пасея»

Наличие в «Повести» ряда «культурных слоев», относящихся к разным эпохам как типологически, так и фактически, и ее «лите-

ратурный» характер не отменяют необходимости определить примерную дату создания памятника — или, вернее, даты создания отдельных ее частей и всего свода в целом. Этот вопрос обсуждался малайстами с самого начала их знакомства с текстом «Повести», но не всегда между ними царило единодушие.

Основными аргументами при датировке выступали описываемые в памятнике события, сюжетная структура «Повести», а также особенности языка ее единственной к тому времени рукописи. Так, первый публикатор и исследователь рукописи А. Э. Дюлорье говорит лишь о достоверной датировке событий, описываемых в «Повести», но не самого памятника или отдельных его частей [Sumatra 1874, с. 9].

Начальные эпизоды хроники, совпадающие по содержанию с аналогичными разделами «Малайских родословий», могли быть написаны, как считает А.Х. Хилл, при жизни султана Ахмада и даже ранее — в 1330 г., и отредактированы «правоверным мусульманином» не позже 1355 г. [Hill 1960, с. 41]. По мнению В.И. Брагинского, хроника, отрицательно рисуя султана Ахмада, едва ли могла быть написана при его жизни. Исследователь полагает, что она должна была появиться после 1383 г., когда из Пасея (по-видимому, тем же султаном Ахмадом) была направлена миссия в Китай, что свидетельствует о восстановлении независимости Пасея, но не позднее начала XV в. [Брагинский 1983, с. 81].

Точкой преткновения в вопросе датировки служили, разумеется, взаимоотношения «Повести» с «Малайскими родословиями», наличие у них общих сюжетов. Общепринятой считается точка зрения Р.О. Винстедта о том, что более ранней является пасейская хроника [Winstedt 1938, с. 24–30], поскольку именно она цитируется в «Малайских родословиях», а не наоборот. Однако в вопросе о верхней дате ее создания сам исследователь высказывается достаточно противоречиво, называя и XV в., и 1524 г. — дату завоевания Пасея княжеством Аче, хотя, как он считал, текст хроники мог редактироваться и позднее. А. Тзу относит создание хроники к середине XV в., однако допускает, что источником истории об обращении Пасея были устные предания, и авторы «Повести» и «Малайских родословий» не имели доступа к работам друг друга [Teeuw 1964, с. 222–234]¹⁵. Для А. Суини генетическая связь двух этих сочинений неоспорима, важно лишь определить, какой из памятников

¹⁵ Цит. по [Sweeney 2011, с. 502].

(полностью или частично) послужил оригиналом для другого [Sweeney 2011, с. 509].

Наиболее уязвимым аргументом при датировке представляется, на наш взгляд, апелляция к орфографии и лексике рукописи А, о которых писали и Винстедт, и Суини. Очевидно, что памятник, созданный несколько веков назад, был переписан неоднократно и что очередной копиист, в полном соответствии с законами малайской книжности, чувствовал себя вправе вносить некоторые изменения в текст, будь то правописание отдельных лексем, вставка или исключение вспомогательных или иноязычных слов и т.д. В этих условиях едва ли возможно приписывать обнаруженные особенности текста его создателю. Подводя итог этой полемики, тот же Суини отмечал, что язык рукописи А не древнее языка рукописей XVII в. [Ibid., с. 506].

Поскольку рукопись В была введена в научный обиход сравнительно недавно, подробное текстологическое сравнение с А пока еще не проводилось: Р. Джонс при публикации ограничился лишь ссылками на весьма немногочисленные различия. Близость их текстов позволяет предположить, что обе рукописи восходят к одному, не очень отдаленному по времени, исходному списку. Однако при всем текстуальном сходстве правописание в А и В заметно различается. Думается, что в этой ситуации сравнение орфографии единственной рукописи памятника с рукописями других, пусть родственных по жанру, сочинений едва ли может служить продуктивным методом их сравнительной датировки.

Устная «Легенда о Самудре»

Менее века назад, в 1931 г., на Северной Суматре по инициативе чиновника местной колониальной администрации, имя которого не сохранилось, в г. Лхоксёмаве, в районе исторической Самудры, было записана устная версия «Повести о раджах Пасея» (см. Приложение 1). Запись предания была сделана по-малайски с вкраплениями ачехских слов и присущими ачехскому языку особенностями правописания. Выполненная на пишущей машинке, она более полувека пролежала незамеченной в архивах округа. Лишь четыре десятилетия спустя запись была обнаружена голландским исследователем Х.К.Й. Коуэном, который скопировал текст и позднее опубликовал его с сокращенным французским переводом и краткой сопроводительной статьей [Cowan 1973, с. 253–286].

По утверждению Коуэна, это предание, названное им «Легендой о Самудре», живет и донныне в округах Геудонг и Бланг Ме на берегах реки Круэнг Пасе — единственного топонима, напоминающего о прежнем Пасее. Как отмечал ученый, предание предлагает собственную версию ранней истории Пасея, обнаруживающую некоторые отличия как от самой «Повести о раджах Пасея», так и от соответствующих глав «Малайских родословий».

Устное предание в чем-то повторяет обе названные хроники, а в чем-то отличается от них. Его начало почти дословно воспроизводит историю двух братьев, Ахмада и Мухаммада, начиная с чудесного обретения ими детей и брака последних. Характерно, что вместо золотого волоса, найденного мужем в прическе Бамбуковой принцессы, героини «Повести», в волосах героини «Легенды» спрятано нечто напоминающее побег бамбука. Ее безвременная кончина также влечет за собой войну, которую способно прекратить лишь моровое поветрие.

Как и в «Повести», осиротевшие братья переселяются в новые края, но в легенде пути Мераха Силя (Силоу) и Мераха Сума (Хасума) — его брата — расходятся. Первого, по обычаю, выбирает в правители Пидира слон, а второй избирает себе удел отшельника. Именно ему удается разбогатеть с помощью золотых червей, и ему же приходится уехать подальше от брата. Подобно Мераху Силоу «Повести», он основывает свое собственное княжество и женится на принцессе из соседней страны.

В отличие от «Повести» и «Малайских родословий», именно Мерах Сум становится первым исламским правителем под именем Мухаммад Саид. У него рождаются сыновья: Мухаммад Тахир, Махмуд Шах и Мансуруддин Шах. Двое старших преследуют Мансуруддин Шаха, и тот отправляется в изгнание. Затем Мухаммад Саид умирает, а за ним и оставшиеся сыновья, и на престол восходит раджа Бакой (т.е. султан Ахмад «Повести» и «Малайских родословий»).

Четверо детей султана Ахмада превратились в «Легенде о Самудре» в трех: принцессу Мадум Перию, Джалил Шаха и Ибрахима, прозванного за свое благочестие Брахим Папа. Когда овдовевший раджа Бакой решает жениться на дочери и убивает противящегося его желанию сына, Джалил Шаха, второй сын раджи Брахим Папа, живущий в молитвенном уединении вдали от столицы, решает не возвращаться домой, но сестра сама прибегает к нему, ища защиты от отца.

Тем временем раджа Бакой готовит расправу над вторым сыном. Подобно султану Ахмаду, он приглашает его на ловлю рыбы и заставляет проникнуть в самые опасные омуты и сразиться с чудовищным змеем-единорогом, не забыв к тому же дать сыну смертельный яд. Подобно Браиму Бапе, герой «Легенды» завещает похоронить его там, где упадет брошенное им вырванное из земли дерево (у Браима Бапы — копы), и местом его упокоения также оказывается высокая гора. Яд принимает и его сестра, а вскоре после нее уходит из жизни и жестокий раджа Бакой.

В легенде речь не идет о каких-либо внешних врагах, однако сказитель отмечает, что после смерти раджи Бакоя Пасей распался и прекратил свое существование. О том, были ли преемственность между потомством последнего правителя Пасея и будущими владиками Аче, повествование умалчивает. Не упомянут в легенде и такой исторический факт, как нападение сиамцев, отраженное в письменных хрониках, а Мансуруддин Шах (Малик ал-Мансур «Повести») представлен лучшим из трех братьев, добровольно удалившимся в изгнание, дабы не участвовать в борьбе за престол.

Сравнительная генеалогическая схема пасейской династии по трем указанным источникам — устной «Легенде о Самудре», «Повести о раджах Пасея» и «Малайским родословиям» (см. Приложение 2) — показывает, что при некоторых различиях в именах общая линия событий в них передана сходным образом. Прежде всего, устное предание подтверждает обоснованность утверждения Хилла, что Малик ат-Тахир (Захир) и Малик ал-Махмуд «Повести» — одно и то же лицо [Hill 1960, с. 16–19]. Отметим, что сюжет предания обрывается на кончине раджи Бакоя. Нет ни заморской принцессы, мечтавшей выйти за сына пасейского султана, ни мести ее отца. Нет в предании и завершающих «Повесть» эпизодов, связанных с завоеваниями Маджапахита, что лишний раз подтверждает их позднее происхождение.

При некоторых различиях в именах собственных мифологические элементы пасейской истории в «Легенде» и «Повести» являются наиболее устойчивым элементом повествования. Это «бамбуковая» девочка и мальчик, добытый у слона, гибель принцессы, черви, обернувшиеся золотом, и буйволы как источник богатства героя, встречи с белым пеландуком и муравьями на месте основания будущего княжества и т.п.

Сравнение показывает, однако, что при всей общности событийной линии на первый план в двух этих текстах порой выходят разные персонажи. Так, первым мусульманским правителем страны в «Ле-

генде» становится не Мерах Силей (Силоу), а его брат Мерах Сум (Хасум). Особенно отмечаются его духовные подвиги и то, что еще до обращения в ислам он следовал закону Ибрахима¹⁶. С момента его воцарения уже больше не говорится о его брате, Мерахе Силее (Силоу), подобно тому как в «Повести» при сходных обстоятельствах исчезает со сцены Мерах Хасум. В истории раджи Бакоя (султана Ахмада) действуют лишь одна дочь и два сына (в «Повести» — три сына и две дочери), но с их помощью разыгрывается тот же самый сюжет. В этом смысле сюжеты «Легенды» и «Повести» в полной мере соответствуют принципу, некогда сформулированному В.Я. Проппом, анализировавшим структуру сюжета волшебной сказки: «Постоянными, устойчивыми элементами... служат функции действующих лиц независимо от того, кем и как они выполняются» [Пропп 1969, с. 25].

Слегка иначе подана в «Легенде» и мотивировка инцестуальных намерений раджи Бакоя: его первая жена, умирая, завещала ему жениться на той, кому подойдет ее кольцо, и по случайности такой стала дочь раджи. По этому поводу также уместно вспомнить Проппа, отмечавшего, что мотивировки (в нашем случае — мотив намерений раджи Бакоя) — самые непостоянные и неустойчивые элементы в повествовании [Пропп 1969, с. 69].

Опубликованная Коузэном «Легенда о Самудре», записанная со слов неизвестного сказителя, дает лишь общее представление о тексте предания. В каком-то смысле она, по-видимому, отстоит от своего оригинала еще дальше, чем «олитературенные» тексты устных эпических сказаний, которые публиковались малайскими и европейскими учеными в конце XIX — середине XX в.¹⁷. Трудно догадаться, насколько подробна была оригинальная устная версия и кому, например, принадлежат такие слова, как: «Сократим наш рассказ» — самому сказителю или голландскому клерку, автору записи.

Очевидно, что история пасейских раджей для ачехского рапсода (как, наверное, и для его слушателей) представляла реальностью, пусть и приукрашенной вымышленными подробностями. Она закреплена в названиях мест, прозвищах, и сказитель не упускает возможности подчеркнуть правдивость своего рассказа. Например: «Все животные окаменели и стали подобны каменным глыбам на речной запруде. Заметьте, я сам видел их своими глазами в горах

¹⁶ О пророке Ибрахиме (Аврааме) как первом проповеднике единобожия см. [Ислам 1991, с. 87–88].

¹⁷ См. библиографию этих изданий в: [Горяева 1979, с. 27–29].

у Джули. Холм же, из которого вышли буйволы, и поныне зовется Буйволовым холмом». Или: «И поныне можно видеть остатки прежнего Пучук Самбино — места для игры в шахматы, для просушивания волос, качели. Раньше все это можно было ясно обнаружить, да и теперь можно увидеть кое-что — приезжайте убедиться в Чот Панггой Пучук Самбино» и т.п. Не исключено, что и сейчас, спустя почти сто лет, легенда о Самудре по-прежнему продолжает звучать из уст какого-нибудь ачехского сказителя.

* * *

Думается, что представленное здесь краткое исследование не может предложить ответы на все вопросы, связанные с «Повестью о раджах Пасея» и некоторыми другими, примыкающими к ней малайскими историографическими сочинениями. Прежде всего, нерешенным остается вопрос истории текста, проблема первичности или вторичности письменной версии по отношению к версии устной, этапов формирования хроники в ее дошедшем до нас виде. Нельзя с полной уверенностью утверждать, например, что исходно «Повесть» была записью некоего устного сказания, подобного «Легенде о Самудре». Во-первых, история малайской словесности знает случаи перехода произведений письменной традиции в устную среду посредством чтения вслух, а во-вторых, обе эти традиции в малайском мире развивались параллельно и влияли друг на друга. По справедливому замечанию А. Суини, абсурдной можно считать саму попытку «поисков архетипов в письменной традиции, принципиально устной по своей природе» [Sweeney 1994, с. 8–9].

Перспективы изучения истории функционирования текстов публикуемых здесь версий — письменной и устной — также не внушают оптимизма. От устного предания осталась единственная запись, выполненная клерком-непрофессионалом со слов сказителя, причем имена обоих утрачены. То же относится и к «Повести о раджах Пасея», представленной всего лишь двумя списками, один из которых неполный. Это не позволяет подтвердить или опровергнуть предположения о «палембангском» происхождении протографа рукописи **А**, обрисовать предысторию «семарангского» протографа рукописи **В**, узнать, кто были их читатели (или слушатели). Знакомство с обоими списками показало, что их сопоставление вряд ли способно пролить свет на историю памятника. Как это бывало и ранее, главным источником информации о «Повести» может служить только ее содержание.

Наиболее продуктивным направлением дальнейшего исследования памятника нам представляется сравнение сходных мотивов и связанных с ними сюжетных блоков в «Повести» и других малайских хрониках самых различных областей Нусантары. В отечественной малаистике начало этому было положено Е.В. Ревуненковой в ее исследовании и комментариях к «Малайским родословиям» [Ревуненкова 2008] и продолжено в предлагаемой работе. Список текстов, привлекаемых для сопоставления, в дальнейшем стоило бы расширить. Помимо описанных выше и вполне очевидных параллелей в «мифологических» частях малайских хроник, черты сходства между ними обнаруживаются и в типических сюжетных конфликтах, связанных с престолонаследием или внешней угрозой, и в способах их разрешения. Нельзя не обратить внимания и на полное или частичное совпадение временных и географических рамок событий, описываемых в хрониках, а также биографий и генеалогии одних и тех же правителей в разных источниках. Разумеется, подобная задача требует аккумуляции и осмысления материала, значительно превышающего по объему тот, что был нами проработан. Соответственно масштабнее могут оказаться и полученные выводы.

При работе над переводом «Повести» нами ставилась задача точно передать смысл текста, опираясь в спорных случаях не только на транслитерацию Р. Джонса, но и на факсимиле рукописей **A** и **B** и внося соответствующие коррективы. В примечаниях к тексту, наряду со ссылками на не поддающиеся огласовке слова, иноязычные вставки и т.п., дается толкование местных реалий и объяснение избранного варианта перевода в его сопоставлении с переводами Хилла и Джонса. В переводе текста «Легенды о Самудре» сохранены стилистика и название глав, данные в публикации Коузена.

В заключение мне хотелось бы выразить глубокую признательность российским коллегам-востоковедам, поддержку которых в ходе работы над книгой я постоянно ощущала: Т.А. Денисовой, Д.В. Микульскому, С.В. Кулланде, А.К. Оглоблину, В.А. Погадаеву, Е.В. Ревуненковой. Большую помощь на разных этапах мне оказывали также зарубежные малаисты: Расселл Джонс и Аннабел Гэллоп (Великобритания), Нориях Таслим и Хуссейн Осман (Малайзия), Эдвин Веринга (Германия), Клод Гийо (Франция). Как всегда, исключительно полезными были для меня замечания и советы моего старинного друга и коллеги В.И. Брагинского.

**ПОВЕСТЬ
О РАДЖАХ ПАСЕЯ**

Перевод

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного

[Часть 1]¹

Вот история о раджах Пасея, что первыми приняли исламскую веру. Рассказывает владетель этой истории, что из подветренных стран² Пасей был первым, исповедовавшим веру в Аллаха и Его Посланника. Жили два брата-раджи, одного звали раджа Ахмад, другого — раджа Мухаммад. Раджа Ахмад был старшим. И решили оба брата-государя основать город³ в Самарланге.

Раджа Мухаммад со своими подданными отправился расчищать джунгли. В глубине чащи были густые заросли бамбука. Стали люди их вырубать, но безуспешно: вместо срубленных побегов вырастали новые. Увидел тут раджа Мухаммад в самой их гуще побег толщиной с туловище человека. Только собрался раджа Мухаммад его срубить, как появилась из побега девочка необычайной красоты. Отбросил он свой гедубанг⁴, подхватил девочку и, неся ее на руках, поспешил домой. Увидела жена раджи Мухаммада, что тот несет ребенка, — подбежала и взяла ее на руки. Так и стали жить государь с государыней. Супруга государя нашла служанок [для девочки]. Государь с женой были счастливы. Государь поведал жене всю историю, как нашел девочку, с начала и до конца. И нарек ее государь принцессой Бетунг⁵. Воспитывали ее как царское дитя, с нянюшками, кормилицами, прислужницами, наряжали, как полагается. Очень любил государь свое дитя, а та росла и день ото дня становилась все краше.

Дошла до его старшего брата, раджи Ахмада, весть о том, что младший брат нашел в побеге бамбука девочку. Отправились они с супругой поглядеть на найденное им дитя. Когда государь прибыл к дому младшего брата и вошел туда, тот почтительно его приветствовал и предложил сесть. Государь с супругой сели, а младший брат и его жена уселись напротив. Слуги поднесли старшему

государю бетель в золотом сосуде. Затем государь молвил: «О младший брат, раджа Мухаммад, где же твое дитя? Дай мне на него взглянуть». Говорит раджа Мухаммад: «Эй, нянюшки и кормилицы, принесите сюда мое дитя». Тотчас же ребенка принесли пред лицо раджи Ахмада, и государь, увидев дитя, порадовался его красоте, а затем государь с супругой распрощались с младшим братом и его женой и двинулись в обратный путь.

Тем временем завершилась постройка города силами подданных государя: были воздвигнуты крепостные стены, окруженные рвом, и дворец⁶, и приемный зал. И стал владыка править в этом городе, проводя время в веселых пирах, потчuya яствами и напитками и министров, и витязей, и простых воинов.

Рассказ пойдет теперь о радже Ахмаде. Спустя некоторое время сей государь тоже основал город в Балик Римба⁷, примерно в дне пути от города младшего брата. Там также были построены и крепостные стены, окруженные рвом, и дворец, и приемный зал. И стал государь править в этом городе, наслаждаясь яствами и напитками за пиршественным столом в окружении своих воинов.

Однажды отправился государь на охоту в джунгли, но не досталось ему никакой добычи. В чаще набрел он на хижину, а в ней увидел старика. Раджа Ахмад приветствовал его, и тот тотчас же ответил на его приветствие. Рассказал раджа Ахмад старику, как его младший брат нашел девочку в побеге бамбука. Говорит старик: «Ну, сынок, если тебе нужен ребенок, я покажу тебе его. Обожди здесь немного». Стал раджа Ахмад ждать. И видит он: появился огромный слон, на голове у которого сидел ребенок. Слон купал ребенка в реке, а затем усадил его на высокий берег и отправился купаться сам. Выкупавшись, он посадил ребенка себе на голову и удалился с ним в лесную чащу. Вот как это было, и раджа Ахмад видел все, что проделал слон. Говорит ему старик: «О молодой человек, хочешь хитростью добыть этого ребенка, чтобы он достался нам?» Говорит раджа Ахмад: «О отец мой, если бы мне показали золото и самоцветы или даже отдали их мне в дар, это не доставило бы мне той радости, которую я получил от одного лишь лицезрения этого ребенка». И сказал раджа Ахмад: «Позволь мне прежде наведаться к себе в город. Какой дорогой мне выбраться отсюда?» И старик показал ему, каким путем следует идти.

Выбравшись оттуда, раджа Ахмад тотчас же оказался у себя в городе. Когда он подошел ко дворцу, государыня поджидала его у дверей. Говорит раджа Ахмад государыне: «О сестрица моя⁸ го-

сударыня, отправился я на охоту, но не добыл никакой дичи, даже и на глаза ее не попадалось. В самой гуще леса набрел я на хижину, а в ней увидел старика. Я приветствовал его, и тот ответил на мое приветствие. Рассказал я ему, как мой брат нашел девочку в побеге бамбука. И старик сказал: „Если тебе нужен ребенок, я покажу тебе его. Обожди здесь немного“. Стал я ждать, и в ту же минуту появился огромный слон, на голове у которого сидел ребенок. Слон искупал ребенка в реке, а затем усадил его на высокий берег и отправился купаться сам. Выкупавшись, он посадил ребенка себе на голову и удалился с ним в лесную чащу. Вот что я видел». Молвила государыня: «О господин, какую бы хитрость нам придумать, чтобы заполучить это дитя?» Тут раджа Ахмад вышел из дворца созывать войско. Когда войско было в сборе и предстало перед раджей Ахмадом, он рассказал воинам о ребенке, сидевшем на голове у слона, и о своем намерении приложить все силы, чтобы добыть его.

В благоприятный день⁹ государь вместе с войском двинулся в лесную чащу, к тому месту, где слон купал ребенка. Вот только старика и его хижины на месте не оказалось: они бесследно исчезли. В четверг воины выкопали для себя убежище, где бы они могли скрываться, чтобы затем похитить ребенка. Наступила пятница, и из лесной чащи показался слон, несший ребенка, которого он собирался выкупать в реке, как делал это прежде. Придя к реке, он выкупал ребенка, а затем посадил на высокий берег и отправился купаться сам. Тотчас же раджа Ахмад схватил дитя и обратился в бегство. Увидев это, слон ринулся вдогонку за раджей Ахмадом, но воины встали на пути у слона, принялись забрасывать его [камнями], и слон повернул назад. Звали же его Буджанг Сакалис, был он слонородиночкой и в этих краях оказался совсем недавно.

Раджа Ахмад вместе с войском двинулся к себе в город. Когда он подошел ко дворцу, государыня поджидала его у дверей. Увидев ребенка, она подбежала к радже Ахмаду и взяла дитя на руки. Удивительно красив был ребенок, и нарекли его Мерах Гаджах¹⁰. Разнеслась тут по городу весть, что у раджи Ахмада появилось дитя, узнал об этом и брат государя, раджа Мухаммад. Отправился раджа Мухаммад посмотреть на Мераха Гаджаха и был восхищен его красотой. Рассказал раджа Ахмад брату, радже Мухаммаду, о том, как он отправился на охоту и в лесной чаще набрел на хижину и обнаружил там старика, и о том, каким образом досталось ему дитя. Затем раджа Мухаммад поклонился брату и его супруге, распрощался с ними и поехал назад к себе в город.

Прошло время, и оба ребенка подросли. Тогда Мераха Гаджаха женили на принцессе Бетунг, оба брата соединились узами свойства и пребывали в неизменной радости.

Теперь пойдет рассказ о принцессе Бетунг и Мерахе Гаджахе. Поведал владелец этой истории: миновало время после их свадьбы, и по милости Всевышнего Аллаха принцесса Бетунг понесла. Когда же настал срок, она произвела на свет мальчика, которого назвали Мерах Силоу¹¹. Еще немного времени прошло, и принцесса Бетунг снова забеременела. Когда настал срок, она произвела на свет еще одного мальчика, которого назвали Мерах Хасум.

У принцессы Бетунг на макушке рос волос золотого цвета, который можно было заметить лишь тогда, когда она умащала свою голову. Однажды она умастила себе голову, и Мерах Гаджах заметил этот волос. Говорит Мерах Гаджах принцессе: «О сестрица, давай-ка вырвем этот волос!» Отвечает принцесса: «Если ты вырвешь этот волос, это станет залогом того, что мы расстанемся». Сколько ни упрасивал ее Мерах Гаджах, принцесса была непреклонна. Однажды, когда она заснула, Мерах Гаджах вырвал этот волос у жены, полагая, что не принесет ей вреда. Тут из места, где рос волос, непрерывной струей потекла кровь, а затем — кровь белого цвета¹². Когда поток крови иссяк, принцессы Бетунг не стало. Служанки и рабыни поспешили к ее отцу, радже Мухаммаду, сообщить ему об этом. Они объявили: «О государь, твоя царственная дочь принцесса Бетунг умерла оттого, что Мерах Гаджах вырвал волос у нее на макушке». Услышав слова нянюшек, государь бросился наземь, разодрал на себе баджу¹³, в ключья разорвал свой каин¹⁴. Охваченный гневом, он собрал войско, двинулся походом на Мераха Гаджаха и убил его.

Когда Мерах Гаджах был убит, люди поспешили сообщить эту новость его отцу, радже Ахмаду, сказавши так: «Увы, государь, твоего царственного сына убил его тесть за то, что тот вырвал волос, росший на макушке у принцессы Бетунг. Твой сын Мерах Гаджах не думал, что это убьет ее». Услышав эту новость, отец и мать бросились наземь, разодрали на себе баджу, в ключья разорвали свои каины. Охваченный гневом, раджа Ахмад стал собирать войско. Собрав вооруженное до зубов войско, в урочный час раджа Ахмад двинулся походом на своего брата, раджу Мухаммада. Когда два войска сошлись, разгорелась яростная битва. Пыль поднялась к небу, так что бьющиеся не могли различить друг друга. Витязи и воины испускали громкие крики, оружие и дротики пахлава-

нов¹⁵ звенели, и грохот этот был слышен даже в глубине лесной чащи. В пылу жестокой битвы обе рати понесли большие потери — множество воинов пало в бою или было ранено. Убиты были и оба раджи. Остались братья, Мерах Силоу и Мерах Хасум, одни-одиношеньки. Уцелевшие в бою ратники явились к ним в город и почти-тельно приветствовали царевичей.

Спустя некоторое время Мерах Силоу сказал брату, Мераху Хасуму: «О братец, как же нам быть? Остались мы с тобой одни на свете: и деды, и родители наши встретили свою смерть здесь, в Самарланге. Если мы тут останемся, нас постигнет та же судьба. От житья здесь нам не стоит ждать ничего хорошего. Давай-ка лучше поищем, где можно было бы обосноваться». Переговорив так, в благоприятный час оба брата покинули город и двинулись на запад¹⁶, совершая один переход за другим. Наконец по милости Аллаха Всевышнего прибыли они в страну Бируан и поселились там, каждый на своей стороне реки.

Вот дальнейший рассказ о Мерахе Силоу и Мерахе Хасуме. По ведал владелец этой истории: после того как они поселились в стране Бируан, как-то пошел Мерах Силоу на прогулку к реке. Увидел он, что река эта весьма богата рыбой. Вернувшись домой, он приказал слугам изготовить вершу. Когда это было сделано, Мерах Силоу поднялся выше по течению реки и поставил вершу там. На следующий день Мерах Силоу пошел проверить вершу и обнаружил, что та полна червей. Выбросив их из верши, он снова поставил ее, но на следующий день та снова оказалась наполненной червями. Он опять выбросил их и снова установил вершу. Назавтра та снова оказалась полна червей. Подумал тут Мерах Силоу: «Наверное, их по своей милости посылает мне Всевышний Аллах». Он отнес их домой, положил в котелок и поставил варить. И вот по милости Всевышнего Аллаха все они превратились в золото, а пена от варки стала серебром.

Так Мерах Силоу разбогател. Рассказали люди его брату Мераху Хасуму, как Всевышний Аллах даровал Мераху Силоу свою милость: «Видели мы, как твой старший брат Мерах Силоу принес домой червей, попавших в его вершу, — уж не съел ли он их?» Промолчал Мерах Хасум, выслушав рассказ о брате.

Сказал Мерах Силоу своим воинам: «Давайте придумаем, как нам отловить диких буйволов, у которых нет хозяина. Я хочу применить их к делу». Заплатил Мерах Силоу им золотом и серебром и велел выкопать западню: яму, в которой могли бы поместиться

двести или триста буйволов. Когда яма была готова, он приказал воинам криками загонять диких буйволов, оказавшихся поблизости от отверстия ямы. Испуганные буйволы попадали туда, их рога застревали во входном отверстии ямы, и они не могли двинуться ни туда, ни сюда. Затем он приказал засыпать отверстие: каждый из его воинов должен был принести по комку земли. Когда перевелись домашние буйволы, Мерах Силоу повелел открыть отверстие в яме, и тамошние буйволы уже оказались ручными. Тогда Мерах Силоу распорядился, чтобы им в ноздри вдели кольца.

Прослышал его брат Мерах Хасум о том, как Мерах Силоу обошелся с животными, которым [прежде] люди не могли найти применения¹⁷. Место же это стали именовать Кербау Кампунг¹⁸. Разгневался Мерах Хасум на брата, Мераха Силоу, и призвал к себе раба: «Пойди к моему брату, Мераху Силоу, и спроси его, чего ради он забавляется с этими бесполезными для людей животными? Мне стыдно за него. Если же мои слова для него ничего не значат, пусть уходит из этой страны, нечего ему править здесь вместе со мной». Выслушав, что велел сказать ему брат, Мерах Силоу подумал: «Что же, если Мерах Хасум ведет такие речи, поеду-ка я искать, где мне поселиться».

В благоприятный день Мерах Силоу отправился в путь, захватив с собою все имущество, буйволов и ротанговые плетки, которые несли около семи человек. В том месте, где проходил Мерах Силоу, под тяжестью идущих буйволов один из холмов сровнялся с землей. Долго ли, коротко ли шествовал Мерах Силоу в направлении верховьев реки Пасанган, и наконец дошел до развилки дорог в верхнем течении реки Каранг. Там и остановился Мерах Силоу. Некоторое время пробыл он в этих краях, и под конец его буйволы съели подчистую все побеги риса на полях, уничтожили посадки бананов. Так местные жители узнали о Мерахе Силоу. И сказали жители: «Что это за животных привели в наши края? Они сожрали у нас все растения. Нечего вам здесь делать!» Выслушав их, Мерах Силоу сказал: «О жители этих мест! Успокойтесь, я лишь ищу, где бы мне обосноваться».

Отправился Мерах Силоу на поиски места для проживания. Путь его лежал вверх по течению реки Семенда. Наконец прибыл он в страну Булух Теланг. Там он познакомился с Мегатом¹⁹ Секандаром, тот пригласил Мераха Силоу к себе, угостил яствами и напитками. Затем Мегат Секандар спросил: «С чем ты пришел ко мне?» Говорит Мерах Силоу: «Я явился к тебе просить выделить

мне место для жилья, ибо у меня такового нет». Говорит Мегат Секандар: «Если так, можешь обосноваться здесь, рядом со мной: места для возделывания земли здесь достаточно, и буйволам тут будет хорошо — есть где им пастись». Сказал Мерах Силоу: «Что же, если ты так расположен ко мне, будь мне отцом». Затем Мерах Силоу испросил у Мегата Секандара разрешения удалиться, отправился за своим имуществом, воинами и буйволами и привел их всех в Булух Теланг. Там Мерах Силоу и поселился.

Некоторое время прожил он там, и его каждодневным занятием были петушинные бои. Съехались к Мераху Силоу все знатоки петушинных боев, и заведено у них было так: если Мерах Силоу терпит поражение, то платит деньги, поставленные на кон, когда же побежден бывал его соперник, с него плата не взималась. Прослышав об этом, знатные люди и старейшины этой страны стали съезжаться туда, чтобы посостязаться с Мерахом Силоу. Когда же они отправлялись в обратный путь, каждый из них получал в дар по буйволу, поэтому все, кто приезжал померяться силами с Мерахом Силоу, оставались довольны. Даже те, кто были простыми зрителями, тоже получали по буйволу. Вот как было заведено у Мераха Силоу.

У Мегата Секандара и Мегата Кедаха был младший брат султан Малик ан-Насир, живший в Римба Джерана. Все их подданные очень любили Мераха Силоу. Приказал Мегат Секандар, чтобы каждый из его подданных принес по мешку риса и по буйволу с целью [...] ²⁰. Однажды Мегат Секандар созвал на совет всю знать, вельмож и всех подданных своей страны и сказал: «Итак, господа, что скажете вы о Мерахе Силоу? Думается мне, нам следует сделать его раджей — ведь он уже настоящий раджа, он богат, и на него можно положиться». Среди присутствовавших был некто Тун ²¹ Хариа Бенунг, не желавший, чтобы Мерах Силоу стал раджей. Говорит тут Мегат Кедах: «Если мы сделаем его раджей, наши дети и внуки окажутся под его властью». Но Мегат Секандар достиг согласия с большинством и с теми, кто был готов сделать Мераха Силоу раджей.

Ставши раджей, Мерах Силоу двинулся войной на Малик ан-Насира, правителя страны Римба Джерана. Разыгралась битва, и Мерах Силоу одержал в ней верх, а султан Малик ан-Насир потерпел поражение. Отступив в страну Бенуа ²², он воздвиг там дворец и занял оборону. Спустя некоторое время в этих краях внезапно вновь объявился Мерах Силоу и атаковал Малик ан-Насира, так что тому

пришлось искать укрытия в лесной чаще. Мерах Силоу назвал этот лес Пертама Терджун, так он именуется и поныне. Наконец Малик ан-Насир достиг некой страны, где смог построить дворец и обосноваться. Шло время, и Мераху Силоу доложили, что султан Малик ан-Насир, вместе со своими витязями и войском, поселился в таком-то месте. Тотчас же Мерах Силоу двинулся на него войной.

Сражение было жестоким, много людей пало убитыми и ранеными. Сопротивление войска султана Малик ан-Насира было сломлено, а сам он спасся бегством, укрывшись за горой Телавас. Там Мерах Силоу взял в окружение султана Малик ан-Насира, но тому удалось спастись бегством. Мерах Силоу нарек это место Кубу²³, так оно зовется и посейчас. Султану же удалось бежать в иные края. Оказалось на его пути ущелье — глубокое и тесное, и там один из витязей султана упорно держал оборону²⁴, оттого и прозвали это ущелье и эту страну Пекерсанг. Оттуда султан Малик ан-Насир перебрался в Кумат.

Некоторое время пробыл он в Кумате со своими витязями и воинством, и задумали они воздвигнуть крепость. Когда крепость была готова, дошла эта весть до Мегата Секандара. Двинулся Мегат Секандар в Кумат войной на султана. Битва была долгой, много витязей пало, и под конец сопротивление воинства султана было сломлено, и ратники его разбежались в беспорядке кто куда. В их числе был витязь по имени Тун Хариа Бенунг, бежавший в Барус. Когда витязь оказался там, раджа Баруса задержал Туна Хариа Бенунга. Ибо так уж было заведено: раджи Баруса, в том числе и те, кто постарше, неизменно заявляли о своей низжайшей преданности раджам Пасея, а раджи Пасея, в том числе и те, кто помоложе, приветствовали раджей Баруса [как высшие — низших]. Под конец Мегат Секандар сделал Мераха Силоу правителем страны Римба Джерана.

Рассказывает владелец этой истории. Однажды, еще при жизни пророка Мухаммада (мир ему!), как-то в бытность свою в Мекке сказал он своим сподвижникам: «Когда я умру, [сделайте следующее]: есть подветренная страна, именуемая Самудрой, и когда дойдет до вас весть об этой стране, пошлите туда корабль со всеми царскими регалиями²⁵ и обратите ее жителей в мусульманскую веру, научив словам свидетельства²⁶. Волей Преславного и Всевышнего Аллаха в этой стране будет больше святых, чем где бы то ни было. Первым же из них станет некий факир²⁷ из страны Менгири, которого вы заберете с собой и привезете в Самудру».

Расскажем теперь о Мерахе Силоу в стране Римба Джераана. Однажды Мерах Силоу отправился на охоту, взяв с собой собаку по кличке Си Пасей. Когда он выпустил пса, тот принялся лаять, стоя у какого-то земляного холма. Видит Мерах Силоу: там муравей величиной с кошку. Мерах Силоу поймал этого муравья и съел его, а холм приказал своим людям расчистить от подлеска. Здесь он построил себе дворец и поселился в нем вместе со своими витязями и воинами. Назвал Мерах Силоу свою страну Самудра, что значит «Большой Муравей»²⁸, там-то он и стал править.

Некоторое время прошло, и Пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) скончался. Дошла тут до мекканских шарифов весть о подветренной стране Самудре, и халиф шарифов²⁹ повелел отправить туда корабль с царскими регалиями. Когда корабль был готов к отплытию, шариф Шейх Исмаил приказал по пути сделать остановку в стране Менгири³⁰. Спустя время корабль приплыл в эту страну и бросил якорь в гавани Менгири. Заметив корабль, ставший там на якорь, жители Менгири поспешили к государю и с поклоном сообщили ему: «Будь славен и да продлятся твои дни, о владыка вселенной! В нашей гавани бросил якорь какой-то корабль». Султан Мухаммад обратился к первому министру со словами: «О первый министр, пошли узнать, что это за корабль!» Первый министр спешно вышел и послал своих людей на лодке осмотреть корабль. Когда лодка приплыла к кораблю, они спросили: «Откуда прибыло ваше судно, кто его капитан и куда вы держите путь?» Отвечают мореходы: «Идет наше судно из Мекки, капитан его — шейх Исмаил, он послан халифом шарифов в страну под названием Самудра». Выслушав слова мореходов, те вернулись на сушу, явились к первому министру и передали ему слова мореходов. Первый министр отправился к государю и с поклоном доложил: «О государь, владыка вселенной! Корабль этот прибыл из Мекки, его капитана зовут шейх Исмаил, а путь их лежит в страну Самудра».

А надо сказать, что султан Мухаммад был из рода Абу Бакра ас-Сиддика³¹ (да благословит его Аллах и да приветствует!). Султан приказал доставить шейху Исмаилу [на судно] всевозможные яства и лакомства. Когда яства доставили, султан возвел на престол своего сына себе на смену. Затем государь, взяв с собой младшего сына и надев на себя облачение факира, покинул дворец и поднялся на корабль. Обратившись к мореходам, он сказал: «Везите меня в страну Самудра!» Подумали мореходы: «Видно, это тот самый факир, о котором сказывал Пророк (да благословит его Аллах и да

приветствует!)». Когда факир был препровожден на корабль, судно двинулось в путь и некоторое время провело в плавании.

А тем временем Мераху Силоу приснился сон, будто некто взял его пальцами за подбородок и четырьмя пальцами прикрыл глаза, сказав при этом: «О Мерах Силоу, произнеси-ка слова свидетельства»³². Отвечает Мерах Силоу: «Я не знаю, как это делается». Тот сказал: «Открой-ка рот». Мерах Силоу открыл рот, тот плюнул туда, и [эта слюна] оказалась сладкой на вкус. Говорит он Мераху Силоу: «О Мерах Силоу, ты будешь зваться султаном Малик ас-Салехом. Произнеся слова свидетельства, ты стал мусульманином и имеешь право резать и есть всех живущих дозволенных животных, а тех, кто не был зарезан³³, не ешь. Через сорок дней придет корабль из Мекки. Во всех словах и поступках следуй предписаниям исламской веры, которым научат тебя мореходы, и делай все так, как они тебе скажут».

Молвил Мерах Силоу: «А кто ты такой?» Ответил голос, явившийся во сне: «Я пророк и посланник Аллаха — Мухаммад (да благословит его Аллах!)»³⁴, из Мекки». Убрав руку с подбородка Мераха Силоу, посланник Аллаха сказал ему: «Наклони голову». Мерах Силоу склонился до земли — и пробудился ото сна. Видит он, что то, что внизу, [прошло обряд] очищения³⁵. И сказал он: «*Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха единственного, нет ему сотоварища, и свидетельствую, что Мухаммад — раб Его и посланец Его*»³⁶. Произнеся слова свидетельства, он прочел все тридцать джузов³⁷ Корана наизусть, которые прежде не мог узнать ни от кого. Говорят тут приближенные и витязи: «Наш раджа произнес слова, смысл которых нам неизвестен».

Рассказывает владелец этой истории: некоторое время спустя корабль шейха Исмаила прибыл в Телук Терли и бросил там якорь. Факир спустился на сушу и подошел к рыбакам. Спрашивает факир: «Как зовется эта страна?» Отвечают они: «Самудра». Говорит факир: «А кто в ней правит?» Отвечают рыбаки: «Правит тут Мерах Силоу, прозванный султаном Малик ас-Салехом». По завершении беседы рыбаки удалились, а факир поднялся к себе на корабль.

Назавтра шейх Исмаил спустился на берег и направился в город к султану Малик ас-Салеху. Явившись к нему, шейх Исмаил сказал: «Ну-ка, султан, произнеси-ка слова свидетельства». Султан произнес: «*Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха единственного, нет ему сотоварища, и свидетельствую, что Мухаммад — раб Его и посланец Его*». Тут шейх Исмаил погладил свою бороду.

На следующий день явился факир и принес с собой Коран — все тридцать джузов — и показал султану Малик ас-Салеху; тот почтительно принял его, благоговейно поднял над головой, а затем открыл и стал читать, и не просил научить его, ибо все умел сам. При этом факир и шейх Исмаил воскликнули: «*Хвала Аллаху, Господу миров!*».

Затем шейх Исмаил приказать созвать витязей и всех подданных — больших и малых, старых и молодых, мужчин и женщин. Когда все были в сборе, шейх Исмаил обучил их всех произносить слова свидетельства, и все они с охотой и искренней верой сделали это. Поэтому и Самудра стала называться Страной Даруссалам³⁸. С тех пор ее жителей никто не мог одолеть и причинить им вред, ибо они неустанно исполняли все обязанности, полагающиеся для обращенных в ислам. Шейх повелел всем [собраться в?] Самудре Даруссалам. Когда доставили туда царские регалии, в урочный час витязи и воины явились пред лицо государя. Султан облачился в одежды, присланные в дар из Мекки, в честь своего восшествия на престол. Витязи выстроились рядами перед барабаном Ибрахи́ма — Искреннего Друга [Аллаха]³⁹, глашатаи построились торжественным строем, а все чиновники заняли места, положенные им по их званию. Коронационные барабаны загремели, заиграл оркестр, прогремел пушечный залп, возвещая о восшествии раджи на престол, и витязи с воинами почтительно склонились перед его величеством, говоря: «Долгих тебе лет, владыка вселенной, *тьень Аллаха в мире*». Когда государь был торжественно возведен на престол, витязи заняли свои места перед ним сообразно с достоинством каждого. Вельмож же в этой стране было двое: Тун Сери Кайя и Тун Баба Кайя. Тун Сери Кайя стал зваться Саййид Али Гиатуддин, а Баба Кайя — [Саййид] Семайамуддин.

Проведя некоторое время в Самудре Даруссалам, шейх Исмаил явился к султану Малик ас-Салеху, чтобы попрощаться перед отправлением в обратный путь. Султан приготовил для халифа шарифов фидью⁴⁰: амбру, камфару, ладан, келемба́к⁴¹ и гвоздику, общим весом в сто бахара⁴², и преподнес все это шейху Исмаилу. Молвил султан: «О шейх, вот моя фидья, предназначенная халифу шарифов Мекки в зачет прежде не совершенных молитв Аллаху и в зачет заступничества пророка Мухаммада, посланца Аллаха, и в знак уважения к халифу шарифов». Затем шейх Исмаил поднялся на корабль и отплыл, а факир остался в Самудре, дабы утвердить в стране мусульманскую веру.

Рассказывает владелец этой истории: было в той стране одно племя, не желавшее принять ислам. Оно спаслось бегством в верховья реки Пасанган, поэтому сей народ стал прозываться гайо⁴³, так он и зовется до сих пор.

Султан все еще не был женат. Однажды явились к нему министры и витязи и, поклонившись, сказали: «Долгих тебе лет, владыка вселенной! Вот что мы хотим сказать: хорошо бы тебе жениться, дабы дети и внуки твои продолжали дела твоего правления». Выслушав министров и витязей, султан молвил: «Слова ваши мне по душе. Найдите же мне невесту, которая вам покажется подходящей». Поклонились они: «О государь, владыка вселенной, слышали мы, что есть раджа в стране Перлак⁴⁴ и у него три дочери-красавицы. Не послать ли тебе послов к нему: это могущественный и храбрый раджа».

Приказал султан одному из министров посетить этого раджу, взяв с собой женщин, знающих толк в делах сватовства. Собравшись, в урочный час министры⁴⁵ поднялись на корабль и поплыли к Перлаку. Спустя некоторое время они прибыли туда и бросили якорь в гавани Перлака. Радже Перлака слуги доложили так: «О государь, владыка вселенной, в нашей гавани бросил якорь какой-то корабль». Молвил раджа Перлака: «Идите и узнайте, что это за судно». Посланные сели в лодку и, подъехав к кораблю, спросили: «Откуда прибыло это судно и с какой целью явились вы сюда?» Отвечают мореходы: «Мы прибыли с доброй вестью из страны Самудра Даруссалам и хотим встретиться с его величеством султаном Перлака». Посланные тотчас же отправились в обратный путь и передали султану Перлака сказанное министрами. Молвил султан Перлака: «Ступайте и торжественно встретьте этих министров». Когда к министрам явились с приглашением, они сошли с корабля вместе с чиновниками и направились к султану Перлака. Войдя, все они почтительно склонились перед ним. Молвил раджа: «О министр, с чем же ты прибыл сюда?» С поклоном министр ответил: «О государь, владыка вселенной, нас послал сюда султан Самудры Малик ас-Салех, правитель страны Самудра Даруссалам, дабы мы засвидетельствовали тебе его почтение, владыка вселенной». Тут он с поклоном вручил все привезенные им подарки и украшения, и его речи звучали столь ласково и убедительно, что лица слушающих засветились радостью и смягчились сердца тех, кому его сватовство к принцессе было не по душе.

Выслушав речи министра, возрадовались и раджа Перлака, и его витязи. Слуги стали разносить бетель в томпаковых и серебряных

сосудах, угощая каждого из присутствующих министров, сообразно его положению. Затем султан объявил: «О министры, прибывшие из Самудры, я согласен удовлетворить просьбу моего сына султана Малик ас-Салеха, ибо он нашего рода-племени».

На следующий день повелел государь украсить дворец, нарядить двух своих дочерей в раззолоченные одежды, расшитые самоцветами, а еще одной дочери — принцессе Гангганг, рожденной им от наложницы, велел надеть шелковый каин с цветочным узором, баджу, оттенком схожее с цветами джамбу⁴⁶, драгоценный перстень и серьги кольцами. Она уселась на возвышении прямо напротив того места, где подавались кушанья для министров и дам, прибывших из Самудры для сватовства. Когда же те увидели трех сестер-принцесс, сердца всех привлекла к себе принцесса Гангганг, очаровавшая их своей красотой и изяществом. Спрашивают они: «А кто это сидит там на возвышении?» Отвечают им: «Это тоже дочь нашего раджи, только она родилась от наложницы». Когда же пир завершился, гости распрощались и тронулись в путь в Самудру, к султану Малик ас-Салеху.

По прибытии в Самудру они доложили султану следующее: «О государь, владыка вселенной! Действительно, у раджи Перлака три дочери, причем одна из них рождена наложницей. Но по нашему разумению она красивей всех, держится изящно и с достоинством. Судя по всему, ее положение [при дворе] выше, чем у двух ее сестер». Когда посланцы завершили свой рассказ, султан Малик ас-Салех приказал позвать звездочетов. Когда те явились, султан молвил: «О звездочеты, посмотрите-ка у себя в книгах, кто из дочерей раджи Перлака мне больше подходит». Звездочеты справились в своих астрологических книгах, все рассчитали, покачали головами и доложили: «О государь, владыка вселенной, если ты возьмешь в жены ту дочь раджи, что сидела на возвышении, царство твое пребудет в благоденствии вплоть до твоих детей и внуков».

Тут султан приказал ехать за принцессой Гангганг. Совершив все приготовления, министр отправился за принцессой в Перлак. Проведя в плавании некоторое время, он прибыл в Перлак. Сопровождаемый нянюшками, министр явился пред лицо султана Перлака и с поклоном сказал: «О государь, владыка вселенной, твой сын, султан Малик ас-Салех, почтительно припадает к твоим стопам и просит у тебя руки принцессы Гангганг». Молвил раджа Перлака: «Я согласен отдать ему руку своей дочери». Затем государь повелел снарядить сто лодок, которые должны были сопровождать дочь

в пути, а Тун Перпатих⁴⁷ Пандак⁴⁸ был назначен старшим, отвечающим за переезд принцессы Гангганг в Самудру Даруссалам. Государь повелел, чтобы для дочери был построен дворец, где бы с нею пребывали и фрейлины, и прислужницы и где находились бы все царские регалии⁴⁹. Когда все было готово, в урочный час султан Перлака под звуки музыки двинулся вместе с дочерью в направлении устья реки. Прибыв к устью, принцесса Гангганг поклонилась отцу, матери и обеим сестрам, проливая слезы. Обняли и расцеловали ее отец с матушкой и обе сестрицы. Затем принцесса Гангганг поднялась в лодку и поплыла, а султан Перлака вернулся опечаленный к себе во дворец.

Некоторое время длилось плавание, судно достигло Джамбу Аир, и Тун Перпатих Пандак вместе с принцессой сошли на берег и проследовали в ее дворец. Там принцесса облачилась в нарядные одежды. Тут султан Малик ас-Салех выехал на торжественную встречу принцессы. При въезде в Самудру Даруссалам ей воздавались всяческие почести, когда же она оказалась во дворце, государь приказал начать церемонию бодрствования в честь предстоящей свадьбы. По завершении бодрствования государь сочетался браком с принцессой Гангганг и даровал смену одежды витязям, наградил милостыней из золотых и серебряных монет нищих и бедняков своей страны. Туну Перпатиху Пандаку он преподнес роскошные одежды, а его свиту наградил золотом и серебром. Получив царские дары, Тун Перпатих Пандак испросил у государя разрешения отбыть назад в Перлак. Государь с супругой передали с ним свой нижайший поклон отцу с матерью и двум сестрицам⁵⁰ и послали им великолепные одежды. Затем Тун Перпатих Пандак возвратился в Перлак. Султан Малик ас-Салех превратил дворец, где принцесса находилась в ожидании свадьбы, в еще более внушительную постройку и нарек сей город Рама Ганди. Так он зовется и по сей день.

Прошло некоторое время с тех пор, как султан Малик ас-Салех начал править в этой стране, и вот прибыл торговый корабль из Келинга⁵¹, и был на нем некий человек, умеющий видеть золотой дым⁵². И сказал он: «В этой стране есть семь мест, где выходит [из земли] золотой дым, но местные жители об этом не знают». Его слова были услышаны одним из приближенных султана и доложены султану Малик ас-Салеху. Приказал государь позвать келингца, сказавшего это, и келингец явился пред очи султана. Молвил государь келингцу: «Верны ли твои слова, будто в нашей стране есть золотой дым?» Говорит с поклоном келингец: «О государь, влады-

ка вселенной! По моему разумению, в отношении твоей страны никакой ошибки здесь быть не может». Услышав это, султан наградила его полной сменой одежды, как полагается, и молвил: «Если все действительно так обстоит, отправляйся к месту, где выходит этот дым, и добудь там золото». Поклонился келингец и, сопровождаемый воинами султана, отправился в путь. Придя к месту, он приказал раскапывать там землю. И добыли они там множество золота, равное добыче с пяти рудников⁵³, и доставили это золото к султану. Возликовал султан, получивши это золото.

Некоторое время прошло с тех пор, как воцарился султан Малик ас-Салех, и вот государыня забеременела. Когда настал ее срок, она произвела на свет мальчика удивительной красоты. Радовался султан, глядя на свое дитя, и возложил заботу о нем на самых опытных нянюшек и мамушек. По приказу государя загремели барабаны, заиграл оркестр, и устроил он обряд бодрствования, как положено у раджей при рождении их ребенка. Семь дней и семь ночей длилось это бодрствование, где все пили, ели и веселились. В день же, когда ребенок сделал свой первый шаг по земле и когда впервые ему обрили голову, воины, министры и витязи собрались на пир. Государь щедро одарил своими милостями министров, витязей и всех людей — больших и малых, нищих и бедняков, и нарек ребенку имя: султан Малик ат-Тахир. По достижении им совершеннолетия, государь возвел его на престол Самудры.

Поведал владелец этой истории: однажды султан Малик ас-Салех вместе со своими воинами отправился поохотиться на берег моря. С собой он взял охотничьего пса по кличке Си Пасей. По прибытии на берег он приказал отпустить пса, и тот побежал в лес, росший вдоль берега моря. Встретился ему на пути пеландук⁵⁴, расположившийся на высоком пригорке. Пес залаял и намеревался вцепиться в пеландука, но едва подбежал к нему, как тот сам облаял пса, и пес отступил. Увидел пеландук, что пес пошел на попятный, и вернулся на свое прежнее место. А пес, увидев, что пеландук вернулся на свое место, подбежал к нему, и оба они семикратно обнялись. Видя, как повели себя пес и пеландук, государь был изумлен. Он сам поднялся на пригорок, намереваясь схватить пеландука. Тот собрался было бежать, но пес удержал его своим объятием. Молвил государь своим спутникам: «Случалось ли вам видеть столь смелого пеландука? Думается мне, своим бесстрашием он обязан этому месту». Поклонились те: «Истинны твои слова, о достойнейший». И подумал государь: «Построю-ка я здесь город, где бу-

дет править мой сын — султан Малик ат-Тахир». Затем султан Малик ас-Салех воротился к себе во дворец. На следующий день он распорядился, чтобы министры, витязи и воины все как один занялись расчисткой площадки, на которой следовало воздвигнуть город, и каждый трудился сообразно со своими силами, а затем на месте, где был пригорок, государь приказал построить дворец.

Когда город был построен, охотничий пес Си Пасей испустил дух на том же самом месте. Там и повелел султан похоронить его. По имени пса он нарек этот город и посадил в нем править своего сына, султана Малик ат-Тахира, сам же султан Малик ас-Салех пребывал, как и прежде, в Самудре Даруссалам.

Прошло некоторое время с тех пор, как султан Малик ат-Тахир поселился в стране Пасей, и вот Всевышний Аллах даровал государю двух сыновей. Старшего назвали султан Малик ал-Махмуд, а младшего — султан Малик ал-Мансур. И вот занемог султан Малик ат-Тахир, и по воле Аллаха скончался. Его похоронили, как полагается хоронить государя, перешедшего в мир иной. И поскольку оба его сына были еще малы, дела правления Пасеем взял на себя дед и управлял страной, покуда они не выросли. Мальчика по имени султан Малик ал-Махмуд дед-государь отдал на попечение Саййида [Али] Гиатуддина, учившего его всем наукам, владению оружием, верховой езде и езде на слонах. Того же, кого звали Малик ал-Мансур, дед-государь препоручил заботам Саййида Семайамуддина.

Прошло время, и султан Малик ал-Махмуд стал взрослым. Тогда дед-государь возвел его на престол страны Пасей. Саййид Али Гиатуддин стал у него первым министром. Подданных же страны, ее казну и прочее достояние, царские регалии, слонов, лошадей и оружие дед-государь поделил на две части, одна из которых была передана во владение султану Малик ал-Махмуду, а вторую сберег для султана Малик ал-Мансура, ибо тот был еще мал. Султан Малик ал-Махмуд остался править в Пасее, а султана Малик ал-Мансура султан Малик ас-Салех увез с собой в Самудру Даруссалам.

Спустя некоторое время султан Малик ас-Салех занемог. Созвал он тогда министров, витязей и вельмож страны и всех ее жителей, больших и малых, чтобы возвести на престол султана Малик ал-Мансура. Собравшись, все они предстали перед султаном, и он молвил: «О министры и витязи и воины! Я хочу сделать раджей султана Малик ал-Мансура, ибо чувствую, что вскорости сам я переселюсь из этого бренного мира в мир загробный. Что скажете на

это, согласны вы или нет?» И все они ответствовали ему с поклоном: «О государь, владыка вселенной! Справедливо твое решение, о достойнейший, ибо султан Малик ал-Мансур уже стал взрослый, и нам надлежит перейти под его власть». Молвил государь: «Если так, пусть министры, витязи и вельможи объявят по стране о возведении его на престол Самудры».

Пришло примерно три дня, как об этом объявили, и султан Малик ас-Салех сделал такой наказ Саййиду Семайамуддину и Саййиду Али Гиатуддину: «О два моих первых министра, окружите моих внуков своей заботой, и если будет на то воля Всевышнего Аллаха, не допускайте, чтобы оба этих брата встали на путь греха и наставляйте их обоих. Пусть ваша преданность моим внукам не изменит вам и вы никогда не станете служить кому-либо, кроме моих внуков. Не будьте гонителями рабов Аллаха, не творите деяний, противных Божьему закону, ибо Аллах Всевышний дал в Коране об этом следующий наказ⁵⁵: „*Кто не судит по закону, ниспосланному Аллахом, тот превращается в неверного*“».

Оба министра почтительно склонили головы и со слезами проговорили: «О государь, владыка вселенной, *тень Аллаха на земле*, клянемся именем Всевышнего Аллаха — Господа всего сущего: если будет на то воля Всевышнего, мы оба не нарушим твоего приказа, о достойнейший владыка вселенной, и не будем служить никакому иному правителю, кроме как твоим глубокочтимым внукам».

Повелел затем султан позвать обоих внуков. Когда двое раджей явились, светлейший султан объявил им, а также министрам, витязям и вельможам следующее: «О двое внуков моих! Знайте же, что я тяжело занемог и чувствую, что вскорости свершится закон Аллаха и я переселюсь из этого брэнного мира в мир загробный. Вот вам мой завет: вам надлежит неуклонно следовать *повелению [совершать] благое и противиться недостойному*. Не ищите богатств мира сего, ибо мир — место, где господствует гордыня. Не желайте того, что не принесет вам пользы в мире ином, и не забывайте во всех своих делах советоваться друг с другом. Да не будет между вами розни, чтобы Аллах сохранил вас во власти и помогал исполниться всем вашим благим намерениям. Не идите вопреки его повелениям, не пренебрегайте делами добродетели, избегайте дурных поступков, не позволяйте людям творить зло и управляйте ими по справедливости. Да не забудете вы этот мой наказ, о два моих внука!»

Обливаясь слезами, оба внука склонились перед ним и почтительно молвили: «Будь славен, владыка вселенной, твои наставле-

ния — великая награда для нас». Миновало три дня после того, как государь произнес свой наказ внукам, и наконец по воле Всевышнего Аллаха султан обнял и расцеловал их обоих, а затем перешел в мир иной, и его предали земле с соблюдением погребальных обычаев, принятых у великих раджей. С тех пор и вплоть до сегодняшнего дня люди именуют его Падука Саййид ал-Мархум Самудра⁵⁶. Затем султан Малик ал-Махмуд стал правителем Пасея, а султан Малик ал-Мансур — правителем Самудры. В обеих странах жизнь была ключом, и во все время пребывания обоих правителей на престоле были сыты и слоны, и лошади и повсюду царило изобилие.

Слава и могущество султана Малик ал-Махмуда неуклонно возрастали. Дошла об этом весть до раджи Сиама, и тот приказал снарядить около сотни больших и малых судов, дабы идти войной на Пасей. По завершении всех приготовлений он назначил главнокомандующим одного из своих витязей по имени Талак Седжанг. Наконец вооруженная армада двинулась в направлении Пасея. Спустя некоторое время они достигли Пасейской бухты. Увидели местные жители, что множество судов бросило якорь в заливе, и отправились доложить султану Малик ал-Махмуду: «О государь, владыка вселенной! Видели мы, что к нам в залив зашла целая армада боевых кораблей, но неизвестно, откуда и зачем она пожаловала».

Повелел султан своему витязю по имени Баранг Лаксамана: «О Баранг Лаксамана, пойди и разузнай, что это за суда!» Поклонился Баранг Лаксамана и тотчас же отправился. Оказавшись вблизи армады, Баранг Лаксамана спросил: «Откуда прибыли ваши суда, куда вы направляетесь и с какой целью?» Ответили мореходы: «Наши суда прибыли из Сиама. Раджа Сиама послал нас к вам в страну за данью. Если все пройдет, как нами задумано, мы соберем дань и уплывем, а если будет не по-нашему, мы непременно пойдем на вас войной, и предводителем нашим будет Талак Седжанг».

Тотчас же Баранг Лаксамана поспешил к радже и с поклоном доложил: «О государь, владыка вселенной! Прибыли эти суда из страны Сиам, а предводителя их зовут Талак Седжанг. Раджа Сиама послал их к нам в страну за данью. Если все произойдет, как они задумали, они отбудут к себе в страну, а если нет — непременно пойдут на нас войной, о владыка вселенной». Услышав это, султан не на шутку разгневался, потемнел лицом, а все волосы у него на теле стали дыбом. Повелел государь дядюшке⁵⁷ Саййиду Али Гиатуддину созвать всех министров, витязей, пахлаванов и прочее воинство, дабы все они в полном вооружении ожидали высадки врага

на берег. Когда все было готово, султан возвестил: «Клянусь славой и величием Господа, Творца всего сущего, они не только не получат от меня дани, но даже последнего выпавшего у меня волоска».

Слова султана дошли до Талака Седжанга, и он повелел своим воинам сойти на берег и воздвигнуть там крепость. Витязи и воины спустились на берег и занялись строительством крепости. Через три дня султан повелел своей рати дать отпор [неприятелю]. Воины вышли на бой, стороны сошлись в схватке, и началось сражение. В этот день предводителем [пасейской] рати стал Баранг Лаксамана. Оба войска потеряли много ратников убитыми и ранеными, и наконец каждая из сторон отступила в свою крепость. На следующий день войско возглавил Тун Равана Пематанг, с ними были и слоны Дола Лаут и Муда Беси. Между двумя ратями разгорелась жестокая битва, много воинов было убито и ранено, пока воюющие не разошлись по своим станам. Так и шло дело день ото дня в течение двух месяцев, и под конец и Тун Равана Пематанг, и Баранг Лаксамана были ранены.

На следующий же день войско возглавил Тун Хариа Джонг. Началось сражение. Рать Тун Хариа Джонга стала отступать и укрылась у себя в крепости. Видя это, разгневался султан Малик ал-Махмуд и приказал собирать ополчение из всех — больших и малых — способных держать оружие, каждого со своим вооружением. Султан лично вышел на поле боя, чтобы сразиться с Талаком Седжангом. Войска вышли из крепости и выстроились рядами лицом друг к другу. Разгорелась жаркая битва. В пылу и громе сражения ничего нельзя было различить из-за поднявшейся в воздух пыли, воины едва видели друг друга, пронзительные вопли витязей и ратников и звон оружия были слышны даже в самой глубине лесной чащи. Яростная схватка сопровождалась оглушительным грохотом, и много воинов с обеих сторон пало убитыми и ранеными.

Наконец военачальник по имени Талак Седжанг был пронзен стрелой в грудь и скончался. Пасейские ратники испустили громогласный крик. Тут сиамцы обратились в беспорядочное бегство. Тех, кто побежал от берега в глубину материка, всех до одного перебили пасейцы. Те же, кто бросился к морю, забрались на свои суда и отплыли в направлении Сиама.

Султан вернулся во дворец с победой, исполненный ликования. С этих пор жизнь в Пасее закипела ключом, и страна процветала. Султан проводил все свое время в веселых пирах, окруженный ми-

нистрами, витязями и вельможами, а жители страны наслаждались миром и покоем.

Некоторое время прошло с тех пор, как султан Малик ал-Махмуд взошел на престол, и Аллах даровал ему сына и двух дочерей. Нарекли же мальчика султан Ахмад Перумудал Перумал⁵⁸.

Однажды султан Малик ал-Махмуд объявил своим министрам и витязям: «Хочется мне совершить путешествие вверх по реке, повидать города и селения, стоящие на пути, половить слонов, поохотиться и наконец добраться до страны Андами, увидеть ее города и деревни». И вот в благоприятный час султан Малик ал-Махмуд пустился в дорогу вместе со своими министрами, витязями и воинством. Путь их пролегал через города и селения, где государь и его министры и витязи приятно проводили время в пирах и веселых забавах.

Немного времени прошло, и, как поведал владелец этой истории, по возвращении султана Малик ал-Махмуда султан Малик ал-Мансур сам задумал совершить увеселительную поездку и там вволю попить и повеселиться вместе с министрами, витязями и воинами. Тем, кто должен был сопровождать его, султан Малик ал-Мансур приказал начать приготовления. Явился тут к нему Саййид Семайамуддин и с поклоном сказал: «О государь, владыка вселенной! Стоит ли тебе ехать в увеселительную поездку на морское побережье именно тогда, когда твой царственный брат султан Малик ал-Махмуд отбыл из Пасея? Ибо дорога туда пролегает вблизи от его земель. Не попутал бы шайтан кого-нибудь из людей [сотворить недоброе]. Если прознает об этом твой брат, это непременно посеет вражду между вами».

Но султан Малик ал-Мансур не прислушался к словам Саййида Семайамуддина. Он двинулся к морскому побережью и там проводил время в увеселениях и пирах вместе со своими министрами и витязями. Когда же настало время возвращаться, путь его пролегал вблизи города, где проживал султан Малик ал-Махмуд. Увидел султан Малик ал-Мансур, как из дворца вышла прекрасная собою женщина. Воспылав к ней страстью, государь повелел схватить эту женщину, и витязи увезли ее к нему во дворец.

Некоторое время прошло с тех пор, как султан Малик ал-Мансур взошел на престол, и Аллах, преславлен он и возвышен, даровал ему троих детей: двух девочек и мальчика.

Немного спустя дошла до султана Малик ал-Махмуда весть о том, что султан Малик ал-Мансур увез женщину, вышедшую из

его дворца. Узнав об этом, султан Малик ал-Махмуд страшно разгневался на султана Малик ал-Мансура и на Саййида Семайамуддина: «Ведь он — старший из министров, отчего же не удержал он его от этого поступка? Покуда я не убью Семайамуддина — не будет мне покоя». Затем султан Малик ал-Махмуд удалился к себе во дворец, но в душе его кипело негодование⁵⁹ против Саййида Семайамуддина.

Когда Саййид Али Гиатуддин состарился, место первого министра занял его зять — Тулус Агунг Туканг Сукара. Спрашивает его султан Малик ал-Махмуд: «Эй, Тулус Агунг Туканг Сукара, как нам быть с Семайамудином? Если он настроен против нас, султан Малик ал-Мансур представляет для нас опасность». Тулус Агунг Туканг Сукара с поклоном ответил: «О государь, владыка вселенной, если мы проявим хитрость, никто не будет опасен для нас, и мне без труда удастся взять его в плен». Молвил султан: «А как мы сумеем обхитрить его?» Отвечает тот с поклоном: «О государь, владыка вселенной! Поскольку твой сын, султан Ахмад Перумудал Перумал еще не обрезан, давай-ка объявим о его предстоящем обрезании и пригласим сюда твоего младшего брата, султана Малик ал-Мансура. Когда он окажется здесь, тогда все и разрешится — это будет совсем нетрудно!»

Слова Тулуса Агунга Туканга Сукары пришлись государю по душе. В благоприятный день повелел султан Малик ал-Махмуд начать готовиться к бодрствованию по случаю обрезания его царственного сына, султана Ахмада Перумудала Перумала, и приказал пригласить в страну Самудра Даруссалам своего брата, султана Малик ал-Мансура. Отправились в путь гонцы. Прибыв к султану Малик ал-Мансуру, они поклонились и сказали: «О государь, владыка вселенной! Твой старший брат-государь просит тебя пожаловать в Пасей по случаю обрезания его царственного сына». И султан Малик ал-Мансур направился в Пасей.

Прибыв туда, он явился пред лицо своего старшего брата-государя Малик ал-Махмуда, а витязи его остались ждать на дворе. Едва он оказался перед султаном Малик ал-Махмудом, тот подал знак, и султан Малик ал-Мансура со всеми его витязями и Саййидом Семайамудином были схвачены. Повелел государь заточить в тюрьму и султана Малик ал-Мансура, и его витязей, и Саййида Семайамуддина. Поразмыслив в одиночестве, султан Малик ал-Махмуд обратился к Туну Перпатиху Тулусу Агунгу Тукангу Сукаре с такими словами: «Как же нам быть с султаном Малик ал-

Мансуром? Сослать его отсюда подальше или приказать удалиться к себе в страну?» И Тун Перпатих Тулус Агунг Туканг Сукара почтительно отвечал: «О государь, владыка вселенной! Если хочешь последовать моему совету, отправь его отсюда подальше, ибо старые люди говаривали: „С глаз долой — из сердца вон“. Если же он будет пребывать поблизости, ты, владыка вселенной, постоянно будешь помнить о содеянном им и это будет еще больше тревожить тебя. Вот почему тебе следует услать его куда-нибудь в дальние края».

Приказал султан снарядить четыре или пять судов, которые должны были доставить султана Малик ал-Мансура в страну Темианг, сопровождать же его было поручено Туну [Би] Джайе Панглирану. Султан Малик ал-Мансур был препровожден на корабль со всем своим имуществом и рабами и отбыл в плавание. Затем султан [Малик ал-Мансур] повелел доставить из тюрьмы Саййида Семайамуддина, и того привели пред лицо султана. Молвил султан: «Эй, Семайамуддин, хочешь поселиться здесь у меня или нет?» Тот ответил с поклоном: «О государь, владыка вселенной! Поскольку меня разлучили с моим господином, не соблаговолит ли владыка вселенной разлучить мою голову с моим телом?» Султан приказал отрубить ему голову, и слуги исполнили это. Государь повелел бросить голову в море, а тело посадить на кол близ устья Пасея.

И вот по милости Всевышнего Аллаха голова Саййида Семайамуддина поплыла следом за кораблем, на котором плыл султан Малик ал-Мансур. Наконец султан прибыл в порт Джамбу Аир. Когда бросили якорь, рулевой услышал, как что-то стучит о [перо] руля. Поглядев в воду, он увидел человеческую голову, зацепившуюся за [перо] руля, и доложил об этом султану Малик ал-Мансуру. Приказал султан достать голову и увидел, что это голова Саййида Семайамуддина. Рек государь: «Увы, это голова моего учителя Семайамуддина! Каким же образом оказалась здесь твоя голова и где же ныне твое тело?» И повелел султан искать его тело. Отправилась на поиски лодка и увидела тело, посаженное на кол близ устья Пасея. Тотчас об этом было доложено султану Малик ал-Мансуру, и тот послал людей просить [тело] у султана Малик ал-Махмуда. Государь повелел отдать им тело, и люди отвезли его к султану Малик ал-Мансуру. Когда тело было доставлено и султан увидел его, он залился горькими слезами.

Голову соединили с телом, затем омыли и обернули в саван, и государь вознес над ним молитву. Затем он предал эти останки

земле и повелел назвать это место Паданг Майя. Кто знает, не произошло ли это название от слова «останки»⁶⁰, но так это место зовется и по сей день. Так султан Малик ал-Мансур похоронил останки Саййида Семайамуддина. Когда прах был предан земле и была прочитана заупокойная молитва, султан поднялся на корабль и поплыл в направлении страны Темианг. Прибыв на место, он прожил там некоторое время, покуда однажды султан Малик ал-Махмуд, сидя в окружении министров, витязей и воинов, внезапно не вспомнил о брате, султанине Малик ал-Мансуре, и не сказал: «Какой же я глупец! Из-за какой-то женщины я изгнал брата с престола и убил его министра». Преисполненный раскаяния, государь заплакал, а затем повелел своим витязям: «Отправляйтесь и привезите сюда брата — я так истосковался по нему!» Выслушав повеление государя, Тун Перпатих Тулус Агунг Туканг Сукара отправился в путь на нескольких судах. Прибыв к султану Малик ал-Мансуре, он с поклоном сказал: «О государь, владыка вселенной! Твой старший брат истосковался по твоему величеству и послал меня за тобой». Государь ответил: «Хорошо». Поклонился Тун Перпатих: «Соблаговоли взойти на корабль, государь». Вышел государь и проследовал на корабль вместе с женой и детьми, захватив с собой все свое имущество, слуг и рабов, и поплыл из страны Темианг в направлении Пасея.

Когда достигли они Паданг Майя — места погребения Саййида Семайамуддина, — султан Малик ал-Мансур отправился к могиле, дабы прочесть там «Фатиху»⁶¹ и помолиться. Прочитав «Фатиху» и помолившись, государь поднялся с колен и произнес приветствие могиле, звучало же оно так: «*Мир вам, о обитель сообщества верующих, и мы, если пожелает Аллах, к вам присоединимся*». И рек государь: «Прощай, дедушка, я ухожу». И отозвался голос из могилы: «*И вам приветствие!* О внучек, куда же ты собрался? Лучше было бы тебе обрести свое место здесь».

Услышав этот голос, государь взял воды для молитвы и выполнил два ракаата с саламом⁶². Едва успел он совершить салам, как суд Аллаха свершился над ним, ангел смерти забрал его душу, и он перешел в мир иной, ибо было предопределено, что это произойдет, когда государь преклонит колена. Все присутствующие были поражены, видя, что приключилось с государем. Тун Перпатих Тулус Агунг Туканг Сукара тотчас же послал гонцов в Пасей сообщить его старшему брату, султану Малик ал-Махмуду, что случилось с государем. Гонцы прибыли на место и рассказали все о происшедшем с ним, с начала и до конца. Услышав, что произошло с его

младшим братом, государь бросился наземь, разрывая на себе баджу, а затем лишился чувств и пребывал без сознания целый час. Придя в себя, он послал людей за телом брата, и те отправились. Спустя время царские останки были доставлены в Пасей, и государь предал их земле с соблюдением погребальных обычаев, принятых у великих раджей, недалеко от могилы отца государя.

Скорбь султана Малик ал-Махмуда была велика, печаль и раскаяние не оставляли его. Спустя некоторое время государь сложил с себя обязанности правителя и возвел на престол султана Ахмада. Еще немного времени миновало со дня воцарения султана Ахмада, и вот занемог султан Малик ал-Махмуд и уже готов был перейти из этого брэнного мира в мир иной. Тогда султан Малик ал-Махмуд сделал султану Ахмаду такой наказ: «О сын мой, свет очей моих и плод моего сердца! Верша дела правления, следуй заповедям Аллаха и Пророка и не преступай их запретов, соблюдай все, что предписал нам Аллах и в чем наставлял нас Пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!). О сын мой! Не нарушай моих заветов. Если понадобится принять какое-то решение, посоветуйся прежде с самыми опытными министрами и не предпринимай никаких действий, не обсудив их хорошенько с министрами и витязями. Особенно же воздержись от совершения поступков, не одобряемых шариатом. Не твори произвола, не верши несправедного суда над рабами Аллаха и не пренебрегай *повелением [совершать] благое и противиться недостойному*, ибо сей брэнный мир не вечен, и непреходящ лишь мир загробный. О сын мой, да не преступишь ты моих заветов!»

Потупился султан Ахмад, опустил на колени и поклонился, проливая горькие слезы. Вскоре болезнь султана Малик ал-Махмуда приняла дурной оборот и государь перешел в мир иной. Сын и его министры и витязи похоронили владыку близ мечети, с соблюдением погребальных обычаев, принятых у великих раджей с древнейших времен. Затем султан Ахмад взошел на престол.

[Часть 2]

Спустя время после его воцарения прибыл к ним однажды корабль из страны Келинг. На нем находился некий йог, обладавший немалой волшебной силой. Сойдя на берег, мореходы привели йога пред лицо султана Ахмада. Был же у этого йога посох, и он воткнул его в землю прямо у входа в приемный зал султана Ахмада, заце-

пился за его верхнюю часть подбородком, но четыре ножки его посоха⁶³ [...] ⁶⁴. Тогда воткнул он [...] ⁶⁵ в доску, но тот тоже повис, стал крутиться и вертеться. Ощувив на себе воздействие чудотворной силы султана, йог упал наземь и лишился чувств. Глядя на него, султан дивился его колдовскому искусству. Однако впоследствии йог обратился в исламскую веру. Именно он и прозвал султана Ахмада «Перумудал Перумал».

Несколько лет правил государь, и Аллах, Преславлен он и Возвышен, даровал ему тридцать детей. Из них у отца от одной и той же матери родилось пятеро: трое мальчиков, первого из которых звали Тун Браим Бапа, второго — Тун Абдул Джалил и третьего — Тун Абдул Фадил, а также две девочки — Тун Медам Периа и Тун Такиах Дара.

Теперь поведаем о Туне Браиме Бапе. Рассказывает владелец этой истории, что Тун Браим Бапа был очень храбрым богатырем, равных которому не было в те времена. Ростом он был в семь локтей⁶⁶, грудь же его была в два локтя шириной, и он мог разрушить в прах земляной вал в семь морских сажений⁶⁷ толщиной, запустив в него стволом кокосовой пальмы. Слава о нем дошла и до страны Келинг.

Ну а Тун Абдул Джалил был весьма хорош собой, и равных ему по красоте не было в те времена. Когда он стоял у внешних ворот дворца, ворота начинали испускать сияние, когда же он находился под навесом, именуемым дальхана, тот излучал свет, а когда он появлялся на рынке, все, что ни было там, начинало сиять от его красоты. Одеваясь на яванский лад, он выглядел яванцем, облачаясь в сиаamsкую одежду — сиаамцем, в келингском наряде представлялся келингцем, а в арабском — арабом. Весть о нем дошла и до принцессы Гемеренчанг — дочери владыки Маджапахита.

А Тун Абдул Фадил был весьма учен и превзошел все богословские науки; много богословов из наветренных стран приезжали к нему, чтобы задать ему вопросы, и он не отказывал им в их просьбах, ибо был весьма мудр. Слава о нем дошла до Самарканда.

Дочери же султана Ахмада Перумудала Перумала — Тун Медам Периа и Тун Такиах Дара — были очень хороши собой, и не было им равных в те времена. Были у султана Ахмада четыре главных первых министра: одного звали Тулус Агунг Туканг Сукара, второго — Баба Ментуа, третьего — Сулейман Денданг Аир и четвертого — Тун Шах Алам Кота. Султан же воспылал любовной страстью к своим дочерям — Тун Медам Периа и Тун Такиах Дара. Однаж-

ды, когда султан Ахмад восседал в окружении министров и витязей, он обратился к витязям с такими словами: «Если некто посадит растение, кому следует первым отведать его плоды?» Ответил с поклоном Тун Перпатих Тулус Агунг Туканг Сукара: «О государь, владыка вселенной! Если мы, твои рабы, посадим растение, им следует прежде угостить гостей, это будет поставлено нам в великую заслугу». [Так он ответил], ибо понял намек, содержащийся в словах государя. Сказал тут с поклоном Баба Ментуха: «О государь, владыка вселенной! Если мы, твои рабы, посадим растение, нас самим следует первыми и отведать его». [Так он ответил], ибо Баба Ментуха не знал, что крылось под словами государя.

Услышав, что сказал Баба Ментуха, государь разгневался на Туна Перпатиха Тулуса Агунга Туканга Сукару. А Тун Перпатих послал одну из женщин сообщить Тун Медам Перие и Тун Таких Даре о том, что сказал витязям государь. Тун Медам Периа отправила гонца сообщить об этом Туну Браиму [Бапе] в Тукас, где он в это время находился. Получив такое известие, Тун Браим Бапа поспешил в Пасей и направился во дворец к султану Ахмаду. Обеспокоенный за сестер, Тун Браим Бапа увез их в Тукас. Сиятельный султан пришел в ярость и решил отомстить Туну Браиму Бапе за то, что тот увез обеих сестер в Тукас.

Спустя некоторое время из страны Келинг прибыл большой корабль. На нем находились четверо единоборцев, которым в их стране никто не мог противостоять, один же из них был самым ловким и превосходил прочих своей силой. Все они прибыли в Пасей, ища, с кем бы можно было померяться силой. Достигнув пасейской гавани, они бросили якорь в Телук Терли, а затем сошли на берег. Встретив местных жителей, они спросили у обитателей Телук Терли: «На какие действия вашим раджей наложен запрет?» Ответили жители Телук Терли: «Наш раджа не позволяет людям занимать места в длинном балее⁶⁸ на царской площади, распускать волосы и сидеть болтая ногами. Вот что запрещено делать у нас в стране». Услышав это, единоборцы сказали: «Так вот, мы будем делать все то, что запрещено». Единоборцы отправились в Пасей и направили свои стопы прямо на площадь. Они расселись в длинном балее, заняв там все места, расселись и в длинном павильоне, наполнив его до отказа, распустили волосы и принялись болтать ногами.

Когда люди увидели, как они себя ведут, то пошли доложить об этом Туну Перпатиху Тулусу Агунгу Тукангу Сукаре. Приказал Тун Перпатих дать знать Бермамату Пантею и Медане Пантею.

Оба эти гонца⁶⁹ поспешили уведомить о случившемся Буджанггу Баджу Райю. Затем Буджангга Баджа Райя явился с докладом к его величеству, владыке вселенной, и почтительно доложил: «О государь, владыка вселенной! К нам пожаловали заморские гости, отряд единоборцев из Келинга⁷⁰ со своим вожаком. Цель их прибытия — померяться силами в схватке, ибо в их стране им уже нет равных. Они с самым наглым видом чешут языками, усевшись в длинном балее и длинном павильоне, распустив волосы и болтая ногами».

Повелел султан Ахмад Бермамату Пантею и Медане Пантею: «Отправляйтесь-ка вы оба в Тукас и сообщите об этом моему сыну, Туну Браиму Бапе. Отправились гонцы в Тукас к Туну Браиму Бапе и с поклоном доложили ему: «О государь, заявили к твоему отцу-государю заморские гости, отряд единоборцев из Келинга со своим вожаком. Прибыли же они для того, чтобы померяться силами в схватке, ибо в их стране им уже нет равных. Сейчас они с самым наглым видом чешут языками, расселись в длинном балее, заняв там все места, расселись и в длинном павильоне, наполнив его до отказа, распустив волосы и болтая ногами. Вот почему твой отец-государь послал нас сообщить тебе об этом». Отвечает Тун Браим Бапа: «Доложите его величеству, владыке вселенной, что завтра же я предстану перед ним». Два [гонца] пустились в обратный путь и передали [отцу] слова сына.

А Тун Браим Бапа повелел Перману Исапу и Орангу Тикару: «Отправляйтесь-ка вы оба в Падука Арах Букит и позовите моего дядюшку единоборца из Пулау Кукур, затем поезжайте в Кампунг Бангка и пригласите моего дядюшку единоборца из Кампунг Бангка, затем езжайте в Ланггар и позовите моего дядюшку пахлавана из Кампунг Ланггар, а еще позовите моего брата Малика Акасана, моего брата Али, единоборца из Кампунг Чина, да еще Туна Биджайю Панглирана и Равану Пематанга с его воинами и с ними всеми являйтесь сюда». Поехали Перман Исап и Оранг Тикар созывать пахлаванов и единоборцев. Те поспешили явиться и с хмурым видом, насупившись, сказали с поклоном: «О государь, давно ты не созывал нас [столь спешно], как сейчас. Даже осужденным на казнь дают некоторую отсрочку».

Отвечает Тун Браим Бапа: «О дядюшки и братья мои, я послал за вами гонцов потому, что к владыке вселенной заявили заморские гости, отряд единоборцев из Келинга со своим вожаком. Прибыли же они для того, чтобы померяться силами в схватке, ибо в их

стране им уже нет равных. Сейчас они с самым наглым видом чешут языками, расселись в длинном балее, заняв там все места, расселись и в длинном павильоне, наполнив его до отказа, распутив волосы и болтая ногами». Выслушав рассказ Туна Браима Бапы, все [прибывшие] с поклоном сказали ему: «О господин, с помощью Господа и если будет на то воля Всевышнего Аллаха, мы готовы померяться силами в схватке с вожаком отряда келингских единоборцев».

Тут Тун Браим Бапа сказал Перману Исапу и Орангу Тикару: «О дядюшки, сходите и принесите-ка мне мелкой гальки по *кунча*⁷¹ каждый». Отправились те за галькой, но не только по *кунча* каждый, но и пять *нали*⁷² не смогли донести. Тогда Тун Браим Бапа сам отправился на берег и набрал гальки, а потом понес в правой и левой руках по *кунча*, просто чтобы охладить свой пыл⁷³, и не только не надорвался, а даже не вспотел.

Молвил Тун Браим Бапа Перману Исапу и Орангу Тикару: «О дядюшки, позовите-ка ко мне Васата Макама и Васата Перака». И тотчас же те явились на зов. Молвил им Тун Браим Бапа: «О Васат Макам и Васат Перак, бейте в барабаны и дуйте в серунеи⁷⁴, [возвещая о] бое, ибо я намереваюсь устроить потеху вместе со своими наставниками и дядюшками». Забили те в барабаны, стали дуть в серунеи, [возвещая о] бое. И, стоя перед своими наставниками, Тун Браим Бапа принялся бить в барабан, просто чтобы охладить свой пыл, и не только не надорвался, а даже не вспотел.

Услышав звук боевых барабанов, светлейший султан пробудился от сна и, призвав Дару Зулайху Тингкап, сказал ей так:

О Дара Зулайха Тингкап,
Проснись же скорее!
Род твой происходит из Терджунап Панглиран.
Будучи начальницей над моими наложницами,
Ты прозываешься Тун Дермой Дикарой.
Проснись же скорее!
Разве ты не слышала
Как боевой барабан в Тукасе
Гремит удар за ударом
На рассвете, когда еще виден месяц?
Откуда явились к нам враги этой ночью?
Сколько их и кто их главарь?

Тут Дара Зулайха Тингкап проснулась, вскочила и, еще не набросив на плечи покрывала, не уложив волосы в пучок, лишь раз-

делила их на пряди, сбрызнув розовой водой⁷⁵ и, поклонившись, сказала: «О государь, владыка вселенной, зачем ты призвал свою рабу столь рано? Нынешней ночью месяц светил с юга, и [я] крепко спала».

Молвил владыка вселенной:

О Дара Зулайха Тингкап,
Прозванная Тун Дермой Дикарой.
Разве ты не слышала
Как боевой барабан в Тукасе
Гремит удар за ударом
На заре при свете месяца?
Откуда явились к нам враги этой ночью?
Сколько их и кто их главарь?
Ну-ка, пошли узнать, кто там [собрался] около дворца и кого
там нет?

Тун Дерма Дикара Тингкап вышла и обратилась с [этим] вопросом к тем, кто собрался около дворца. Ответили Бермамат Пантей и Медана Пантей: «Здесь собрались все рабы покойного государя во главе с Буджанггой Баджей Райей и Маликом Сулайманом и Шах Аламом Котой, они стоят у дворца». Говорит им тут Дара Зулайха Тингкап:

Разве вы не слышали
Как боевой барабан в Тукасе
Гремит удар за ударом
На заре при свете месяца?
Откуда к нам явились враги этой ночью?
Сколько их и кто их главарь?
Идите и узнайте!

Тут Бермамат Пантей [и Медана Пантей] направились в Тукас, чтобы все разузнать. Видят они, что Тун Браим Бапа вместе со своими наставниками и витязями затеял там потеху. Покинув Тукас, Бермамат Пантей и Медана Пантей поспешили назад. Воротившись, они объявили: «О Дерма Дикара Тингкап, мы только что из Тукаса. Никаких врагов там не видать, это Тун Браим Бапа предается веселым забавам со своими витязями и наставниками». Дара Зулайха Тингкап доложила владыке вселенной: «Никаких врагов там нет и в помине, просто сын твой Тун Браим Бапа со своими витязями затеял там потеху». Молвил тут султан Перумудал Перу-

мал Даре Зулайхе Тингкап: «О Дара Зулайха Тингкап, прозванная Дермой Дикарой! Никому не открывай моей тайны, но если я не убью Туна Браима Бапу, царство мое не устоит⁷⁶ и не будет мне дано обонять благоухание рая».

По наступлении дня Тун Браим Бапа повелел своему приближенному⁷⁷ Даре Сипиру: «О Дара Сипир, натолки мне пудры, выжми лимон. Я хочу искупаться вместе со своими дядюшками и министрами». Дара Сипир открыл ящик со ступкой для толчения пудры, выжал лимон и перемешал его сок с кеджемасом⁷⁸. Затем Тун Браим Бапа, его витязи и наставники умастили себя пудрой с лимоном и вошли в воду реки Симпанг. Искупавшись, они вернулись во дворец, и Тун Браим Бапа повелел открыть сундук и достать оттуда нарядные одежды для дядюшек, братьев и витязей.

Сам же Тун Браим Бапа прежде всего надел на себя каин из тонкого желтого шелка [...?]⁷⁹ с подолом цвета пламени, обшитым по краю золотой узорчатой каймой [...?]⁸⁰ с бахромой [...]⁸¹ и колокольчиками по подолу, надел баджу, сияющее, словно солнце, с пуговицами из слюды, украшенными драгоценными камнями и [...]⁸², надел чалму китайского образца⁸³ [...?]⁸⁴ с золотой каймой, украшенную россыпью самоцветов, с жемчужной бахромой; повязал кушак, надел на руку выше локтя браслет в виде семикратно обвившегося змея⁸⁵; взял крис в золотых ножнах, с инкрустацией из самоцветов, надел перевязь с мечом-молнией⁸⁶, [...]⁸⁷ и повесил на левое плечо лук, украшенный позолотой.

Весь вид его говорил о величии и мощи, голос звучал ласково, словно у тигра, которому нет равных по силе. Витязи следовали за государем, а впереди выступали его наставники, готовые к победе над единоборцами. Его лук были бесподобен, баджу сверкало всеми цветами радуги, звенели дротик и украшенный самоцветами нож для метания. Наконец те, кто двигался во главе отряда, дошли до ворот дворца и вступили в его пределы. Увидев, какое множество людей прибыло туда, султан пришел в ужас и стал просить Дару Зулайху Тингкап: «О Дара Зулайха Тингкап! Узнай, что это за люди здесь появились!» Послала Дара Зулайха Тингкап слуг ко дворцовым воротам, те обнаружили там предводителей отряда Туна Браима Бапы, и она доложила государю: «О государь, владыка вселенной! Все в порядке, это прибыли сюда предводители отряда Туна Браима Бапы».

Подъехав к дворцовым воротам, Тун Браим Бапа сказал Перману Исапу и Орангу Тикару: «О дядюшки, отправляйтесь-ка вы оба

к матушке Даре Зулайхе Тингкап по прозванию Дерма Дикара и попросите для меня крылатого коня персидской породы». Отправились те двое к Даре Зулайхе Тингкап и сказали: «О Тун Дерма Дикара, передай его величеству, владыке вселенной, что сын его Тун Браим Бапа просит у него крылатого коня персидской породы». Пошла Дара Зулайха Тингкап к султану и почтительно доложила: «О государь, владыка вселенной, твой сын Тун Браим Бапа просит у тебя серого⁸⁸ крылатого коня персидской породы». Султан молвил: «Увы, Дара Зулайха Тингкап, на этого коня нет управы. Человеку не под силу его оседлать, уж слишком он буйного нрава. Если сын мой Браим Бапа собирается ездить на этом коне, предоставьте ему его вместе с [уздечкой и седлом]».

Приказала Дара Зулайха Тингкап вывести коня и отдать его [Туну Браиму Бапе] вместе с уздечкой и седлом. Перман Исап на пару с Орангом Тикаром тотчас же подвели коня к Туну Браиму Бапе. Выйти на поле и поглядеть, как будет гарцевать Тун Браим Бапа, собрался и сам султан. Заметив появление султана, Тун Браим Бапа встал навтыжку, а затем преклонил перед ним колена. Молвил султан Бермамату Пантею и Медане Пантею: «Скажите сыну моему, Туну Браиму Бапе, чтобы он сел на коня на виду у заморских гостей и их предводителя — единоборца из Келинга. Пусть он пришпорит коня и скачет в Тукас». Бермамат Пантей и Медана Пантей доложили Туну Браиму Бапе о приказе его величества, сказав: «О господин Тун Браим Бапа! Твой царственный батюшка велел тебе сесть на коня на виду у заморских гостей и их предводителя — единоборца из Келинга».

Тун Браим Бапа поклонился султану, сел на коня и поскакал на поле. Перед тем как сесть в седло, он почтительно [склонился перед] султаном, а затем пришпорил коня — только пыль поднялась в воздух. Пришпорил еще раз — и понесся в направлении Тукаса. Через мгновение он уже скрылся с глаз султана. Прослезился тот и сказал: «Пропал мой сынок, где теперь его искать? Говорил я ему, что конь этот — буйного нрава и что никому прежде не удавалось оседлать его — не послушался!» Но в ту же минуту нежданно-негаданно Тун Браим Бапа оказался перед султаном, гарцуя на коне, словно павлин, распутивший хвост. Затрепетал султан, словно увидев обезумевшего слона.

Повелел султан Бермамату Пантею и Медане Пантею: «Передайте сыну моему Туну Браиму Бапе — пусть покажет свое искусство владеть клинком заморским гостям и их предводителю — еди-

ноборцу из Келинга, и смоеет с меня позор». Бермамат Пантей и Медана Пантей отправились передать слова его величества Туну Браиму Бапе и сказали: «Владыка вселенной повелел тебе показать свое искусство владеть клинком заморским гостям и их предводителю — единоборцу из Келинга». Молвил Тун Браим Бапа: «Если так повелел владыка вселенной — прошу дать мне меч и щит». Отправились те и доложили: «О государь, владыка вселенной, твой царственный сын просит дать ему меч и щит». Рек тогда им султан: «Идите и доставьте сюда все мечи и щиты, и пусть мой сын выберет себе те меч и щит, что ему понравятся». Те поспешили за мечами и щитами и принесли их пред лицо султана. Поклонившись султану, Тун Браим Бапа стал разбирать их и наконец выбрал себе самый большой меч и самый большой щит. Затем он преклонил колена перед султаном, вышел и, подоткнув подол своего каина, взял меч за рукоять правой рукой, а щит держал левой.

Тут загрохотали барабаны серама⁸⁹, сливаясь звуками с серунем. Государь⁹⁰ [...] ⁹¹ со своим наставником, пахлаваном из Кампунг Бедила, — [мелодия] его серама называлась Аньям. Переговорив⁹² с еще одним своим наставником, единоборцем Али из Пулау Кукур, государь исполнил на барабанах нежную мелодию. Затем он обратился к своему наставнику, пахлавану из Кампунг Бангка, и тот подбросил в воздух кокосовый орех⁹³. [Взмахом своего клинка] Тун Браим Бапа рассек его надвое, так что одна половинка улетела неведомо куда, а другая, полная сока, упала на землю. Тогда обратился государь к своему наставнику, пахлавану из Кампунг Ланггара, и тот подбросил в воздух плод арековой пальмы. [Взмахом своего клинка] Тун Браим Бапа рассек его надвое, так что одна половинка улетела неведомо куда, а другая упала на землю. Тут государь обратился к своему наставнику — единоборцу Али из Кампунг Чина, и тот воткнул в землю ствол арековой пальмы, а Тун Браим Бапа разрубил его вдоль сверху донизу, даже не уронив. Когда же подул ветер, ствол рухнул, расколовшись на четыре части.

Тун Браим Бапа отпрыгнул вправо, а затем влево, [словно] отражая удары щитом, и тот исчез из виду [...] ⁹⁴ в левой руке. Затем он взмахнул мечом, и тот исчез из виду — лишь рукоятка осталась у него в правой руке. Тут Тун Браим Бапа преклонил колена перед султаном Ахмадом, и с ним и все его наставники. Ужас охватил единоборцев из Келинга, когда они увидели, сколь могуч Тун Браим Бапа. Потрясенные, они тряслись от страха, словно куры, зави-

девские ястреба, и говорили между собой: «Никогда в жизни нам не доводилось видеть человека, способного сделать то, что делает Тун Браим Бапа. Не только биться с ним, но и глядеть на него нам страшно!»

Молвил султан: «Ну что же, единоборцы из Келинга, сразитесь-ка с моими витязями и единоборцами». Ничего не ответили единоборцы из Келинга. Пристыженные, они надели свои чалмы, побрели к себе на корабль и уплыли. Молвил султан Туну Браиму Бапе: «О душа моя и свет очей моих, отправляйся-ка ты со своими людьми в верховья реки». И султан воротился во дворец. Тун Браим Бапа тронулся в обратный путь и повел свой отряд — наставников, дядюшек и братьев — вверх по течению реки, в Тукас, и там устроил для них веселый пир. Затем все они распрощались с Туном Браимом Бапой и отправились по домам.

Прошло некоторое время, и как-то в пятницу Тун Браим Бапа отправился прогуляться в Пасей. Войдя в ограду дворца султана, он взшел на заднюю крытую галерею и увидел там Тун Фатиму Лемпоу по прозвищу Темиан Лайанган, плетущую цветочные гирлянды вместе с Дарой Зулайхой [Тингкап], наложницей султана Ахмада. Спрашивает Тун Браим Бапа: «О матушка Тун Фатима Лемпоу, для кого вы плетете эти гирлянды?» Отвечает она Туну Браиму Бапе: «Для мечети». Выслушав ее ответ, Тун Браим Бапа уселся, прислонившись к одной из опор галереи. Когда гирлянда была готова, Тун Фатима поднялась и вприпрыжку побежала с ней внутрь дворца. Тун Браим Бапа рассердился, бросился вслед, чтобы остановить ее, и ухватил подол ее каина. Ударившись плечом о двери дворца, он отступил.

Султан пробудился от сна в своей опочивальне. А надо сказать, что во дворце было девятнадцать покоев со столбами в обхват толщиной, и все они зашатались, словно случилось землетрясение. Позвал султан Дару Зулайху Тингкап: «О Дара Зулайха Тингкап, отчего наш дворец шатается — не землетрясение ли это?» Вышла Дара Зулайха Тингкап и узнала, что Тун Браим Бапа хотел схватить Тун Фатиму Лемпоу. Вернувшись, Дара Зулайха Тингкап почтительно доложила: «О государь, владыка вселенной! Все в порядке — это твой царственный сын Тун Браим Бапа заигрывал с Тун Фатимой Лемпоу и ударился плечом о дверь во дворец».

Разгневался султан и молвил Даре Зулайхе Тингкап:

«О Дара Зулайха Тингкап,
Прозванная Тун Дермой Дикарой.

Ты из рода Терджунан
племени Панглиран
Уроженка Сунгей Рахат!
Ты — начальница над моими наложницами.

Я открою тебе мой секрет, но не говори о том никому: если я не убью Туна Браима Бапу, царство мое не устоит и не будет мне дано обонять благоухание рая».

И подумал тут султан Ахмад: «Что же мне такое придумать, чтобы расправиться с ним? Отправлюсь-ка я с ним в верховья реки, а там прикажу его убить». Приказал тут султан Бермамату Пантею и Медане Пантею: «Позовите-ка ко мне Туна Перпатиха Тулуса Агунга Туканга Сукару и Бабу Ментуа и всех моих витязей». Отправились Бермамат Пантей и Медана Пантей звать их. Когда все собрались пред султаном Ахмадом, он объявил витязям и министрам: «О господа, не прогуляться ли нам к верховьям реки? Там мы с вами полакомимся[...]»⁹⁵, крабами, имеющими плавники, креветками [...]»⁹⁶, [...]»⁹⁷ и рыбой *патин*»⁹⁸, полной икры». И повелел султан им всем собираться, чтобы последовать за ним.

Говорит султан своим витязям: «А на чье попечение мы оставим Пасей?» Поклонился Баба Ментуа: «О государь, владыка вселенной! По моему разумению, следует оставить здесь твоего царственного сына Туна Браима Бапу, ибо он настоящий богатырь». Услышав это, султан Ахмад молвил: «Браима Бапу я не могу здесь оставить: кто же тогда будет добывать для меня рыбу и ставить сети?» Поклонился Малик Сулайман Денданг Аир: «О государь, владыка вселенной! Соболаговли тогда оставить Пасей на попечение Туна Абдул Фадила». Молвил государь: «Тун Абдул Фадил не должен расставаться со мной». Тут Тун Перпатих Тулус Агунг Туканг Сукара сказал с поклоном: «О государь, владыка вселенной! По моему разумению следует оставить здесь Туна Абдул Джалила, ибо он весьма хорош собой. В яванской одежде он будет похож на яванца, в китайской — на китайца, в сиамской — на сиамца, а в арабской — на араба». Повелел султан Ахмад: «Что же, оставим здесь Туна Абдул Джалила».

Молвил султан Ахмад Бермамату Пантею и Медане Пантею: «Поезжайте-ка вы оба в Тукас и сообщите Туну Браиму Бапе, что мне пришла охота полакомиться [...], крабами, имеющими плавники, креветками [...], [...]и рыбой *патин*, полной икры. Отправляйтесь же в Тукас к Туну Браиму Бапе». Прибыв в Тукас, те сказали:

«О государь, владыка вселенной! Твой отец-султан задумал прогуляться к верховьям реки – к омуту Турей: ему пришла охота полакомиться [...], крабами, имеющими плавники, креветками [...], [...] и рыбой *патин*, полной икры. Ты должен немедля же последовать за своим царственным батюшкой в верховья реки». Затем Бермамат Пантей и Медана Пантей откланялись, воротились пред очи султана и поведали ему, что сказал им Тун Браим Бапа.

Приказал тогда Тун Браим Бапа Перману Исапу и Орангу Тикару: «О дядюшки, поезжайте-ка вы оба к тем, кто живет вверх по течению реки, распорядитесь, чтоб они расчищали дороги, вырубали деревья, растущие по ее берегам, ибо светлейший султан собрался в увеселительную поездку в верховья реки — к омуту Турей. Затем отправляйтесь в Белатап к Малиму Зайналу Бератапу и Малиму Пагару Сесаху, а потом — в кампунг к Си Али Кечилу Пахату Пуртару, Си Бинтанг Тимуру и Си Акапу Гагаху Менгангкату, и велите им дожидаться меня на берегу у Мангганга». Поклонились Перман Исап и Оранг Тикар и двинулись в верховья реки, чтобы оповестить там всех о предстоящей увеселительной поездке султана.

А Тун Браим Бапа со слезами [распрощался] со своими домоладцами, а затем вышел на рыночную площадь и, встав там, сказал: «О рыночный люд! Тот, кто перекликался и балагурил с вами, покидает вас. Я еду с султаном в верховья реки, а затем на гору Фудулаллах, и не знаю, вернусь ли назад или нет». Говорят люди с рынка: «О государь Тун Браим Бапа, откуда взялся тот недруг или неприятель, что ты ведешь такие речи? Пока мы, твои рабы — жители Тукаса, не ляжем костями все до единого, с тобою этого не сотворят». Говорит Тун Браим Бапа: «Успокойтесь! Браим Бапа не хочет изменить [государю]. Если бы он взбунтовался [против государя]⁹⁹, то ни Пасей, ни Ява, ни Китай, ни Сиам не смогли бы противостоять ему. И если в мире сем не суждено мне царствовать, то я непременно получу свое в мире загробном».

И Тун Браим Бапа вышел [за городские] ворота. Встретив Малика Сулеймана Денданга Аира, он сказал: «О дядюшка Малик Сулейман Денданг Аир! Некому теперь будет перешучиваться с тобой: я отправляюсь в путь к верховьям реки и не знаю, вернусь или нет». И заплакали они оба с Маликом Сулейманом. Затем Тун Браим Бапа вернулся к себе, проливая слезы, а с ним плакали и его домоладцы, и слуги.

Отъезд султана в увеселительную поездку совершился, как и полагается у лиц царского звания. Повелел государь Бермамату Пан-

тею и Медане Пантею: «Отправляйтесь-ка вы оба к Браиму Бапе и сообщите ему, что я уже двинулся к верховьям реки». В путешествии вверх по реке государя сопровождали женщины, наложницы и фрейлины. А Бермамат Пантей и Медана Пантей отправились к Туну Браиму Бапе. Затем Тун Браим Бапа вышел вместе с двумя своими родичами¹⁰⁰ и пошел на рыночную площадь. Молвил Тун Браим Бапа: «Прощай же, рыночный люд! Я отправляюсь следом за султаном вверх по реке к горе Фудулаллах и не знаю, вернусь ли назад или нет». Люди с рынка залились горькими слезами и стали возносить молитвы за Туна Браима Бапу. А тот отправился на берег реки¹⁰¹, взошел на судно, сел на корме, взялся за весло [с лопастью] шириной в три локтя, ручкой трех пядей в окружности и длиной в семь локтей. С каждым гребком он оказывался у следующей излучины реки¹⁰². Один из его витязей, несший зонтик, [...] ¹⁰³. А светлейший султан прибыл к омуту Санггунг. Молвил султан Ахмад Бермамату Пантею и Медане Пантею: «Прикажите моему сыну Браиму Бапе ловить рыбу намётом»¹⁰⁴. Отправились те и сообщили Туну Браиму Бапе о приказе ловить рыбу намётом. Взялся за дело государь и, забросив сеть в омут Санггунг, нырнул в воду. Увидел светлейший султан, что тот нырнул, и подал знак своим витязям ждать, когда он вынырнет, и все они обнажили мечи и дротики, приготовившись колоть и рубить Туна Браима Бапу. Но тот прошел под водой до следующей излучины реки, а там поднялся на поверхность и вышел на берег.

Видя это, султан и его витязи прониклись ужасом. Побелев от страха, [витязи] вложили мечи и дротики в ножны, и султан продолжил свое путешествие к верховьям реки. А Тун Браим Бапа снова забросил сеть и добыл множество рыбы и [...] ¹⁰⁵, и крабов, имеющих плавники, и креветок [...] ¹⁰⁶, [...] ¹⁰⁷ и рыбы *патин*, полной икры. Все это он повелел почтительно преподнести султану Ахмаду.

Затем Тун Браим Бапа продолжил свой путь к верховьям реки и прибыл на берег Мангганг¹⁰⁸. Все его витязи уже ожидали Туна Браима Бапу на берегу. Тун Браим Бапа стоял на носу своей лодки, расправляя сеть. Он обратился к своим витязям со словами: «О друзья и товарищи мои, с кем вам теперь доведется побалагурить? Ведь я отправляюсь вверх по реке к горе Фудулаллах и не знаю, вернусь ли назад или нет». Говорят те с поклоном: «Отчего ты ведешь такие речи, государь? Пока все мы не ляжем костями, никому не удастся расправиться с тобой». Молвил Тун Браим Бапа: «О друзья

и товарищи мои, успокойтесь! Я не собираюсь изменить [государю]. Если бы я взбунтовался [против государя], то ни Пасей, ни Ява, ни Китай, ни Сиама не смогли бы противостоять мне».

Подошли Пахат Путар, Бинтанг Тимур, Акап Гагах Менганкат, Малим Зайнал и Малим Пагар Сесах и спросили: «О государь, отчего ведешь ты такие речи?» Государь молвил: «Не тревожьтесь, если в мире сем не суждено мне царствовать, то, если будет на то воля Всевышнего Аллаха, я непременно получу свое в мире загробном».

Повелел Тун Браим Бапа Али Кечилу Пахату Путару и Малиму Пагару Сесаху: «О дядюшки, поборитесь-ка вы здесь передо мной». Тотчас же те двое обменялись рукопожатием, перешли в захват и каждый стал налегать на противника, так что под конец оба по колени погрузились в землю. Говорит Тун Браим Бапа: «Вы равны по силе». Поклонился Пахат Путар: «О государь, если бы мы не боялись, что нас сочтут бунтовщиками, мы бы и с тобой могли померяться силами». Улыбнулся государь на эти слова Али Кечила Пахата Путара, отложил в сторону свою сеть и сошел на сушу. Сел на берегу, вытянув ноги, и приказал Пахату Путару приподнять их. Взаялся тот за ноги Туна Браима Бапы, но не смог не только приподнять, но даже стронуть их с места, хотя старался изо всех сил, так что на концах всех десяти его пальцев выступило по капле крови. Тут Тун Браим Бапа пошевелил ногами — и Пахат Путар отлетел, словно лист под порывом ветра. Улыбнулся Тун Браим Бапа и взошел на борт своей лодки.

А султан Ахмад прибыл в Танджунг Ара, но там его лодка и лодки его витязей сели днищами на бревно, [перегородившее реку]. Приказал государь витязям и воинам убрать бревно, но те не смогли. Повелел тут владыка [привлечь к этому делу] слонов — Долу Лаута, Чермина Чину, Раджу Берианга, Раджу Тангкаса, Бирама Пасея, Семпурну Дерму Утаму, Сери Негри, Арака Апи и прочих, но и те не сумели справиться с этим препятствием.

Молвил султан Ахмад Бермамату Пантею и Медане Пантею: «Идите-ка и позовите моего сына Туна Браима Бапу». Отправились они и, придя к нему, с поклоном сказали: «О государь Тун Браим Бапа, светлейший султан приказал просить тебя явиться к нему, ибо в Танджунг Ара его лодка села днищем на бревно, [перегородившее реку]. По его приказу и витязи, и воины, и лучшие слоны¹⁰⁹ пытались вытащить его, но не смогли. Поспешите же туда, государь!»

Только было собрался Тун Браим Бапа отправиться в Танджунг Ара, как приступили к нему Али Кечил Пахат Путар, Бинтанг Тимур, Акап Гагах Менгкангкат, Малим Зайнал Бератап и Малим Пагар Сесах с такими словами: «О государь наш Тун Браим Бапа! И рис твой уже готов, и кур для тебя мы уже зарезали — обожди хотя бы немного!» Отвечает Тун Браим Бапа: «О, друзья мои и товарищи, простите меня! Я чувствую себя так, словно бы уже отведал вашего риса с гулеем¹¹⁰, но сейчас мне следует спешить на зов светлейшего султана».

Затем он двинулся в путь и прибыл в Танджунг Ара. Завидев сына, султан Ахмад сказал: «О сын мой, погляди: моя лодка и лодки витязей сели днищами на бревно. Как же нам с ним поступить?» Тун Браим Бапа поклонился до земли, а затем пробрался к бревну и обследовал его наощупь от основания ствола до макушки, потряс его, а затем сказал: «Ну-ка, витязи, держите крепче лодку светлейшего султана!» И надавил на бревно, топя его, и, ощупав его от основания до макушки, выхватил свой ханджар¹¹¹, надрубил бревно, а затем пнул его ногой, и оно развалилось надвое. Одна из половин бревна улетела в направлении верховьев, за вторую излучину реки, а все лодки понеслись по воде. Одни из них затонули, другие сталкивались между собой, третьих унесло в лес, потому что перелом ствола вызвал мощную приливную волну, лодку же султана отнесло до следующей излучины.

Тун Браим Бапа снова нырнул и пробыл под водой очень долго. Султан притворно заплакал, приговаривая: «О, сын мой Тун Браим Бапа! Или ты исчез безвозвратно, или же бревно задавило тебя? О, свет очей моих и плод моего сердца, где же ты сейчас и что с тобой случилось?» А Тун Браим Бапа, уйдя под воду, двинулся вверх по течению, таща за собой второй обломок бревна. За пятой излучиной реки он вышел на берег с бревном в руках и воткнул его концом в землю, примерно на четыре сажени в глубину. Затем он уселся на его вершине, распустив волосы и прищелкивая пальцами.

Султан двинулся вниз по течению, а фрейлины, нянюшки и придворные дамы из окружения Туна Браима Бапы принялись плакать, рвать на себе волосы, причитая: «О государь наш Тун Браим Бапа! Неужели ты исчез безвозвратно?» Некий человек, шедший от верховьев реки и видевший Туна Браима Бапу, восседавшего на бревне, дойдя до места, где находились плакальщицы, сказал им: «О чем вы плачете?» [Отвечают] они: «Наш господин Тун Браим Бапа исчез, а может, и умер — мы не знаем». Говорит тот человек:

«Там, выше по реке я видел, как Тун Браим Бапа сидит на берегу распустив волосы и прищелкивает пальцами». И тотчас же все они пустились бежать к верховьям реки, спеша увидеть государя.

Султану же доложили, что Тун Браим Бапа жив. Молвил тут султан Бермамату Пантею и Медане Пантею: «Идите и позовите-ка ко мне чародея»¹¹². Отправились они за чародеем, и тот явился. Повелел султан: «Приготовь-ка мне горячее снадобье. Боюсь, не простудился бы мой сын Тун Браим Бапа от пребывания под водой». Изготовил чародей рисовое печенье и вмешал в него яд, а затем преподнес его султану. Приказал султан Бермамату Пантею и Медане Пантею отнести его [Туну Браиму Бапе]: «Идите и доставьте это горячее снадобье сыну. Боюсь, как бы он не простудился от пребывания под водой». Отправились те, неся горячее снадобье, и, придя к Туну Браиму Бапе, сказали: «Вот угощение со стола твоего светлейшего отца — горячее снадобье. Ведь ты промерз, находясь под водой».

Тун Браим Бапа понял, что это яд. Взял он одно печенье, разломил надвое и бросил половинку собаке. Съев печенье, собака тотчас же издохла. Вторую половинку он бросил курице, и та издохла тоже. Подумал тут Тун Браим Бапа: «Если я съем это печенье, то непременно умру, а если не буду его есть — стану слушником. Чем прослыть таковым, лучше уж мне умереть!» Взял он еще одно печенье и хотел было его есть. Увидела это Тун Медам Периа — вырвала его из рук брата и тут же скончалась. Он взял второе, но и его вырвала из его рук сестра — Тун Таких Дара — и тотчас же испустила дух. Повелел Тун Браим Бапа [отнести тела] на гору Фудулаллах и похоронить их там.

Взял Тун Браим Бапа печенье, оставшееся от сестер, и съел его. Яд сразу же начал оказывать свое действие. Все тело его стало зудеть, и он велел Перману Исапу и [Орангу] Тикару чесать его, и те принялись чесать ему спину. Ногти сошли с их пальцев, и оба они испустили дух. Туну Браиму Бапе было невмочь терпеть этот зуд. Едва он, подойдя к дереву кулур¹¹³, стал тереться о него спиной, как с дерева опала кора, осыпались листья, и оно во мгновение ока засохло.

Молвил он Малику Акасану: «Скажи, дядюшка Малик Акасан, где здесь есть глубокий омут?» Поклонился Малик Акасан: «О государь, сказывали старики: есть такой омут, что зовется Турей, очень глубокий, а шириной всего в [...]»¹¹⁴. Молвил Тун Браим Бапа: «Отведи меня туда, дядюшка». И Тун Браим Бапа отправился

к омуту Турей. По прибытии туда он сказал: «О дядюшка Малик Акасан, забрасывай сеть!» Малик Акасан закинул сеть, и она, кружась, погрузилась в омут Турей. Говорит Тун Браим Бапа: «Как же ты, дядюшка, думаешь ее достать? Вытянуть ее не удастся: она зацепилась за рога змея-быка¹¹⁵. Тогда Малик Акасан нырнул, чтобы достать сеть. Видит: омут светится алым светом, словно от горящего пламени. Выплыл он на поверхность и сказал: «Государь! Там в омуте словно бы светится алое пламя!»

Говорит Тун Браим Бапа: «Дай-ка мне кусок ротанга»¹¹⁶. Затем он взял в руку талисман, а конец ротанга закрепил на поясе и нырнул. Много рыбы из этого омута попало в его сеть. Вынырнул он и выбросил нанизанную на кукан рыбу на берег. Затем государь снова нырнул, и увидел змея-лембу. Тот набросился на Туна Браима Бапу, и они стали бороться. Обхватил его Тун Браим Бапа, и вода в омуте забурлила, словно океанские волны. Увидели кормилицы и придворные дамы, что случилось с Туном Браимом Бапой, и воскликнули: «О государь Тун Браим Бапа, видно, проглотил тебя змея-бык!» Тут Тун Браим Бапа выхватил свой ханджар и заколол змея-быка. Когда тот издох, он взрезал ему живот. Все внутренности змея, сердце и печень вывалились наружу. Тун Браим Бапа разрубил змея на части, нанизал на ротанг и, всплыв на поверхность, швырнул их на берег. Поднявшись на сушу, он приказал останки змея предать огню. Те же, кто вдохнули этот дым, скончались все до единого — так ядовит был змей.

Тут Тун Браим Бапа почувствовал, что силы покидают его. Повелел он отнести султану Ахмаду пойманную им рыбу, да наказал спросить, где государь намеревается его похоронить. Отправились его слуги к султану с рыбой и, вручив ее, с поклоном спросили: «О государь, Тун Браим Бапа велел спросить: где ты похоронишь его, если он умрет?» Молвил султан: «В том самом месте, [где умрет], его и похороню. Ведь и в Пасее земля Аллаха, и там земля Аллаха тоже». Поклонились те, воротились к Туноу Браиму Бапе и передали тому все сказанное султаном. [Молвил тут Тун Браим Бапа] Малику Акасану: «Что ж, дядюшка, вези меня к горе Фудулаллах».

И Тун Браим Бапа пустился в дорогу вместе со своим дядюшкой и всеми своими родичами. Когда они достигли развилки дорог, говорит Малик Акасан: «О государь, отсюда [до горы Фудулаллах] есть два пути. Если поедешь вот по этой дороге, то окажешься там через два дня, а если вот по этой — уже через день будешь у горы Фудулаллах. Но только по пути туда растет дерево *сабасани*¹¹⁷, на-

поминающее собой змея. Всякого, кто ни завидит его, охватывает ужас, и он падает как подкошенный и испускает дух. Ну а дальше по дороге там растет дерево *белуру*¹¹⁸, похожее на змея в чешуе, и всякого, кто ни завидит его, охватывает ужас, и он падает как подкошенный и испускает дух». Говорит Тун Браим Бапа: «Давай-ка, дядюшка, отправимся этой короткой дорогой!»

И Тун Браим Бапа пошел этой дорогой. Встретилось ему на пути дерево *сабасани*. Завидев его, Тун Браим Бапа вздрогнул, выхватил свой ханджар и нанес по стволу удар. Вскрикнуло дерево человеческим голосом, и потекла из него кровь, похожая на человеческую. Пошел он дальше и увидел на пути вьющийся ствол *белуру*. Завидев его, Тун Браим Бапа вздрогнул, выхватил свой дротик и пронзил им *белуру*. Издало тут *белуру* громоподобный крик, словно слон затрубил, и потекла из него кровь, похожая на человеческую.

Пошел Тун Браим Бапа дальше, но силы постепенно покидали его. Говорит Тун Браим Бапа: «О дядюшка Малик Акасан, понесика ты меня: я больше не могу идти». Малик Акасан понес его на спине. Наконец дошли они до места, где Тун Браим Бапа уже не мог более терпеть и попросил положить его на землю. Взял Тун Браим Бапа копье и метнул его, а затем сказал: «О дядюшка Малик Акасан, если бы Браим Бапа был изменником, то ни Пасей, ни Сiam, ни Келинг не смогли бы ему противостоять, но Браим Бапа не хочет бунтовать [против государя]. Послушай, дядюшка Малик Акасан: где упало мое копье, там и похорони меня».

А копье это упало на гору Фудулаллах. Спустя мгновение Тун Браим Бапа скончался. Малик Акасан и все друзья и товарищи Туна Браима Бапы понесли его тело на гору Фудулаллах, словно это были останки факира. Оказавшись на горе, они увидели, что копье воткнулось в землю между могилами двух его сестер и вошло на такую глубину, что над землей торчал лишь его конец длиною в локоть. Толщина же копья достигала двух пядей в окружности, лезвие его было шириной в локоть и длиной в семь локтей. Расстояние, которое пролетело копье, равнялось примерно половине дня пути. Наконец Малик Акасан и все его спутники предали тело [Туна Браима Бапы] земле в том самом месте, где упало копье. Весть о кончине государя донеслась [до его отца]. Возрадовался султан Ахмад, возликовал сердцем, а затем вернулся в Пасей, к себе во дворец.

Рассказывает владелец этой истории: покуда Пасей оставался на попечении Туна Абдул Джалила, тот занялся благоустройством

города, его рынков и площадей. Там, где были ухабы, государь повелел провести насыпные работы, и поверхность всех площадей была выровнена.

[Часть 3]

Расскажем теперь о принцессе Гемеренчанг, дочери владыки Маджапахита с Явы. Принцесса не была замужем, потому что среди всех царских сыновей она хотела избрать себе такого, кто был бы и мудр, и отважен. Приказала она своему витязю Туну Перпатиху Джене объехать все страны и в каждой из них нарисовать портрет царского сына, захватив для этого с собою ящик бумаги, кувшин чернил и связку перьев. Снарядив лодку, Тун Перпатих Джена поплыл из одной страны в другую, и в каждой он рисовал портрет царского сына.

Уже девяносто девять портретов набралось у него, и под конец Тун Перпатих Джена прибыл в Пасей. Увидев Туна Абдул Джалила, он сделал и его портрет, ставший сотым по счету, а затем выехал из Пасея и поплыл к себе в страну.

Спустя некоторое время он прибыл на Яву и явился к принцессе Гемеренчанг, неся с собой изображения царских сыновей. Из девяноста девяти портретов ей не понравился ни один. Но едва увидев портрет Туна Абдул Джалила, принцесса Гемеренчанг была изумлена и сказала Туну Перпатиху Джене: «Кто это, как его зовут и из каких он краев?» Отвечает Тун Перпатих Джена с поклоном: «О госпожа, это портрет Туна Абдул Джалила, царского сына из страны Пасей». И от одного взгляда на портрет сердце принцессы Гемеренчанг охватила любовная страсть.

Раден Галух¹¹⁹ Гемеренчанг не могла более владеть собой и словно обезумела. Еда не насыщала ее, напитки не утоляли ее жажды. Нянюшки и придворные дамы доложили отцу и матери, что принцесса повредила рассудком, лишь только взглянула на портрет Туна Абдул Джалила. Услышав, что случилось с их дочерью, владыка Маджапахита и его супруга были поражены и опечалены. Они приказали позвать дочь, принцессу Гемеренчанг, и сказали: «Доченька, что за тоска томит твое сердце?» Отвечает с поклоном принцесса Гемеренчанг: «О государь, владыка вселенной! Не описать словами той тоски, которую низвел в мое сердце всевышний Аллах! Ибо ни на минуту не уходит у меня из памяти лик сына па-

сейского раджи, Туна Абдул Джалила, словно бы я утонула в нем. Как сказано в стихах:

Излила она на меня скорби
И сделались для меня дни ночами¹²⁰,

что означает: „Снизойшла на меня любовная тоска, и, когда она овладела мною, все дни мои превратились в ночь“».

Услышав слова дочери, принцессы Гемеренчанг, владыка опечалился еще больше и подумал про себя: «Если я не пойду навстречу ее желанию, любовная тоска доведет мою дочь до безумия». И молвил владыка: «Потерпи немного, дочка! С помощью Аллаха я подумаю, как нам с тобой быть». Но принцесса с поклоном сказала: «О государь, владыка вселенной! Нет у меня сил терпеть. Если есть у твоего величества жалость и сочувствие ко мне, прикажи немедля же доставить меня в Пасей. Если же этого не случится, любовная тоска непременно сведет меня в могилу».

Едва отец с матерью выслушали принцессу, как государь тотчас же приказал снаряжать гурабы¹²¹, келулусы¹²² и джонки. Когда все было готово, государь приказал украсить большой гураб, на котором должна была плыть принцесса Гемеренчанг, со всей пышностью. Государь вручил принцессе царские регалии, одарил роскошными одеждами, изящными украшениями из золота, серебра и самоцветов, нарядами на любой цвет и вкус, свита же ее состояла из витязей, министров и воинов.

В благоприятный день владыка, сопровождаемый витязями и воинами, отправился проводить принцессу на берег моря. По прибытии туда принцесса преклонила колена, прощаясь с отцом и матерью. Государь с государыней обняли и поцеловали ее, заливаясь слезами. Затем принцесса вместе со своими нянюшками, мамушками и придворными дамами поднялась на украшенный гураб, витязи расселись по своим лодкам, и все они поплыли в Пасей, не останавливаясь ни днем, ни ночью.

Рассказывает владеец этой истории: весть о том, что вереница судов принцессы Гемеренчанг, дочери владыки Маджапахита с Явы, двинулась к Пасею, потому что принцесса воспылила страстью к Туну Абдул Джалилу, достигла ушей султана Ахмада. Узнав об этом, владыка потерял покой и денно и нощно думал лишь о том, как бы расправиться с Туном Абдул Джалилом. Однажды он обратился к Даре Зулайхе Тингкап с такими словами: «О Дара Зулайха Тингкап! Не говори этого никому, но если я не убью Туна Абдул Джа-

лила, царство мое не устоит и мне не заполучить принцессы Гемеренчанг». Принялся он размышлять, как бы расправиться с Туном Абдул Джалилом. Наконец он отдал приказ своим слугам убить его, и Тун Абдул Джалил был умертвлен. Затем султан повелел бросить его тело в море близ [устья] Джамбу Аир.

Спустя некоторое время суда принцессы Гемеренчанг прибыли к [устью] Джамбу Аир и стали на якорь в гавани. Выплыла тут из устья Джамбу Аир лодка с рыбаками, и мореходы с джонки заметили ее. Когда лодка подплыла поближе, спрашивают мореходы: «Как называется ваша страна?» Отвечают рыбаки: «Зовется наша страна Пасеем». Говорят мореходы: «А что творится сейчас у вас в стране?» Отвечают рыбаки: «Носорог пожирает своих детей — вот что у нас творится». Говорят мореходы: «Нам не понять, что означают ваши слова». Отвечают те: «А означают они то, что светлейший султан Пасея убил двух своих сыновей. Одного из них, Туна Браима Бапу, он убил из-за того, что сам воспылал любовной страстью к двум своим дочерям — Тун Медам Периа и Тун Такиах Дара. А Туна Абдул Джалила он убил и бросил в море здесь, близ Джамбу Аир, ибо прослышал он, будто сюда едет с Явы принцесса Гемеренчанг, влюбившаяся в Туна Абдул Джалила. По его приказу тело Тун Абдул Джалила было брошено в море здесь, близ Джамбу Аир. Вот что значили наши слова о носороге, пожирающем своих детей».

Все сказанное рыбаками тотчас же сообщили принцессе Гемеренчанг. Услышав эту новость принцесса Гемеренчанг стала бить себя в грудь и рыдать. Говорит принцесса: «О витязи мои и воины, возвращайтесь на Яву к моим отцу с матерью, а если чем-то я провинилась, припадите к стопам моих родителей и тысячекратно просите их простить меня, да расскажите отцу и матери обо всем, что видели и слышали». И сказала принцесса всем пребывавшим на судне: «О вы, находящиеся на борту этого гураба! Пусть те из вас, кто захочет, останутся здесь со мной, а кто хочет ехать обратно, перейдут на прочие суда, ибо местом, где я воссоединюсь с моим возлюбленным, Туном Абдул Джалилом, станет море».

И принцесса вознесла Аллаху такую молитву: «О Боже мой, о Господь мой, убей меня, потопа мой гураб в морской пучине у Джамбу Аир и сделай так, чтобы мы встретились с Туном Абдул Джалилом». И вот по воле всевышнего Аллаха гураб затонул в пучине морской, а все ее суда вернулись на Яву.

Рассказывает владелец этой истории: когда до султана Ахмада дошла весть о том, что принцесса Гемеренчанг утонула, тот стал

в отчаянии ломать руки. Угрызения совести за убийство сыновей — Туна Браима Бапы и Туна Абдул Джалила — мучили его непрестанно. Молвил султан своим витязям: «О витязи мои! Что же [не нашлось никого], кто бы помешал мне убить моих сыновей?» Подошел тут Тун Перпатих Тулус Агунг Туканг Сукара и с поклоном сказал:

О государь, владыка вселенной!
Чей перец лежит в амбаре?
[...] ¹²³
Кого здесь можно упрекнуть?
В этом проступке виноват ты сам.

А тем временем вереница судов принцессы Гемеренчанг достигла Явы, и все мореходы явились предстать перед его величеством: они доложили ему о том, отчего утонула принцесса Гемеренчанг, и сообщили, что султан страны Пасей стал убийцей своих детей. Когда владыка Маджапахита услышал эту весть, они с женой залились горькими слезами, бросились оземь и лишились чувств.

Придя в себя, владыка повелел патиху ¹²⁴ созвать министров, виднейших военачальников и их ратников. Приказал он затем снаряжаться и вооружаться, дабы идти войной на Пасей на четырехстах больших джонках и множестве пирог и келулусов. Когда все было готово, министры, военачальники и ратники разместились по судам вместе со своим вооружением и припасами. Повелел государь [возглавить поход] полководцу, прозывающемуся Сенapati Инг Лага ¹²⁵, а с ним несколькими сотням министров и воинских командиров.

И вот в благоприятный день вереница судов двинулась в направлении Пасея. По прибытии в пасейский порт они сошли на берег и воздвигли крепость вдоль береговой линии ¹²⁶, а затем расположились там. Тут Тулус Агунг Туканг Сукара явился к султану Ахмаду и доложил, что неприятель, прибывший из Маджапахита, воздвиг для себя крепость. Услышав об этом, султан возрадовался и сказал: «Завтра же я распоряджусь, дабы враг этот был изгнан». И повелел государь Туну Буайе Панглирану возглавить войско и собрать в его ряды побольше ратников. На следующий день в каждом из станов загремели барабаны войны, оба войска выстроились на поле и двинулись друг на друга. Разгорелась битва, и много ратников с обеих сторон было убито и ранено. Когда же снова загремели барабаны, оба войска разошлись по своим станам. Так

и сражались они изо дня в день в течение трех месяцев, и ни одна из сторон не одержала верха, потому что яванцам все время приходило подспорье из других краев.

Видя, что сражение не приносит победы никому, Сенапати не на шутку разгневался на своих командиров, сам сошел на берег с примерно тысячью пахлаванов и повелел всем своим ратникам, вооружившись, сойти с гурабов и джонок. Султан же Ахмад призвал самых могучих витязей и пахлаванов — единоборцев из Пулау Кукур и Кампунг Бангка, пахлаванов из Кампунг Ланггара и единоборцев из Кампунг Чина, Али Кечала Пахата Путара, Малика Акасана и Туна Равану Пематанга, стянул [к месту битвы] и слонов, и лошадей, и несметную рать.

На рассвете в обоих станах загремели барабаны войны, и все воины вышли из своих крепостей и выстроились на поле друг против друга. Началось сражение, ряды воинов из двух станов смешались между собой. Звенело оружие, клики витязей и ратников казались раскатами грома, кровь текла ручьями. Маджапахитские воины, сошедшие со своих джонок, спешили на помощь товарищам, а с ними и те, кто прибыл из других краев на подмогу правителю Маджапахита. Три дня и три ночи без перерыва длилось сражение, и погибших в бою пахлаванов, витязей и простых ратников было не счесть.

Слуги доложили султану: «О государь, владыка вселенной! Пахлаванов, витязей и простых ратников уже погибло столько, что и не счесть». Молвил султан: «Увы, если бы был жив сын мой Брамим Бапа, то ни все Ява, ни весь Китай, ни весь Келинг не решились бы выступить против него». Поклонился тут ему Тун Перпатих Агунг Туканг Сукара и исполнил такой пантун¹²⁷:

[Зачем спрашивать], чей перец лежит в амбаре
С тех пор, как очищены его зерна?
Кого здесь можно упрекнуть?
В этом проступке виноват ты сам.

Затем султан Ахмад вышел из дворца, сопровождаемый всеми его обитателями, захватил с собой то имущество и знаки царской власти, что можно было унести, и перебрался на жительство в место под названием Мендуга, что находилось примерно в пятнадцати днях пути от Пасея.

Рассказывает владелец этой истории: на исходе трех дней битвы сопротивление пасейцев было сломлено и все они бежали в беспо-

рядке куда глаза глядят. Воины Маджапахита вступили в столицу и заняли дворец султана Ахмада. Много добра они награбили, много народу взяли в плен.

Некоторое время провели они в Пасее, и воины пировали, предаваясь веселью. На городской площади росло манговое дерево, к которому воины прислонили свои копья, так что дерево согнулось под их тяжестью. И назвали это место Паданг Паух Бенгкок¹²⁸, так оно прозывается и по сей день.

После того как яванцы пробыли некоторое время в Пасее, Сенапати распорядился, чтобы министры, военачальники и ратники заняли места каждый на своем судне, захватив свои богатые трофеи и пленников, так что [суда] флотилии были заполнены до отказа и напоминали собой плывущих уток. С победой возвращались они на родину, сопровождая воинственными криками все свое плавание. Проведя в пути некоторое время, они достигли Джамби и Палембанга, и обе эти страны покорились им, сложили оружие и перешли под власть Маджапахита.

[...] ¹²⁹ и все они явились к государю с государыней. Сенапати передал государю воинскую добычу и пленников, рассказал, как протекало сражение от начала и до конца, и о том, что Пасей потерпел поражение, а его раджа бежал неведомо куда. Владыка же повелел разделить воинскую добычу на три части: одну из них он взял себе, одна предназначалась Сенапати с его министрами и военачальниками, а еще одна — простым ратникам.

Затем Сенапати представил ему дань от Джамби и Палембанга со всем их оружием¹³⁰ и доложил, что обе эти страны перешли под власть Маджапахита. Пленникам из Пасея государь повелел: «Селитесь на Яве, где вам заблагорассудится». По этой самой причине после завоевания Пасея Маджапахитом на Яве оказалось много святых мест¹³¹. Так рассказывает владелец этой истории.

Расскажем теперь о том, что спустя некоторое время владыка обратился к Патиху Гаджаху Маде, Теменггунгу¹³² Мачану Негаре, Демангу¹³³ Синге Перкуасе и Сенапати Ингу Лаге с такими словами: «О мои министры и воинские командиры, что скажете вы обо всех тех странах, заливах, побережьях и островах, что еще не подвластны нам? Не пойти ли вам на них войной?» Поклонились министры и военачальники: «Мы исполним твою волю, государь». Стал Патих Гаджах Мада собирать витязей и воинство, готовить снаряжение, и наконец все было готово — и оружие, и знамена для торжественного шествия, и [...] ¹³⁴. Затем Патих Гаджах Мада, ми-

нистры и военачальники явились пред лицо государя в приемный зал и, поклонившись, уселись. Патих Гаджах Мада почтительно доложил: «О государь, все исполнено, как ты повелел. Снаряжены шестьсот судов, во главе поставлены три военачальника: первый — Теменгунг Мачан Негара, второй — Деманг Синга Перкуаса и третий — Сенапати Инг Лага. Есть еще и воинские командиры поменьше чином: нгабехи¹³⁵, сельские старосты, мелкие чиновники, главы деревень, а простых воинов у нас числом триста тысяч человек».

Молвил владыка: «Не спешите, подождем благоприятной минуты». И государь устроил пир для министров, военачальников и воинов, и семь дней и ночей они ели и пили, предаваясь веселью под звуки музыки. По завершении пира государь даровал смену одежды министрам, военачальникам, витязям и ратникам — каждому сообразно с его званием. Угостив их сладким печеньем, государь молвил: «О министры и военачальники! Я бы хотел начать с покорения земель, находящихся под властью раджи страны Мыса»¹³⁶.

Тут министры, военачальники и витязи почтительно распрощались с владыкой, заняли места на своих судах и поплыли в направлении страны Мыса. Прибыв к [окружавшим ее] островам, они овладели ими и собрали с них дань. Так Тамбелан, Сиантан, Джемаджа, Бунгуран, Серасан, Суби, Пулау Лаут, Тиуман, Пулау Тингги, Пеманггилан, а затем и Каримата, Белитунг, Бангка, Лингга, Риау, Бинтан и Буланг стали вассалами Маджапахита.

Затем их суда достигли суши и подчинили себе Самбас, Мемпахвах и Сукадану. Отсюда они двинулись на Кота Варингин, оттуда — на Банджармасин, а потом устремились в Пасир, Кутей и Бероу. Все эти страны подчинились Маджапахиту и начали платить дань маджапахитскому владыке. Наконец суда направились на восток — к Пулау Бандан, Сирану и Ларантоке. В те стародавние времена под власть владыки Маджапахита попали все восточные земли. Владелец этой истории рассказывает, что все они стали его данниками. Затем суда взяли курс на Танах Биму, Сумбаву, Селапаранг, Бали и Бламбанган и покорили все эти страны.

Спустя время суда вернулись с победой в Маджапахит. Министры и военачальники явились пред лицо владыки, преподнесли ему плоды своих побед, трофеи и дань, а также множество всевозможных даров от тех стран и островов — золота, серебра, монет, оружия, разнообразных тканей и [...] ¹³⁷, воска, птичьих гнезд, ротанговых циновок и плетеных щитов ¹³⁸ — столько, что и не счесть. По повелению государя все это было поделено на три части. Одна

из них предназначалась владыке, вторая — Сенапати с министрами и воинскими командирами, а третья — простым воинам.

О справедливости государя и процветании его страны стало известно повсюду, жизнь там закипела ключом, и пищи имелось в изобилии. Непрерывным потоком прибывали туда люди из подвластных государю заморских краев, не говоря уж и о самой Яве: из прибрежных ее областей¹³⁹, со всего запада и всего востока, от глубинных районов вплоть до берега Индийского океана. Все они спешили предстать перед его величеством, вручить ему свою дань и преподнести подарки. С востока явились [посланцы] Бандана, Сирана и Ларантоки, каждый со своими подношениями: грудями воска, сандалового дерева, месуи¹⁴⁰, корицы, мускатного ореха и гвоздики, а также с амброй и цибетом.

Оживление царило в Маджапахите: гремели барабаны и гонги, люди танцевали под напевные звуки музыки, наслаждались зрелищами — такими как ваянг вонг¹⁴¹, ваянг кулит¹⁴², топенг¹⁴³, выступлениями придворных танцовщиц и танцоров бексан¹⁴⁴, веселье царило там и днем, и ночью, съестного было в изобилии, потому что со всех концов света съезжалось туда множество людей.

Прошло некоторое время, и подумал государь: «Все страны я покорил, кроме Пулау Перча¹⁴⁵. Здесь не обойтись без волшебства. Устрою-ка я состязание буйволов». А надо сказать, что у владыки был буйвол величиной со слона-одиночку. Рога его были длиной в шесть локтей, их толщина у основания составляла четыре пяди в обхвате, а глаза его были красны, словно семечки сага¹⁴⁶.

Повелел государь слуге¹⁴⁷ позвать Патиха Гаджаха Маду. Поклонился слуга и направился в дом к Патиху. Там он передал приказ его величества, сказав: «О Патих, государь зовет тебя». Выйдя из дома, Патих отправился. По прибытии в приемный зал, он почтительно склонился перед владыкой и сел. Слуги принесли бетель в золотом сосуде. Когда Патих отведал бетеля, государь молвил: «О Патих, как ты думаешь, не захватить ли нам Пулау Перча? Ведь все прочие страны уже завоеваны нами, одна лишь эта страна еще неподвластна нам». Говорит с поклоном Патих: «°Твой покорный слуга почтительно повинуется твоей воле¹⁴⁸, государь». Молвил владыка: «Заберите с собой волшебное средство — моего большого буйвола, которому предстоит сразиться с буйволом Патиха Суатанга. Если их буйвол будет побежден, надо принудить их, не мешкая, перейти под нашу власть. Если же проиграем мы, ты должен незамедлительно двинуться в обратный путь».

Поклонился Патих Гаджах Мада, вышел и повелел министрам, военачальникам и войску снаряжаться. По завершении сборов все снаряжение и оружие было погружено на суда. Число судов достигало пяти сотен, с ними следовали три главных военачальника, несколько воинских командиров поменьше чином — нгабехи, сельские старосты-арьи¹⁴⁹, мелкие чиновники, деревенские старосты и глашатаи — и двести тысяч ратников. Владыка одарил военачальников одеждами, угостил сладким печеньем воинов и устроил пир, продлившийся три дня и три ночи.

В благоприятную минуту военачальники и министры поклонились государю, попрощались с Патихом Гаджахом Мадой¹⁵⁰, заняли места каждый на своем судне и двинулись на Джамби. Проведя некоторое время в плавании по морю, они достигли Джамби и поплыли вверх по течению реки Джамби. Оказавшись в верховьях, они высадились на берег у Париангана.

Донеслась эта весть до Патиха Суатанга. Собрал он витязей и воинов для торжественной встречи яванцев¹⁵¹. Тем временем военачальники прибыли в Парианган и устроили там себе место для привала. Затем к Патиху Суатангу был послан один из них с предложением устроить состязание буйволов. Когда военачальник прибыл к Патиху Суатангу, тот с почестями встретил его и предложил сесть. Засвидетельствовав свое уважение, военачальник уселся и от имени главного военачальника предложил устроить состязание буйволов. Отвечает Патих Суатанг: «Хорошо, только прошу повременить дней семь: мне надо найти буйвола, который сразится с буйволом владыки». Военачальник вернулся и передал слова Патиха Суатанга трем министрам.

Расскажем теперь о Патихе Суатанге и Патихе Кетеменггунгане. Они выбрали здорового и крепкого буйволенка. Спустя пять дней площадь в Париангане была приведена в порядок, а буйволенка поместили в загон и не давали ему молока. Семь дней миновало, и воины обеих сторон выстроились на площади в шеренги друг напротив друга. Три военачальника предложили Патиху Суатангу и Патиху Кетеменггунгану заключить следующее соглашение: «Если буйвол владыки Маджапахита потерпит поражение, мы, яванцы, наденем свои каины по-женски — чтобы они доставали до шиколоток. Если же побежден будет ваш буйвол, вы перейдете под власть владыки Маджапахита». Ответил им Патих Суатанг: «Согласен».

Маджапахитцы выпустили своего буйвола. Он напоминал собой льва, ищущего, с кем бы вступить в схватку, и принялся резвиться

на площади. Тут Патих Суатанг выпустил буйволенка. Измученный голодом и жаждой, он в мгновение ока пристроился к промежности большого буйвола и принялся сосать его мошонку, так что его было не оторвать. У большого буйвола голова пошла кругом, он не знал, как ему быть, хотел было пустить в ход рога, но достать ими до своей промежности не мог. Принялся он метаться туда-сюда, но буйволенок не отпускал его мошонки. Принялся большой буйвол испускать стоны и кататься по земле.

Так буйвол владыки Маджапахита оказался побежден. Клики людей казались раскатами грома. Три военачальника были пристыжены и принялись собираться в обратный путь. Говорят Патих Суатанг и Патих Кетеменггунган: «О братья наши, военачальники владыки, обождите дня два: повеселимся-ка вместе и попируем в знак того, что между нами достигнуто согласие». Говорят военачальники: «Хорошо, если так вам будет угодно, мы повременим».

Несколько сотен буйволов, коров, коз, кур и уток, потребных для пира, были забиты [по приказу] Патиха Суатанга, сотни кувшинов пальмовой браги и рисовой водки разлили в сосуды из стеблей тонкого бамбука, числом в несколько тысяч, обрезав края стеблей под острым углом.

Когда все было готово, Патих Суатанг сказал своим витязям и воинам: «О судари мои, как только начнем мы угощать гостей, поднесите каждому из них по этому бамбуковому сосуду. Как только они [поднесут его к губам и] откроют рот, барабанным боем будет подан знак, и вы все одновременно вонзите каждому [в глотку эти сосуды], чтобы ни одного из них в живых не осталось».

Дав им такой наказ, Патих Суатанг послал одного из своих витязей сообщить яванским военачальникам, чтобы те распорядились рассадить [своих воинов] рядами на поле близ Париянгана. Когда те расселись, военачальникам, министрам и воинам было поднесено угощение и напитки. Молвил Патих Суатанг: «Примите же, о господа, от нас, жителей Пулау Перча, это недостойное угощение!» Отвечают военачальники: «Благодарим за вашу доброту». И каждый из них принялся угощаться.

Когда они откушали, появились витязи и воины, несшие напитки в бамбуковых сосудах, и каждый из них поднес сосуд кому-нибудь [из гостей]. Яванцы хотели было принять у них из рук эти сосуды, но люди из Пулау Перча не позволили им этого, сказав: «У нас иной обычай: мы сами должны влить напиток в ваши уста в знак уважения к гостю». Те раскрыли рты пошире, загремели ба-

рабаны, и [люди из Пулау Перча] стали вливать в них напитки, а затем вонзили [сосуды] им в горло.

Часть из них умерла на месте, а часть спаслась бегством. На этом поле много деревьев бенгкуду¹⁵² под напором бегущих людей изогнулись в восточном направлении, да такими остались и по сей день, и новые их побеги тоже глядят на восток. Трупы яванцев так и сгнили на том поле, и доныне зовется оно Паданг Сибусук¹⁵³. Место же, где происходило состязание буйволов, и доныне зовется Менагкабау¹⁵⁴.

Те же, кому удалось спастись бегством, двинулись в Маджапахит, исполненные печали и тоски. Покинув Джамби, они поплыли на родину и, проведя некоторое время в плавании, прибыли в Маджапахит, сошли на берег и явились к государю. Они поведали ему обо всем, что с ними приключилось, с начала и до конца: «Вот как было дело, государь!» Владыка умолк, недовольный своими высшими военачальниками и министрами, на которых он понадеялся. Так рассказывает владелец этой истории.

Закончена *Повесть о раджах Пасея*. Да пребывают во благоденствии те, кто читает или слушает ее, а особенно — те, кто ее переписывает, да сохранит их Аллах, преславлен он, всевышний, в мире сем, и за гробом, милостью и заступничеством Пророка Мухаммада Мустафы¹⁵⁵, да благословит его Аллах и приветствует!

Закончено в понедельник
двадцать первого числа месяца мухаррама
год *заи* хиджры Пророка 1230¹⁵⁶

°Получено от Киай Сурадманггала, бупати¹⁵⁷ Демака и Багора, год 1742°¹⁵⁸.

Вот все те страны, что упомянуты в *Повести о [раджах] Пасея*:

1. страна Пасей, ее раджу звали Ахмад;
2. страна ди Балик Римба;
3. страна Самарланга;
4. страна Бируан;
5. страна Симпанг в верховьях реки;
6. страна Булух Теланг, раджа Мегат Секандар;

7. страна Бенуа, раджа Малик ан-Насир;
8. страна Барус;
9. страна Самудра, раджа Мерах Силу;
10. страна Менгири, раджа султан Мухаммад;
11. страна Перлак, [раджа] султан...;
12. страна Джамбу Аир;
13. страна Рама Ганди;
14. страна Тукас;
15. страна Пекан, раджа Тун Браим [Бапа].

Вот те страны, что находились под властью Маджапахита во времена крушения страны Пасей при ее радже Ахмаде:

1. страна Тамбелан;
2. страна Сиантан;
3. страна Джемаджа;
4. страна Бунгуран;
5. страна Серасан;
6. страна Суби;
7. страна Пулау Лаут;
8. страна Тиуман;
9. страна Пулау Тингги;
10. страна Пеманггилан, Каримата;
11. страна Белитунг;
12. страна Бангка;
13. страна Лингга;
14. страна Риау;
15. страна Бинтан;
16. страна Буланг;
17. страна Самбас;
18. страна Мемпавах;
19. страна Сукадана;
20. страна Кота Варингин;
21. страна Банджармасин;
22. страна Пасир;
23. страна Кутей;
24. страна Берау;
25. страна Джамби;
26. страна Палембанг;
27. страна Уджунг Танах;

Вот страны, расположенные восточнее:

28. страна Бандан;
29. страна Бима;
30. страна Сумбава;
31. страна Селапаранг;
32. страна Сиран;
33. страна Ларантока;
34. страна Бали;
35. страна Бламбанган.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деление текста на части дано нами по публикациям А.Х. Хилла и Р. Джонса. О делении «Повести» на главы в оригинальной рукописи см. Предисловие.

² Подветренными (*bawah angin*) странами в малайской традиции именуются страны островной Юго-Восточной Азии, а наветренными (*atas angin*) — регионы, находящиеся к северо-западу от нее: Индия, Ближний и Средний Восток и т.д.

³ Слово *negeri*, употребленное в оригинале, может переводиться и как «страна», и как «город». В первом случае оно обозначает город-государство, включая и его периферийные, тяготеющие к центру, области. Во втором, более узком смысле *negeri* — это собственно город. В каждом конкретном случае это понятие переводится нами в зависимости от контекста.

⁴ *Gedubang* (тж. *kelewang*) — оружие народа гайо (Сев. Суматра) — короткий меч с клинком, расширяющимся к концу.

⁵ То есть Бамбуковая принцесса. *Betung* — вид крупного бамбука, *Dendrocalamus asper*.

⁶ Словом «дворец» (*istana*) может обозначаться как отдельное здание, так и целый комплекс дворцовых построек, окруженных оградой, стеной: туда входят помещения для приемов, отдыха, отдельные здания, где расположены покои государя и членов его семьи и т.д.

⁷ В издании Р. Джонса этот топоним пишется заглавными буквами. В оригинале, как и в любом арабописьменном тексте, заглавные буквы отсутствуют. Поэтому для *di balik rimba* возможен двоякий перевод: 1. «в [месте, именуемом] Балик Римба», или 2. «по ту сторону джунглей».

⁸ *Adinda* («младшая сестрица») — обычное обращение мужа к жене, принятое в Нусантаре.

⁹ *Hari yang baik* — имеется в виду день, благоприятный для всевозможных начинаний и обычно определяемый астрологами.

¹⁰ *Merpah* (ачехское *meurah*) — титул правителя-феодала. *Гаджах* (мал.) — слон.

¹¹ Силоу — некоторыми исследователями это имя транскрибируется также как Силу или же, по-ачехски, как Сило (см. комментированный указатель имен собственных).

¹² Белая кровь — признак знатного происхождения (ср. «голубая» кровь).

¹³ *Баджу* — вид одежды типа куртки, прикрывающей верхнюю часть тела.

¹⁴ *Каин* — национальная одежда малайцев — длинный несшитый кусок ткани, обертываемой вокруг бедер, обычно из хлопка. Этим же словом обозначается и сама ткань.

¹⁵ *Пахлаван* — от перс. «пахлаван» (витязь, богатырь). Наиболее отважные и могучие витязи в войске раджи. Часто битва двух армий начиналась со схватки одной или нескольких пар богатырей-пахлаванов. Примечательно, что в рукописи, легшей в основу издания, оно везде пишется с начальным «фа», а не «па», как полагается по-персидски.

¹⁶ Ошибка автора (переписчика): Бируан, куда направились братья, находится на восток, а не на запад от Самарланги. Топографически более правдоподобной выглядит устная «Легенда о Самудре»: братья Ахмад и Мухаммад первоначально живут в Шамталире, близ нынешнего Лхоксёмаве, и после гибели их самих и их сыновей их внуки уезжают на запад — в Бируан.

¹⁷ ...*bermain akan binatang yang tiada berguna kepada orang yang banyak itu.*

¹⁸ По-малайски обычно обратный порядок слов: *Kampung Kerbau* — Буйволиная Деревня.

¹⁹ *Megat* — титул знатного человека.

²⁰ *Akan membawa pekerjaan ini.* Неясно, было ли у Мегата Секандара намерение выказать тем самым свою приязнь и поддержку Мераху Силоу или же склонить его симпатии на свою сторону.

²¹ *Tun* (сокр. от *tuan* — «господин»). Здесь и ниже это слово, как и другие слова, обозначающие статус или должность персонажа, выступают неизменной частью его имени.

²² *Venua* (устар.) — страна, государство. Здесь это слово выступает как имя собственное.

²³ *Kubi* — «укрепленный лагерь, крепость». По смыслу больше подходит еще одно значение этого слова — «загон для слонов».

²⁴ *Terkersang.* В английском переводе и у Хилла, и у Р. Джонса — *halted, paralysed in his tracks* («остановился, как вкопанный»).

²⁵ *Alat kerajaan* (царские регалии) — символы царской власти. В их число обычно входит торжественное облачение и священное оружие (крис), церемониальные зонтики, сосуды для бетеля и т.д.

²⁶ *Kalimah syahadat* — слова свидетельства, мусульманский символ веры.

²⁷ *Fakir* (араб.) — бедняк — нищенствующий дервиш, суфий.

²⁸ *Большой муравей* — по-малайски *semut raya*.

²⁹ *Khalifah Syarif* — подобное звание в значении «повелитель шарифов» в арабской традиции не встречается.

³⁰ *Mengiri* (Ma'abri) — предположительно место на Коромандельском берегу (Индия); возможно, от арабского Ма'абар, обозначающего побережье у пролива, отделяющего Деканский п-ов от о. Цейлон.

³¹ Ас-Сиддик (араб.) — «честный, прямой, правдивый». Прозвище Абу Бакра (573–634) — первого из четырех «праведных» халифов, преемника Мухаммада.

³² *dua kalimat syahadat* — букв. «слова свидетельства, состоящие из двух частей». Имеется в виду мусульманский символ веры: «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад — посланник Аллаха».

³³ *Sembelih* — т.е. «зарезан с соблюдением принятых в исламе правил забоя скота».

³⁴ Формула «да благословит его Аллах!» обычно употребляется, когда о пророке Мухаммаде говорится в третьем лице; в этом смысле данный случай является исключением из правила.

³⁵ Имеется в виду ритуал обрезания.

³⁶ Здесь и далее фрагменты, данные в оригинале по-арабски, выделены звездочками (*).

³⁷ *Джуз* — буквально означает «часть». Джуз — это одна из 30 приблизительно равных частей Корана, читаемая по одной каждую ночь месяца Рамадан.

³⁸ То есть *Дар ал-ислам* (араб.) — «земля ислама» — традиционное наименование территорий, где господствует ислам и действуют его законы.

³⁹ Ибрахим Халил («Искренний Друг» [Аллаха]) — распространенное в мусульманской традиции прозвище пророка Ибрахима (библ. Авраам). В большой барабан (*nobat*), именуемый барабаном Ибрахима, было принято бить в день восшествия раджи на престол (мал. *penobatan*). Ниже в том же значении использовано слово *Genderang tabal*.

⁴⁰ *Фидья* (араб.) — выкуп — искупление за невыполнение обязанности, которую, в силу определенных обстоятельств, мусульманин выполнить не может. В случае поста это искупление за каждый пропущенный день поста при невозможности его соблюдения ввиду слабости или хронической болезни (Коран 2:183 (184)). В данном случае речь идет, по-видимому, о «выкупе» за невыполнение Малик ас-Салехом обязанностей мусульманина в период, предшествовавший принятию им ислама.

⁴¹ *Келембак* (*kelembak*) — так называемое орлиное или аспалатовое дерево, *Aquilaria malaccensis*, с ароматической древесиной.

⁴² *Бахара* (тж. *бахар*) — мера веса = 37,5 кг.

⁴³ *Гайо* — народность, обитающая в горных районах Аче (Сев. Суматра).

⁴⁴ *Перлак* — город на северо-восточном побережье Суматры.

⁴⁵ Видимо, в посольстве должны было участвовать несколько министров, а не только тот, с которым говорил султан. В дальнейшем в этом эпизоде вспомогательное слово *segala*, указывающее на множественное чис-

ло, более не встречается, и можно лишь гадать, об одном или нескольких министрах идет речь в каждом конкретном случае.

⁴⁶ *Джамбу* — плодородное дерево рода *Eugenia* (семейство миртовых) с розовыми или желтыми цветами.

⁴⁷ *Patih, perpatih* — наместник, правитель, тж. регент — одно из высших должностных лиц при дворах Нусантары. Как элементы сложно-составных имен подобные слова указывают, как правило, не на должность, а на статус его носителя.

⁴⁸ В «Малайских родословиях» действует персонаж с тем же именем, также из числа приближенных правителя Перлака [Ревуненкова 2008, с. 177–179].

⁴⁹ Имеется в виду дворец в Джамбу Аир, где принцесса должна была оставаться до свадьбы.

⁵⁰ То есть тестю, теще и свояченицам.

⁵¹ То есть из Индии.

⁵² Исходящий из земли золотой дым, по поверию, указывает на залежи золота.

⁵³ *Sekira-kira lima ma'dan* (в рукописи ошибочно написано m.d.n).

⁵⁴ Мал. *pelanduk* — карликовый безрогий олень *Tragulus pigmaeus*. Мотив о встрече раджи с оленьком и основании на этом месте города встречается также в устной версии «Повести о раджах Пасея» [Cowan 1973, с. 269–270], в исторических хрониках *Повесть о Патани* [Teeuw, Wyatt, с. 69–71] и *Перакские родословия* [Silsilah Perak, f. 31], в *Повести о ханге Туахе* [Парникель 1984, с. 52–53].

⁵⁵ *Karena firman Allah taala dalam Quran demikian ertinya* — букв. «ибо Аллах Всевышний дал в Коране об этом наказ, означающий следующее...». Здесь приведен лишь перевод цитаты из Корана, а ее арабский оригинал опущен.

⁵⁶ Букв. «Покойный царственный владыка из Самудры». При смерти правителя нередко имя его заменяли на ал-Мархум («покойный»), с добавлением указания на какое-либо важное событие в его жизни, либо же, как в данном случае, на место его кончины [Skeat 1900, с. 35–36].

⁵⁷ *Дядюшка (tamak)* — форма обращения раджи к своим высокопоставленным подчиненным.

⁵⁸ *P.r.m.d.l.P.r.mal.* У А. Марра это имя огласовано как Пермадала Пермала.

⁵⁹ *BerDAMDAMlah* — видимо, ошибка переписчика. По смыслу следует *berDENDAMlah* — «испытывал негодование, возмущение».

⁶⁰ Слово *mayat* («останки») созвучно слову *Maya*.

⁶¹ *Фатиха* — первая сура (глава) Корана, являющаяся самой распространенной мусульманской молитвой.

⁶² *Ракаат, ракят* — последовательность слов и действий, составляющих мусульманскую молитву. *Салам* — завершающая формула мусульманского молитвенного правила.

⁶³ *Keempat kaki tongkat itu pun.*

⁶⁴ М. 'l.i.q. По мнению Р. Джонса, это слово *tuallak*, т.е. «подвешенный, висячий» [Hikayat Raja Pasai 1987, с. 36], что в данном контексте означает «...оторвались от земли и зависли в воздухе». Хилл [Hill 1960, с. 74], напротив, транскрибирует его как *mengelok* (от *kelok* «изгиб, кривизна»), т.е. «изогнулись, pokrивились».

⁶⁵ *Sahutnya*. По мнению Хилла, это ошибка переписчика, верное написание — *tongkatnya* («посох»).

⁶⁶ *Локоть (hasta)* — мера длины, равная примерно 45 см.

⁶⁷ *Морская сажень (depa)* — мера длины, равная примерно 1,8 м.

⁶⁸ *Длинный балей на царской площади (medan raja)* — аудиенц-зал, крытый павильон во дворе резиденции правителя.

⁶⁹ В оригинале *sida-sida*. Спектр значений этого слова широк и обозначает человека, выполняющего различные поручения государя. В зависимости от контекста может переводиться как «евнух», «глашатай», «гонец» и т.п.

⁷⁰ *Tandilnya lasykar pendekar Keling*.

⁷¹ *Кунча* — мера сыпучих тел от 247 до 494 кг. *Кунча* = 160 *гантангам* = 10 *нали*.

⁷² *Нали* — см. примеч. 71.

⁷³ *Kasadnya hendak membuang baranya*.

⁷⁴ *Серуней* — духовой музыкальный инструмент типа свирели. Игрой на *серунее* в области минангкабау (Суматра) обычно сопровождалась состязания между единоборцами (*пендекарами*) — знатоками воинского искусства *пенчак силат*.

⁷⁵ *Rambut pun tiada bersanggul lagi berpintal-pintal bercampur dengan bunga air mawar*.

⁷⁶ Слово *kerajaan* обозначает и «царство», и «царствование, правление» в их неразрывной связи. Согласно традиционной малайской концепции власти, прекращение царствования правителя неизбежно влечет за собой и крушение самого царства [Milner 1982, с. 94–95, 104, 109].

⁷⁷ *Bendahari* — букв. казначей или управляющий. В данном случае речь идет об одном из слуг Туна Браима Бапы.

⁷⁸ *Kejemas* (м.б., *keramas?*) — средство для мытья волос.

⁷⁹ *Laya bena-bena*.

⁸⁰ *Bersiratkan emas dikara*.

⁸¹ *Dan bandi*.

⁸² *Berterapan bepermata pudi merah* — букв. «украшенными драгоценными камнями [из] красного алмазного порошка». Возможно, речь идет о рубиновой крошке.

⁸³ *Warna Cina* — букв. «китайского цвета», в более широком смысле — «китайского образца, стиля» и т.п.

⁸⁴ *K.p.lu.n? k.p.l.r.n?*

⁸⁵ *Berkilik bahu dan berponto bernaga tujuh belit*.

⁸⁶ *Меч-молния (pedang halilintar)* — волшебное оружие, «меч-кладенец».

⁸⁷ *Mengenakan s.ngk n.k.s.*

⁸⁸ *Kelak kelabu.*

⁸⁹ *Серама* — барабан, по одной стороне которого бьют рукой, а по другой — колотушкой. Его звуками обычно возвещают о предстоящем поединке.

⁹⁰ Тун Браим Бапа.

⁹¹ *B.rt.n.ju.n* — *bertinjuan?* (R.Jones) *bertinjuan?*

⁹² *Berbahasa.*

⁹³ *Kelambir kotai* — букв. «высохший кокос».

⁹⁴ *Kiam.nnya* — ?

⁹⁵ *Ram.-ram. b.rsil.*

⁹⁶ *Udang bersanggul.*

⁹⁷ *L.mb.d.k mengid.m.*

⁹⁸ *Patin* — вид пресноводной рыбы *Pangasius spp.*

⁹⁹ Слово *durhaka* (*derhaka*) может переводиться как «бунт», «мятеж», «неповиновение» и означает прежде всего неповиновение государственной власти, власти сюзерена, иными словами — государственную измену. В данном случае речь здесь идет о нежелании героя идти против воли отца-султана, даже ценой собственной жизни.

¹⁰⁰ ... *serta membawa kedua saudaranya itu.* Под словом *saudara* можно понимать и «брат», и, реже, «родич». Неясно, имеются ли в виду какие-то не упомянутые прежде персонажи или же речь идет о все тех же Бермама-те Пантее и Медане Пантее.

¹⁰¹ В оригинале *simpang* — приток реки. По-видимому, Тукас находился не у основного русла реки Пасей, а стоял на берегу одного из ее притоков.

¹⁰² *Sekali dikayuhnya serantau lajunya.* В комментарии Хилла значится, что *rantau* («берег залива») обозначает здесь расстояние между двумя лучинами реки — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ мили.

¹⁰³ *Berjalan ia di dalam air tiada ia tinggal demikianlah perkasanya.*

¹⁰⁴ Намёт (*jala*) — мешкообразная сетка на длинной бечеве.

¹⁰⁵ *Ram.-ram. b.rsil.*

¹⁰⁶ *Udang bersanggul.*

¹⁰⁷ *L.mb.d.k ngid.m.*

¹⁰⁸ Имеется в виду некий участок берега реки (Пасей?).

¹⁰⁹ *Gajah yang bergelar-gelar* — букв. «титулованные». У Хилла — *royal elephants.*

¹¹⁰ *Gulai* — приправа к рису из мяса или рыбы.

¹¹¹ *Ханджар* (араб. *خنجر*) — холодное оружие с коротким клинком, напоминающее и меч, и кинжал.

¹¹² *Orang seri.* Хилл трактует это выражение как «царский чародей» (*royal sorcerer*), полагая, что речь идет о брахмане, слугителе культа Шри (тж. Лакшми), индуистской богини плодородия и процветания.

¹¹³ *Кулур* — тж. хлебное дерево, вид плодового дерева *Artocarpus com-
munis.*

- ¹¹⁴ *Sekunca benih*.
- ¹¹⁵ *Ular lembu* — мифическое животное в фольклоре Нусантары. Прозвищем змея-быка (коровы) оно якобы обязано звуку своего голоса, напоминающему мычание, или, по другим источникам, форме своего тела.
- ¹¹⁶ *Rotan barang segal.ng*.
- ¹¹⁷ *Sabasani* (инд. *sabsabana*) — мифическое дерево змеевидной формы.
- ¹¹⁸ *Beluru* — вид гигантской лианы, *Entada phaseoloides*.
- ¹¹⁹ *Paden Galuh* — традиционный титул дочери яванского раджи.
- ¹²⁰ *Sabbat `alaiya 'l-masa'ib, Alaiya 'l-ayyam sarat layaliyan*.
- ¹²¹ *Гураб* — одномачтовое арабское судно с низкой палубой и треугольным парусом.
- ¹²² *Келулус* — гребное судно, галера.
- ¹²³ *Ran. sujan. k.r.t.*
- ¹²⁴ *Patih, perpatih* — наместник, правитель, тж. регент — одно из высших должностных лиц при дворах Нусантары. Этот титул часто входит в состав сложносоставных имен персонажей (ср. выше Тун Перпатих Тулус Агунг Туканг Сукара).
- ¹²⁵ *Senapati, senapati ing laga* — полководец, военачальник (яв.)
- ¹²⁶ Аналогичным образом поступили мореходы, с которыми на Суматру в 1291 г. прибыл Марко Поло. В ожидании попутного муссона они отделили участок, у которого были пришвартованы, рвами и крепостной стеной с башнями, дабы избежать возможной агрессии со стороны местных жителей [Wright 1886, с. 369–371].
- ¹²⁷ *Пантуны* — народные четверостишия с перекрестной рифмовкой, первые две строки обычно заключают в себе звуковой либо же образный намек, смысл которого раскрывается во второй половине четверостишия.
- ¹²⁸ То есть «Поле Согнувшегося Мангового Дерева».
- ¹²⁹ Пропуск в рукописи.
- ¹³⁰ *Penunggul* — Хилл переводит это слово как «заложник». Однако в этом случае нелогичным будет последующее обращение владыки исключительно к пасейцам, а не ко всем пленникам, захваченным в ходе экспедиции.
- ¹³¹ *Keramat* (араб. *karāmat*). Одно из значений этого слова, в котором оно и встречается в данном тексте, — чудесные свойства, дарованные Аллахом своим святым [Shorter Encyclopaedia of Islam 1995, с. 216]. По-малайски это слово означает также «святое место», «место, отмеченное чудотворной силой».
- ¹³² *Temenggung* — у малайцев сановник, отвечающий за правопорядок, непосредственно подчиняющийся *бендахаре* (главному вазиру); у яванцев — наместник той или иной области.
- ¹³³ *Demang* — глава района.

¹³⁴ Amb.l-amb.l k.m.b.lanya. Р. Джонс прочел это как *umbal-umbal gem-balanya* (букв. «стяги над погонщиками [слонов?]»).

¹³⁵ *Ngabehi* — звание самого низшего ранга в иерархии яванской аристократии.

¹³⁶ *Hujung Tanah* — имеется в виду южная оконечность Малаккского полуострова.

¹³⁷ *Aur.ng.* В транслитерации Хилла *orang*, у Р. Джонса — *urung* (?). Возможное прочтение — *urang* (растение *Erythroxylum Cuneatum*, используемое в Юго-Восточной Азии как легкое наркотическое и психотропное средство).

¹³⁸ *Kajang* — сплетенные из пальмовых листьев, бамбука и т.п. циновки или щиты, применяемые для покрытия крыш или повозок.

¹³⁹ *Pesisir* — здесь имеется в виду северное побережье острова.

¹⁴⁰ *Mesui* — кора дерева *Massoia aromatica* семейства лавровых. Используется как пряность, а в виде мази — как лечебное средство.

¹⁴¹ *Wayang wong* — театр живого актера (не кукольный).

¹⁴² *Wayang kulit* — театр плоских кожаных кукол.

¹⁴³ *Wayang topeng* — театр масок.

¹⁴⁴ *Beksan* — танцевально-пантомимический театр живого актера.

¹⁴⁵ *Pulau Perca* — наименование Суматры, иногда обозначает ее центральные и западные области, где проживает народ минангкабау.

¹⁴⁶ *Saga* (*saga biji, saga hutan, saga manis, saga pohon*) — мелкие красные семена кустарника *Abrus precatorius* или дерева *Adenantha microsperma*.

¹⁴⁷ *Warga dalam.*

¹⁴⁸ В оригинале по-явански (отмечено кружочками): *Anuhun kawula saking karsa.*

¹⁴⁹ *Arya* — титул яванского феодала.

¹⁵⁰ Неясно, почему Гаджах Мада остается в Маджапахите, хотя возглавить экспедицию владыка поручил ему.

¹⁵¹ В оригинале *akan mengalu-halukan orang Jawa itu* («...для торжественной встречи яванцев»). Возможно также иное прочтение: *mengalau-halaukan* («...дабы дать отпор яванцам»).

¹⁵² *Bengkudu, mengkudu* — вид дерева, *Morinda citrifolia*, с изогнутым стволом.

¹⁵³ Букв. «Поле Гниющих».

¹⁵⁴ *Menang* — побеждать; *kabau (kerbau)* — буйвол. В настоящее время принято написание Минангкабау.

¹⁵⁵ *Мустафа* («Избранник Аллаха») — эпитет пророка Мухаммада.

¹⁵⁶ То есть 2 января 1815 г.

¹⁵⁷ *Вирати* — правитель области (*kabupaten*).

¹⁵⁸ Выделенная кружочками (°) фраза написана по-явански. Дата, указанная в соответствии с принятым на Яве летосчислением, соответствует 1814-15 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

ЛЕГЕНДА О САМУДРЕ

Княжество Шамталира

Некогда правил в этой стране раджа по имени султан Мухаммад. У него был всего один родной брат, которого звали государь¹ Ахмад. Рассказывают, что в те времена в Аче и на всем острове Суматра, вплоть до Малаккского залива², не было других правителей, кроме ачехского раджи султана Мухаммада, правившего в Шамталире³ (нынешнем Аче) — единственного могущественного раджи. Государь был очень привязан к своему брату Ахмаду, поэтому он разделил свои владения на две части и южную отдал под власть брата, а в северной стал править сам.

Как все было устроено в те времена?

Правление. В обеих частях страны было довольно и царских регалий, и необходимого вооружения, и все было хорошо налажено и устроено, по обычаю тех времен.

Вера. В те времена в этих краях исповедовали веру Ибрахима⁴ (Ислам). Во времена, о которых поведано в нашей истории, [пророк] Мухаммад уже завершил свой земной путь. По кончине его бразды правления над арабским миром перешли к халифу Омару.

Области, подвластные Шамталире. В те времена под властью этой страны были земли, простирающиеся вплоть до Асахана⁵, Дели⁶ и других малайских областей, но названия их не указаны.

¹ В отличие от Мухаммада, носящего арабо-мусульманский титул султана, брат его именуется здесь малайским по происхождению титулом *baginda* (государь).

² Залив на западном побережье Малаккского полуострова.

³ Район сев. Суматры на ЮВ от совр. г. Лхоксёмаве.

⁴ Термином «религия Ибрахима» (*миллат Ибрахим*) в Коране именуется начальное единобожие и ислам [Ислам 1991, с. 87].

⁵ Асахан — район сев. Суматры в бассейне одноименной реки.

⁶ Дели — мусульманский султанат на сев. Суматре.

Народонаселение и торговые связи. В те времена населены были области, тянущиеся вплоть до лесов гайо⁷, и повсеместно люди обрабатывали землю. По делам торговли они были связаны с Малаккой и другими малайскими землями.

Река. В те времена нынешняя река Круэнг Пасе именовалась Шамталира. История гласит, что оба брата были женаты, но не указывает, кто были их жены. Оба они были бездетны.

Султан Ахмад добывает сына у слона

Однажды государь отправился на несколько дней поохотиться в верховьях реки Джамбу Айе. Как-то охотники набрали на отмель, и увидели на белом камне младенца, похожего на нас [людей], примерно шести месяцев от роду, весьма красивого собой. Оглядевшись, обнаружили они, что вокруг множество слоновьих следов. В ту же минуту их взорам предстало стадо слонов, приближающихся к камню, и охотники обратились в бегство. Явившись к радже, который отдыхал в своем охотничьем домике, они поведали ему обо всем увиденном.

Повелел раджа забрать этого мальчика, но мудрый первый министр удержал его от этого. Он попросил дать срок, дабы обдумать какую-нибудь хитрость или уловку, способную оберечь их от угрозы со стороны слонов, охранявших мальчика. Раджа, воины и все прочие вернулись во дворец, а мудрый первый министр принялся размышлять, как бы хитростью заполучить мальчика для государя, султана Ахмада. Отобрал он сто могучих пахлаванов, приказал витязям выкопать близ нынешнего Улебаланг Матанг Кули⁸ тысячу водоемов (сейчас это место именуется Мон Сирибе близ Матанг Кули). И в благоприятный день, на рассвете, все сто могучих пахлаванов двинулись к месту купания слонов в верховьях Джамбу Айе.

По милости Всевышнего Аллаха в эту минуту все слоны, посадив мальчика на белый камень, отправились купаться. Не медля ни минуты, один смельчак пахлаван схватил ребенка и побежал. За ним бросились другие пахлаваны, чтобы по очереди нести дитя. Выйдя из воды, слоны увидели, что ребенка нет. Обнаружив человеческие следы, они, разъяренные, понеслись вдогонку. По счастью, пахлаваны к тому времени уже достигли противоположной стороны ты-

⁷ *Гайо* — народность, обитающая в горных районах Аче (сев. Суматра).

⁸ Населенный пункт на юг от Лхоксёмаве.

сячи водоемов (в Матанг Кули), и, когда стадо диких слонов числом примерно в тысячу голов примчалось туда, они попадали в водоемы и все до единого утонули. Только одной белой слонихе удалось преодолеть тысячу водоемов, но и ей не повезло — отважные пахлаваны уже доставили ребенка во дворец к государю султану Ахмаду. Удрученная, слониха отправилась скитаться по деревням, тоскуя о человеческом детеныше. Мальчика же, добытого у слона, государь лелеял как собственного сына.

Султан Мухаммад находит девочку в побеге бамбука

По милости Аллаха в то время, когда султан Ахмад отправился на охоту, о чем было рассказано в предыдущей главе, султан Мухаммад тоже отправился поохотиться в Булух⁹, как это заведено у раджей. На обратном пути, при выезде за пределы Булух, залаял его пес, заметался, подбежал к густым зарослям бамбука на опушке леса, а потом снова бросился к государю. Государь пошел следом за псом к зарослям бамбука и, изумленный, увидел, что тот остановился перед толстым бамбуковым побегом в 2 сажени длиной и метр толщиной. Повелел он срубить побег, отнести во дворец и положить в одном из государевых покоев. Спустя семь дней побег раскололся надвое, и из него показалась красивая девочка. Стал государь воспитывать ее как собственную дочь и прозвал девочку Путру Ди Бетунг¹⁰.

Тенгу Ди Мерах женится на Путру Ди Бетунг

Спустя некоторое время мальчик, добытый султаном Ахмадом у стада слонов, стал взрослым, звали же его Тенгу Ди Мерах. А как прозвали девочку из бамбуковых зарослей, уже было сказано. По достижении ими двадцатилетнего возраста султан Ахмад и султан Мухаммад договорились поженить их. Супруги были возведены в царское достоинство, как родные дети двух государей.

Правление Тенгу Ди Мераха

Оба государя не могли нарадоваться мудрому правлению Тенгу Ди Мераха и решили объединить свои страны под его властью, дабы в свое время их преемник сменил на престоле их обоих. С этого

⁹ [Заросли] бамбука — видимо, также топоним.

¹⁰ Букв. «Бамбуковая принцесса».

времени они отошли от государственных дел, препоручив их Тенгку Ди Мераху, но обе части страны по-прежнему были обособлены друг от друга. Рассказывают, что спустя несколько лет после свадьбы Путру Ди Бетунг родила двух сыновей, и старшего назвали Тенгку Ди Мерах Сум, а младшего — Тенгку Ди Мерах Силей.

Оба мальчика выросли, и вот как-то однажды вечером Тенгку Ди Мерах в своей опочивальне предавался ласкам со своей супругой Путру [Ди] Бетунг и вдруг нащупал в прическе жены выпуклость. Видит он, что это нечто вроде коробочки из чистого золота и сверкает, а видом напоминает побег бамбука. Размером коробочка была невелика, и, когда волосы были сколоты в прическу, ее не было видно, потому что сей волшебный предмет плотно примыкал к ее коже. Государю захотелось взять ее, и он вырвал коробочку из волос. Беды не избежать, удачи не приманить, а того, что случается по воле Аллаха, не предотвратить. Непостижимые для человека чудеса могут быть Им содеяны, подобно тому, как сотворено небо, не имеющее под собой опоры, и как вращается земля, не опираясь ни на что. Так и в этой истории: задрожал и перепугался Тенгку Ди Мерах, когда вырвал коробочку из головы у супруги и увидел, что она испустила дух. Охваченный ужасом, он оставил тело во дворце и глубокой ночью, скорбя и рыдая, поспешил к отцу, султану Ахмаду, обретавшемуся тогда в Кута Бате (Самакурук), и поведал ему о случившемся.

Бегство Тенгку Ди Мераха.

Война, приведшая к краху княжества Шамталира.

Смерть султана Мухаммада и султана Ахмада

Наутро после кончины государыни весть об этом событии и о бегстве Тенгку Ди Мераха к отцу, султану Ахмаду, донеслась до ее отца, султана Мухаммада. Разгорелась ожесточенная война. Цельный год длилась она, но не принесла победы ни одной из сторон. Тут Господь вмешался и наслал на воевавших чуму. Десятки тысяч из них унесло моровое поветрие, оно же и положило конец войне. В числе умерших оказались:

1. Султан Мухаммад, погребенный ныне в Сарах Маба Ландсхап Гедонг.

2. Султан Ахмад, погребенный в Чот Тенгку Дибеунгех, Ие Байю.

3. Тенгку Ди Мерах, погребенный в Мадди (Хаким Круэнг). Следы всех трех захоронений можно обнаружить и сейчас.

4. Военачальники, в том числе высокопоставленные особы, и обе государыни.

*Конец княжества Шамталира
и скитания Тенгку Ди Мерах Сума
и Тенгку Ди Мерах Силей*

По окончании войны между двумя раджами, повлекшей за собой смерть и их самих, и их сына и дочери, сыновья Тенгку Ди Мераха, а именно — Тенгку Ди Мерах Сум и Тенгку Ди Мерах Силей, — остались в живых, но и город, и деревни были разорены, опустели и дворец, и приемный зал, ибо все до единого чада и домочадцы царской семьи покинули мир сей. У двух юношей не осталось никого из их окружения, и даже варить рис им приходилось собственноручно. Они казались поплавками среди моря, предоставленными самим себе.

Примечание: о нраве двух этих юношей.

Тенгку Ди Мерах Сум был добродетелен и набожен, он посвящал день и ночь делам благочестия.

Тенгку Ди Мерах Силей был красив и умен, силен и отважен, весь его облик выдавал его благородное происхождение.

В своих скитаниях оба юноши добрались до Педира и нанялись к некоему крестьянину помогать ему в полевых работах. Там они провели несколько дней.

*Маленькое княжество в Пидире.
Тенгку Ди Мерах Сум становится отшельником,
а Тенгку Ди Мерах Силей — раджей*

Со времени правления султанов Мухаммада и Ахмада, о которых было поведано ранее, Пидир пребывал в вассальной зависимости от Шамталиры. В этих краях был такой обычай: когда нужно было возвести на престол нового правителя, на его поиски выпускали слона-одиночку желтовато-белой масти, и того, кого избирал слон, ставили раджей. Случилось так, что ко времени прибытия туда обоих юношей уже семь дней все ожидали возвращения слона, везущего нового раджу, ибо прежний правитель скончался. И вот по воле Аллаха случилось следующее. Однажды оба брата в оди-

ночестве работали на поле. Внезапно появился слон, бродивший в поисках раджи. Он забрал Тенгу Ди Мерах Силея с собой и доставил его пред лицо всего собравшегося народа. Немедля его возвели на престол. Брат же его следовал за ними по пятам и остался жить при младшем брате — правителе этой страны.

Прошло некоторое время с тех пор, как Тенгу Ди Мерах Силей начал править, и вот его старший брат Тенгу Ди Мерах Сум задумал покинуть страну, принести покаяние и всецело предаться служению Аллаху.

Как только государь Тенгу Ди Мерах Силей дал на то свое согласие, Мерах Сум удалился в горные края, сопровождаемый лишь несколькими спутниками, ставшими его учениками. Местом своего пребывания он и его сподвижники избрали один уютный уголок, куда постепенно потянулись все новые и новые ученики, так что под конец число их значительно возросло, возросли и его доходы.

Миновал год с тех пор, как Мерах Сум стал видным духовным наставником, и вот как-то отправился он ловить вершей рыбу в некоем водоеме, находившемся вблизи от его дома. Шесть дней прошло, но никакой рыбы ему не попадалось — только черви, и день за днем этих червей он выбрасывал. Огорчен был государь, что нет ему удачи. Расстроенный, он все же заставил себя поставить вершу и на седьмой день, вот только рыбы ему опять не попало — одни лишь черви. Коли случилось так и на седьмой раз, решил он принести червей домой и сварить их.

Верно говорится в пословице — «Коль суждена тебе удача, ее не миновать». Когда воду слили из котелка, в котором варились черви, оказалось, что они — из чистого золота. Мерах Сум вознес благодарение Аллаху за его милость и милосердие. Множество золота добыл себе государь с помощью червей. Но случай этот держался в секрете, и лишь одному-двум ученикам доверил он эту тайну. Но что тут скажешь — все добрые дела, свершившиеся волею Аллаха, в мире сем всегда сталкиваются с препятствиями. Вот и принялся раджа Мерах Силей преследовать Мераха Сума по навету людей, не ведавших толком, что с ним случилось, и рассказывавших, будто тот питается червями. Пришлось тут Мераху Суму, вместе с учениками и последователями, переселиться в безопасное место в горах на рубеже между областями Пасанган и Педир, надалеко от области Гайо — ныне оно называется Джули и входит в земельный округ Ландшап Пасанган. Место это так живописно, что глаз не оторвать: это череда небольших холмов, поросших кустарником.

Происшествие с буйволами

Как поведал владелец этой истории, Преславный Господь вновь таинственным образом вмешался в судьбу своего раба, павшего жертвой раздора. И вот внезапно на одном из склонов холма из пещеры, находившейся у его подножия, стали выходить сотни буйволов черной масти со светлыми пятнами, и непонятно было, откуда они и какой породы. Несколько раз подряд они во множестве появлялись оттуда, а затем каждый день, два или три дня выходили еще по два-три буйвола. Все они окружили обиталище святого Мераха Сума, и люди поняли, что весь этот скот принадлежит ему, ибо сотворен Господом. По словам владельца этой истории, родина этой породы буйволов — Аче, именно то самое место, но в те времена им еще не было названия. Таких животных люди прежде не видывали и прозвали их просто «рогатыми животными». Но затем, видя, как скот этот бродит туда-сюда, они прозвали их «буйволами»¹¹.

Весть обо всем том, что было связано с буйволами, дошла до младшего брата государя — раджи Мераха Силея, и он решил сам воочию убедиться в происходящем. По воле всемогущего Аллаха в день прибытия раджи в Пидир [из пещеры] появился огромный пятнистый буйвол, превосходивший размерами всех прочих. Раджа Мерах Силей захотел, чтобы буйвола отдали ему. Но просьба эта не была исполнена: буйвол пришелся по душе самому Мераху Суму, и он предложил брату взять любого из буйволов, что появятся следом. Но тот упорно настаивал на своем. Тут по воле Преславного и Всевышнего Аллаха вход в пещеру сомкнулся, защемил шею буйвола, он попятился назад и более не появлялся. В ту же минуту все животные окаменели и стали подобны каменным глыбам на речной запруде. Заметьте, я сам видел их своими глазами в горах у Джули. Холм же, из которого вышли буйволы, и поныне зовется Буйволовым холмом.

Больше буйволы из священной горы не появлялись. Разгневан был раджа Мерах Силей и пустился в обратный путь.

Расскажем о государе Мерахе Суме. Гнев брата огорчил его, и задумал он вернуться в родные края, дабы воскресить дух, царивший в Шамталире при правлении дедов его, покойных Мухаммада и Ахмада. Государь и его приближенные снарядились в дорогу и двинулись на восход со всем своим имуществом — золотом и прочим добром. Часть буйволов они погнали с собой, а часть их раз-

¹¹ *Keubeuë* — производное от «бродить» (*moebeuë*), по-малайски *kerbau*.

брелась, причем любому человеку дозволено было отловить буйвола, забрать себе и приставить к делу.

*О путешествии Тенгу Ди Мерах Сума
и о возрождении княжества Шамталира;
о воздвижении дворца в Чот Истана
и о титуле Тенгу-Самудра*

Достигнув в своем путешествии холма, находящегося в составе горной цепи, известной ныне под именем Чунда-Бланг Мангат и которую в прежние времена покрывал густой лес, государь поднялся на его вершину, чтобы определиться, куда держать путь. Видит он посреди равнины небольшой холм, а рядом течет река и океан недалеко. Караван двинулся в этом направлении и наконец остановился у подножия холма. Поначалу там был воздвигнут походный шатер, а затем построили большое медресе и жилища для каждого. Это место назвали Чот Истана, сейчас же оно именуется Бланг Ме. Разнеслась по этому краю весть о возвращении государя, и все проживавшие в его прежней стране стали стягиваться туда. Постепенно край этот стал многолюден, и все пошло прежним порядком. В Шамталире Мераха Сума считали раджей, и народ почитал его как великого мудреца и святого. По всем краям люди узнали, что жизнь там постепенно вошла в старое русло и что там царят благополучие и мир.

Спустя некоторое время государь сочетался браком с принцессой одного из подвластных ему княжеств и взял себе новое имя — султан Мухаммад Саид. Задумал он однажды воздвигнуть дворец для своей государыни. Как-то вместе с учениками он отправился на прогулку и взошел на уже упомянутый невысокий холм. И там по воле Всевышнего встретился ему белый оленек. Пес государя бросился на него, но схватить оленька ему не удалось. Семь раз подступал он к нему, но умное животное то уклонялось в сторону, то отпрыгивало. При каждом прыжке пса оленек не убегал, а отскакивал, и наконец тот выбился из сил, досадуя на свою неудачу. Он оставил свои попытки и с недоумением и страхом во все глаза смотрел на чудесного оленька.

Государь и его спутники тоже были поражены увиденным и вознесли хвалу Всевышнему. Владыка бросил в него камень, попал в голову, и оленек рухнул наземь. Повелел государь его заколоть и отвезти к себе во дворец. Ночью, после того как государь откушал мяса

оленька, приснилось ему, что на месте гибели оленька высится великолепный дворец, словно из рая. Поэтому повелел государь воздвигнуть на этом месте в точности такой же дворец, с приемным залом и всем роскошным убранством. Прошло некоторое время, и у владыки родилось трое сыновей: старший — Мухаммад Тахир, средний — Махмуд Шах и младший — Султан Мансуруддин Шах.

Когда они подросли, государь отдал их в учение опытному наставнику, дабы они постигли богословские науки и приобрели мирские познания. Государь очень ценил этого наставника за его мудрость. Неустанно наставлял тот своих учеников во всевозможных науках, относящихся и к горнему, и к дольному мирам. Самым умным и способным из трех был младший, Султан Мансуруддин Шах. Поэтому государь Мухаммад Саид, достигнув преклонных лет, большую часть дел правления государством передал именно ему. Поэтому лишь он один именовался султаном Мансуруддин Шахом.

Когда на холме — месте гибели оленька воздвигли дворец, это место прозвали Чот Истана. И дела управления вершились там в мире и благополучии.

*Прибытие мусульман — посланцев пророка Мухаммада,
да благословит его Аллах!*

Рассказывают, что на всем протяжении событий, о которых повествуется в этой истории, в Мекке правили халифы-мусульмане, вершащие дела правления согласно заветам Аллаха и Пророка, руководствуясь учением Корана, ибо Коран к тому времени уже был составлен и принял свой нынешний вид.

К началу описываемых здесь событий пророк Мухаммад уже оставил мир сей, передав власть халифам-мусульманам из числа своих сподвижников. Но в Аче, в Шамталире, еще не следовали заветам Мухаммада, так как в те края еще не донеслась весть о земном воплощении Пророка последних времен. В то время люди лишь следовали закону Ибрахима (мир ему!).

Немного спустя после описанных здесь событий в устье реки Пасей пристал корабль из Мекки, и было объявлено, что с ним прибыли посланцы из Мекки — проповедники ислама. Они просили разрешения высадиться на берег и предстать пред лицо государя. По воле Аллаха в ночь накануне прибытия посланцев из Мекки султану Мухаммаду Саиду приснился сон, будто бы внезапно перед ним очутился прекрасный собой и стройный юноша. И спросил

он государя: «Узнаешь ли ты меня?» Услышав этот вопрос, государь стал вглядываться в лицо юноши, вспомнил, чему его учили, и ответил: «Я узнал тебя, мой господин, ты — пророк Мухаммад ибн Абдуллах, Божий посланник последних времен!»

Тогда государь попросил пророка Мухаммада дать ему знак в подтверждение этих слов. Пророк плюнул ему в рот и в то же мгновение скрылся с его глаз неведомо куда. Пробудившись ото сна, государь вознес хвалу Аллаху, Господу всего сущего.

Наутро государь распорядился о встрече посланцев из Мекки. Он ожидал их в приемном зале в присутствии своих вазиров. Посланцы-мусульмане привезли ему священный Коран и призвали всех обитателей страны стать последователями Мухаммада (мир ему!). При обсуждении важнейших вопросов веры посланцы узнали, что население этой страны уже несколько веков исповедует ислам Ибрахима, а теперь станут последователями ислама Мухаммада (мир ему!).

Арабские посланцы-мусульмане обучили их также исламской мудрости при решении вопросов мирской жизни и загробной, так что в этих краях не оказалось владыки, более просвещенного и мудрого, чем султан Мухаммад Саид. Проведя там пять полных месяцев, посланцы покинули устье Пасея и двинулись в обратный путь — в Аравию.

*Кончина султана Мухаммада Саида,
убийство мудрого наставника государева,
путешествие Мансуруддин Шаха и рождение Раджи Бако,
именуемого также Раджа Бакой*

Когда государь Мухаммад Саид состарился, он передал бразды правления султану Мансуруддин Шаху. Это весьма огорчило двух его старших братьев: Мухаммада Тахира и Махмуд Шаха. Как-то султан Мансуруддин Шах отправился на охоту в леса области Гайо и пригласил с собой обоих братьев. Однако они отвергли его приглашение и остались во дворце.

По воле Аллаха случилось так, что они тайно умертвили мудрого наставника и бросили его тело в море. Сделали они так из мести, потому что наставник настраивал против них государя Мухаммада Саида и советовал ему возвести на престол их младшего брата — Мансуруддин Шаха. По возвращении с охоты весть о случившемся дошла до султана Мансуруддин Шаха, и это привело его в глубо-

кую печаль. Не скрывая своих чувств, он стал просить отца разрешения уехать искать себе доли в иных краях. И хотя государь не позволил ему этого, он вместе с несколькими товарищами сел на корабль и двинулся в направлении устья реки Джамбу Аир, на восход солнца.

И вот по воле Аллаха достигли они залива близ устья реки, недалеко от княжества Дели, и там султан Мансуруддин Шах пристал к берегу. При спуске с корабля обнаружили они, что за судно зацепилось нечто, завернутое в узел. Оказалось, что в нем тело любимого и дорогого учителя. Пролывая горькие слезы, государь похоронил его там, на берегу, а затем поставил у залива шатер и поселился в нем. Неделью-другую прожил он там, и вот на берег выбросило огромного дохлого ската. Не было никакой возможности снова выбросить его в море, и скат стал тухнуть. Команда не могла более оставаться в этом месте — они продолжили свое плавание в направлении Дели. Вот почему это оставленное ими место и ныне именуется Пари Бусук (Протухший скат).

А государь Мухаммад Саид после отъезда любимого сына пребывал в печали и спустя некоторое время скончался. Бразды правления приняли на себя Мухаммад Тахир и Махмуд Шах, у них уже были дети, но имена их рассказчику неизвестны. Ко времени кончины султана Мухаммада Саида внук его, сын Махмуд Шаха, был уже взрослым и отличался удивительным умом и сообразительностью. В юные свои годы он постиг все науки. Сократим нашу историю. Когда скончались и его дядя Мухаммад Тахир, и отец его Махмуд Шах, юношу возвели на престол его деда, султана Мухаммада Саида. Но рассказчику неизвестно, каковым было его имя до венчания на царство¹².

О могиле Тенгу ди Самудра

Вернемся к рассказу о кончине султана Мухаммада Саида. Накануне смерти, предчувствуя свой близкий уход, государь повелел подготовить место своего погребения. Семь дней безостановочно для нее копали яму. На куче выкопанной земли миллионы муравьев воздвигли свой муравейник, так что люди боялись и приблизиться к могиле, окруженной их полчищами. Муравьи кишели на самой вершине земляной кучи, словно нависая над могильной ямой. Го-

¹² Впоследствии его именуют Раджа Бакой (Бако).

сударь еще прежде распорядился, чтобы тело его после кончины положили именно в эту яму, и до дня своей смерти не изменил этого завета. Вот почему погребение это стали именовать *семудра*, т.е. «навязчивые муравьи»¹³.

Скажем в завершение сей главы, что государь был человеком святой жизни, исполненным благочестия, и после его кончины многие стали совершать паломничество к его праху и давать всяческие обеты. Поэтому и поныне его место именуют «могилой Тенгку Ди Самудра».

Итак, сын покойного Махмуд Шаха, внук Тенгку Ди Самудра, был возведен на престол. Столицей стал город Раджи Бакоя, где находились дворец, медресе Пусунг и окружающие постройки — приемный зал, зал совета, дома придворных. Границы города включали в себя такие его участки, как Тепин Пунти, Мулиенг (Керету), Бланг Ме и окрестности.

Дела правления вершил законный государь, а при нем состояли первый министр, вазирь, военачальники и витязи. Народ в ту пору пребывал во благоденствии и мире, исполненный любви к своему государю, и население страны было многочисленно.

Под властью правителя были те же области, что и сейчас¹⁴, вплоть до островов Пинанг, Серулей, Уле-Лейе. С Танах Мелайю (Малаккой), Калькуттой и Сиамом, Стамбулом, Египтом и Аравией, с раджами, правившими на Яве, в Восточной и Южной Суматре вплоть до Лампунга, поддерживались дружеские связи. Достоверно известно, что данниками его княжества были буги с Мадурь. Радживассалы платили дань, а те, что еще не были обращены в ислам, ограничивались *джизьей*¹⁵.

Это было временем упрочения веры, и дела правления вершились согласно ее учению (с опорой на Коран, хадисы и богословские толкования). Во всех мелких княжествах решительно внедрялась вера, а во дворце верховный суд рассматривал самые сложные дела, подлежащие самоличному решению государя. При нем же состояло примерно пятьдесят виднейших мусульманских богословов и ученых.

Сравнительно с прежними временами в стране получили распространение народные ремесла, сохранившиеся и до наших дней.

¹³ *Semut memaksa dirinya.*

¹⁴ Имеется в виду область современного Аче.

¹⁵ *Джизья* — подушная подать с иноверцев (*зимми*) в мусульманских государствах.

Было развито каменотесное ремесло по мрамору и другим материалам; прикладные ремесла, связанные с украшением жилища, — коверное, шелковое и иное ткачество; изготовление оружия, морской снасти и иных предметов кузнечного мастерства; искусство изготовления бумаги и писарское мастерство; приготовление пищи из плодов земных; строительное и прочее ремесло; растениеводство; изящные искусства и пр.

По большей своей части все эти умения принесли с собой те юноши, которых посылали учиться в Аравию, Стамбул (Турция) и Египет.

Был у государя большой пес — по преданию, величиной с лошадь¹⁶. Собака прошла выучку и была очень смышленной, государь научил ее всяким штукам, и она могла носить письма в близлежащие княжества, ловить мятежников и стеречь базары. У собаки этой не было клички, и жила она на базаре (*pasai* на совр. ачехском яз. — Л.Г.), так и звали ее тогда — Пасе. Вот и стали звать эту область страны Пасе — место, где можно встретить пса по кличке Пасе.

Почему государя нарекли Раджа Бакой

Государь был весьма мудр и вершил дела правления со всей справедливостью. Поскольку никому не было ведомо, как звали его поначалу, люди прозвали его Раджа Бако, т.е. Умный (благой, добрый, вежливый и рассудительный) раджа. Но после смерти его стали именовать Раджа Бакой (о его кончине см. ниже. — Л.Г.).

История Раджи Бакоя

Когда владыке сравнялось двадцать лет, он взял себе жену. К срока девяти годам у него было уже сорок четыре человека детей:

старший — государь Джалил Шах;

младшая — принцесса Мадум Перийя;

второй из братьев — государь Ибрахим.

Остальные 41 были мужского пола, и рассказчик не называет ни их имен, ни имени государыни и ее происхождения. По воле Всевышнего, когда государю исполнилось 60 лет, государыня занемогла и завещала: если она умрет, пусть государь найдет себе жену, дабы она заботилась об их детях и руководила ими. Но взять в же-

¹⁶ М.б., дог? (замечание копииста).

ны он должен был лишь ту, которой подойдет кольцо, что носила государыня. По воле Аллаха не успела государыня сообщить свою последнюю волю, как тотчас же испустила дух, и осталось от нее кольцо из мрамора, инкрустированное изумрудом, — то самое, о котором она говорила. Послал тут государь вазиров и первых министров искать принцессу, которой придется впору кольцо государыни. Как ни трудились они, сколько заморских краев ни объехали — никому не пришлось по руке кольцо усопшей государыни.

Рассказывают, что как-то принцесса Мадум Перийя вместе со своими братьями была у государя, все они шутили и поддразнивали друг друга, и попросила Мадум Перийя примерить это кольцо. По воле Аллаха обнаружилось, что рука ее была точь-в-точь размером с руку матери, кольцо ей подошло, и она его уже не снимала. И волею Всевышнего мысли государя приняли иной оборот. Смертные переменчивы по своей природе, то же случилось и с Раджей Бакоем — словно день внезапно сменился ночью.

Задумал тут государь взять себе в жены дочь свою Мадум Перийю. Построил он для нее особый дворец, дабы пребывала она в отдалении от старших братьев. Весть эта дошла до прочих детей государя, и все они единодушно воспротивились его намерению. За это султан Джалил Шах был убит, а тело его бросили в реку Керету¹⁷. Прочие дети государя, числом в сорок один человек, разъехались, и неизвестно, что с ними приключилось потом.

Лишь один из сыновей остался — брат Мадум Перийи государь Ибрахим. Был он благочестив и рассудителен, а также весьма учен. Еще задолго до того, как Радже Бакою пришла в голову мысль взять в жены Мадум Перийю, государь Ибрахим воздвиг медресе на невысокой горе Букит Пучук Самбино (близ нынешней Чунды¹⁸). На этом холме было молодое дерево, под сенью которого любил проводить свое время государь Ибрахим. Узнав о случившемся, он потерял всякое желание приехать повидать отца.

За свое благочестие был он прозван Брахим Папа. Вернемся, однако, к Радже Бакою, намеревшемуся жениться на своей дочери Мадум Перийе. С этой поры дела правления страной пошли вкривь и вкось, ни шатко ни валко, и народ принялся роптать на владыку. Но тот держался своего, и кончилось дело казнью тех сорока четырех улемов, что осудили намерение государя. Ибо доводом при осуждении этого вопроса у раджи было оружие. Об этом узнала и

¹⁷ Река, впадающая в Малаккский пролив восточнее г. Лхоксэмаве.

¹⁸ Населенный пункт к югу от г. Лхоксэмаве.

сама принцесса Мадум Перийя и загоревала. Как-то ночью она убежала к своему брату в Пучук Самбино (нынешний Чот Панггой). А в тот час стражника внезапно сморил сон. Назавтра, когда государь Раджа Бакой узнал о случившемся, стражника казнили.

С радостью встретил Ибрахим Папа беглянку Мадум Перийя в Чот Панггой. Но Раджа Бакой встревожился не на шутку, как бы Ибрахим Папа не двинулся на него войной, — а ведь тот был могуч и наделен волшебной силой. Стал тут государь раздумывать, как бы ему убить Ибрахима Папу. Что до Мадум Перийи, то она жила у брата, окруженная любовью да лаской. Воздвиг он для нее дворец, где были и сад, и пруд для купания, и качели, и место для игры в шахматы и для прочих забав младшей сестры.

Все было именно так: и поныне можно видеть остатки прежнего Пучук Самбино — места для игры в шахматы, для просушивания волос, качели. Раньше все это можно было ясно обнаружить, да и теперь можно увидеть кое-что — приезжайте убедиться в Чот Панггой Пучук Самбино, в Чунду.

Задумал тут Раджа Бакой хитрость. Он призвал к себе сына, Ибрахима Папу, и послал его наловить рыбы в самых опасных речных и морских подводных пещерах и омурах. Но Ибрахим Папа исполнил приказ отца, оставшись целым и невредимым. После этого Раджа Бакой раздумал брать в жены Мадум Перийю, и Ибрахим Папа отправил ее обратно под отцовский кров. Однако тот не оставил намерения убить Ибрахима Папу. Что ж, кончина человека — в руках Господа. Добыл отец сильнейший яд и незаметно дал его Ибрахиму Папе. Но поскольку тот был человеком честным и благородным, обладавшим волшебной силой, смерть его наступила не сразу, а лишь месяц или два спустя.

Замыслил Раджа Бакой такую злодейскую хитрость. Прослышал он о Лубук Туви (Гедонг) — большом и глубоком озере. Говаривали тогда, что в озере этом обитает огромный змей и всякий, кто бы ни задумал понырять или поплавать там, бесследно исчезает. Притворился тут Раджа Бакой больным и послал дать знать сыну, Ибрахиму Папе, что хочется ему отведать рыбы из Лубук Туви, выловленной самим Ибрахимом Папой. Выслушав повеление отца, Ибрахим Папа отправился в Лубук Туви. Забросил он удочку, но лишь захотел вытянуть — не идет. Товарищи его побоялись нырять, и он прыгнул в воду сам. Опустившись на дно, увидел он огромного змея с длиннейшим бивнем на носу. Ибрахим Папа находился от него в пятидесяти метрах.

Чудовище имело самый устрашающий и яростный вид. Завидев перед собой человека, оно стало втягивать в себя воду. Пошли по водной пучине волны и водовороты, но Всевышний Аллах своею милостью уберег праведного раба своего, и Ибрахим Папа даже не сдвинулся со своего места. Товарищи Ибрахима Папы, оставшиеся на берегу, забеспокоились, видя бурлящие волны, но в ту же минуту Ибрахим Папа показался на поверхности и уверенно ступил на берег. Взял он свой родовой меч и снова нырнул в воду. Оказавшись перед змеем, он предал себя в руки Всевышнего и, прочитав заклинание, нанес мечом удар по змею и отрубил ему голову. Вонзив в нее свой меч, он со всей силы вышвырнул ее наверх. По воле Единого и Справедливого Господа, берегущего честнейшего из своих рабов, голова змея вылетела на поверхность и упала в Булух, от чего там образовалось болото, именуемое и поныне Болотом Черепи.

Тотчас же вынырнул из воды и Ибрахим Папа. Лишь после схватки со змеем почувствовал он, что ослабел, и сказал товарищам, что вскоре умрет, так как отец дал ему сильнейший яд.

Тем временем яд, по всей видимости, уже утрачивал свою силу. Рассказывают, что близ этого озера рос высокий дуриан с густой листвой, приносивший ежегодно многие десятки плодов. Ими и питались жители этой области Пасея. Когда Ибрахим Папа взошел на берег, он почувствовал слабость во всем теле, решил передохнуть и прислонился к стволу дуриана. Поскольку тело Ибрахима Папы несло в себе яд, плоды дуриана тотчас же засохли, а листья начали опадать. И пока Ибрахим Папа с грехом пополам плелся к себе домой в Чот Панггой, дуриан высох окончательно.

По возвращении домой Ибрахим Папа проболел несколько дней. В пятницу, совершив пятничную молитву, он поведал своим верным ученикам обо всем происшедшем и о своей скорой кончине. Наказал он похоронить его там, где упадет дерево тейе (дерево с мощными корнями). При этом на глазах у всех он с корнем вырвал из земли такое, высотой равное кокосовой пальме, дерево и швырнул его в южную сторону, и оно скрылось с их глаз. Отправились ученики искать, куда же полетело дерево.

Спустя несколько дней Ибрахим Папа скончался. О его смерти сообщили Радже Бакою и Мадум Перийе. Возрадовался отец, что его замысел удался. Останки Ибрахима повезли на юг, к самому высокому холму в Пантон Райек (Бланг Мангат), и на вершине его обнаружили лежащее дерево тейе. Там же и погребли останки. По-

скольку холм этот был весьма высок, Ибрахима Папу и поныне зовут Тенгку Ди Маньянг¹⁹.

А принцесса Мадум Перийя, услышав о том, что отец убил ее любимого брата, пришла в отчаяние и с распущенными волосами, словно обезумевшая, кинулась в Чот Панггой. За ней побежал и ее любимый верный пес Си Пасей. Оказавшись в Чот Панггой, она ворвалась в комнату покойного и увидела там бутылку с красноватой жидкостью. Догадалась она, что это яд, и тотчас же выпила его. Силы стали покидать ее, и она поспешила к месту, где был погребен ее брат. А к тому времени похороны Ибрахима Папы уже состоялись. Когда погребальная процессия спустилась с холма, все увидели, что у его подножия лежит бездыханная Мадум Перийя. Там ее и похоронили. Легенда гласит, что пес Си Пасей, не видя более принцессу, остался в Чот Панггой и ежедневно до ночи ждал ее появления. По воле Аллаха Си Пасей, видимо, также пал жертвой яда, пропитавшего листья, в которые был завернут отравленный рис, ибо к ночи он почувствовал недомогание и стал кашлять. Назавтра, видя, что принцесса не возвращается, он побежал назад в Пасей к Радже Бакою. Спустя два дня Си Пасей испустил дух следом за благородными, славными принцем и принцессой. Тело его было предано земле посреди поля в Бланг Пусунг — нынешнем Тепин Ара.

*Падение княжества Пасей
после смерти Раджи Бакою*

Узнав, что принцесса Мадум Перийя тоже умерла, а с ней и ее любимый пес Си Пасей, и намерениям его не суждено осуществиться, государь с горя заболел и вскоре скончался.

Тогда тело владыки было положено в гроб, длиной в два с половиной метра. Всемогущий Господь сурово покарал этого жестокого и безудержного в своих страстях человека, чему свидетелями стали все. Его бессердечие и жестокость обернулись против его потомков, а знаком суда Аллаха над этими людьми стало то, что гроб его становился все короче и под конец стал длиной в локоть. И когда государь был погребен со всеми царскими почестями, его стали называть Раджей Бакою, в знак осуждения жестокости его правления.

¹⁹ Государь из Маньянга (место к югу от г. Лхоксэмаве).

С этого времени страна его распалась на части, а оставшиеся в живых сыновья не обладали ни мудростью, ни опытом, и в течение долгого времени никого из них не возвели на престол. Дела государства вершил совет высших сановников страны. Затем между ними начались раздоры и междоусобицы, и единству страны пришел конец.

Вот конец истории Пасейского княжества, на смену которому явилось новое княжество в Аче. Но здесь об этом рассказ не пойдет, ибо рассказчик не намеревался изложить всю историю княжества Аче — от древности и до наших дней. Здесь было поведено лишь о Радже Бакое и о Пасее, и о том, откуда они появились, начиная с княжества Шамталира и его правителей — султанов Мухаммада и Ахмада.

Возможно, потомки владык Пасея и позднейшие правители Аче находятся в родстве благодаря сыновьям Раджи Бакоя, отрекшимся от отца из-за его описанной здесь жестокости. Но автор не может утверждать, истинно ли это предположение, потому что незнаком с позднейшими преданиями. Один лишь Аллах ведает истину.

2
СВОДНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ПАСЕЯ ПО ТРЕМ ИСТОЧНИКАМ

«Легенда о Самудре»		«Повесть о раджах Пасея»		«Малайские родословия»
Раджа Ахмад	Раджа Мухаммад	Раджа Ахмад	Раджа Мухаммад	–
Приемный сын: Тенгку Ди Мерах	Приемная дочь: Путру Ди Бетунг	Приемный сын: Мерах Гаджах	Приемная дочь: Путри Бетунг	–
<i>Их сыновья:</i>		<i>Их сыновья:</i>		
<u>Тенгку Ди Мерах Сом</u> (правитель Самудры под именем султан <u>Мухаммад Санд</u>)	Тенгку Ди Мерах Силу (правитель Пидира)	<u>Мерах Силу</u> (<u>Малик ас-Салех</u>) (Самудра, †1297)	Мерах Хасум	<u>Мерах</u> <u>Чага</u>
<i>Его сыновья:</i>		<i>Его сыновья (=внуки):</i>		<i>Его сыновья:</i>
Мухаммад Тахир	<u>Мансур</u> ад-дин Шах	<u>Малик ат-Т(З)ахир</u> (Самудра, †1326) он же <u>Малик</u> <u>ал-Махмуд</u> (правитель Пасея)	<u>Малик ал-Мансур</u> (правитель Самудры)	<u>Малик</u> <u>аз-Захир</u> <u>Мансур</u>
<i>Его сын:</i>		<i>Его сын:</i>		<i>Его сын:</i>
<u>Раджа Бакрой</u>		<u>Ахмад Перумудал</u> <u>Перумал</u>		<u>Султан</u> <u>Ахмад</u>
<i>Его дети:</i>		<i>Его дети:</i>		
Джалил Шах, Мадум Перийя, Ибрахим (Браим Бапа) и еще 41 сын		Абдул Джалил, Абдул Фадил, Браим Бапа и 2 дочери		

«МАЛАЙСКИЕ РОДОСЛОВИЯ» О РАДЖАХ ПАСЕЯ

Рассказ [VI]¹

Вот рассказ о раджах Пасея. Поведал владелец этой истории, что она начинается так. Близ Пасангана жили два Мераха родом с горы Санггунг. Старшего звали Мерах Чага, а младшего — Мерах Силоу. [Как-то] Мерах Силоу ловил рыбу садком. Попались ему черви, и он их выкинул. Снова поставил садок, и опять попались ему черви. Когда такое повторилось несколько раз, Мерах Силоу взялся варить червей, и те превратились в золото, а пена [от варки] — в серебро. Мерах Силоу снова поставил садок, [наловил] червей, поставил варить и опять, как и прежде, получил золото. Когда у Мераха Силоу оказалось много золота, прослышал об этом Мерах Чага: ему донесли, что его младший брат Мерах Силоу ест червей. Разгневался Мерах Чага на Мераха Силоу и собирался было убить младшего брата-государя. Узнав об этом, Мерах Силоу бежал в джунгли Джерун. А место, где Мерах Силоу добыл червей, и посейчас зовется Паданг Геланг-геланг².

Расскажем, как Мерах Силоу жил в джунглях Джерун. Жителей джунглей Джерун он оделил золотом, так что все они стали повиноваться ему. Однажды Мерах Силоу отправился на охоту, и вдруг его пес Си Пасей принялся лаять. Видит Мерах Силоу, что Си Пасей лает, стоя на возвышенности, словно нарочно насыпанной. Поднявшись на нее, Мерах Силоу увидел муравья величиной с кошку. Взявши муравья, Мерах Силоу съел его и поселился на этой воз-

¹ Перевод отрывков «Малайских родословий» выполнен нами по изданию [Winstedt 1938a, с. 1–226].

² «Поле червей».

вышности, названной им Самудрой, что означает «большой муравей».

Расскажем теперь о том, как некогда Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!) повелел своим сотоварищам: «Когда приблизятся последние времена, в подветренных краях появится страна Самудра. Лишь прослышите вы о Самудре — тотчас же отправляйтесь туда, дабы обратить ее жителей в исламскую веру, ибо в этой стране явится много святых, [проповедующих веру в] Аллаха. И некоего факира из страны Ма'абри тоже заберите с собой».

Прошло некоторое время с тех пор, как Пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) сделал такой наказ, и вот до жителей Мекки дошла весть о стране Самудре. Шариф Мекки распорядился снарядить корабль со всеми царскими регалиями и повелел по пути заехать в страну Ма'абри. Капитаном же корабля стал некий шейх Исмаил.

Корабль двинулся в плавание. По пути он бросил якорь в стране Ма'абри. Правил же в этой стране султан Мухаммад. Он послал узнать, откуда прибыл этот корабль. Отвечают мореходы: «Корабль наш плывет из Мекки, и направляемся мы в Самудру». А надо сказать, что султан Мухаммад был из числа потомков Абу Бакра Сиддика (да будет доволен им Аллах!). — «А двинулись мы в путь по повелению Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)». [Услышав об этом, султан Мухаммад] возвел на престол страны Ма'абри своего старшего сына, а затем вместе с младшим сыном облачился в одежды факира и покинул страну — вышел из дворца, взошел на корабль и сказал мореходам: «Везите меня в страну Самудра». И подумалось мореходам: «Видно, это и есть тот факир, о котором сказывал Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)». Они приняли его на корабль, и корабль отплыл.

Проведя в плавании некоторое время, они достигли страны под названием Фансури. Жители страны Фансури приняли ислам. На следующее утро факир сошел на берег с Кораном в руках и велел жителям страны Фансури читать его, но никто не сумел этого сделать. И подумал факир про себя: «Это не та страна, о которой говорил Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)».

И капитан Исмаил продолжил плавание. Спустя время они прибыли в страну под названием Ламири. Жители страны Ламири приняли ислам. Факир сошел на берег с Кораном в руках и велел

жителям страны Ламири читать его, но никто не сумел этого сделать. Тогда факир поднялся на корабль и продолжил плавание.

Спустя время прибыли они в страну Хару. Жители страны Хару приняли ислам. Факир поднялся на корабль, принес Коран и велел местным жителям читать его, но никто не сумел этого сделать. Спрашивает факир у местных жителей: «А где находится страна, что зовется Самудра?» Говорят жители страны Хару: «Вы уже миновали ее». Факир взошел на корабль и поплыл дальше. Прибыв в Перлак, он обратил в ислам его жителей и отплыл в Самудру.

По прибытии в Самудру факир сошел на берег и встретил там Мераха Силоу, собиравшего на берегу кораллы. Спрашивает его факир: «Как зовется эта страна?» Отвечает Мерах Силоу: «Имя ее Самудра». Говорит факир: «А кто самый главный в этой стране?» Отвечает Мерах Силоу: «Я здесь главнейший над всеми». И факир обратил Мераха Силоу в ислам и научил его произносить «слова свидетельства»³. Приняв ислам, Мерах Силоу вернулся домой, а факир — к себе на корабль. Ночью во сне явился Мераху Силоу Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!). И молвил Посланник Аллаха Мераху Силоу: «О Мерах Силоу, открой рот пошире». Мерах Силоу открыл рот, и Пророк Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!) плюнул в рот Мераху Силоу.

Проснулся Мерах Силоу и почувствовал, что его тело, словно нард, испускает благоухание. Наутро факир сошел на берег, неся с собой Коран и приказал Мераху Силоу читать его. Мерах Силоу стал читать Коран, и факир сказал шейху Исмаилу — капитану корабля: «Вот это и есть страна Самудра, о которой говорил Пророк Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)». Шейх Исмаил принес с корабля все привезенные им царские регалии и возвел Мераха Силоу на престол под именем султана Малик ас-Салеха.

Было в этой стране двое вельмож, одного звали Сери Кайя, а другого — Бава Кайя. Оба они приняли ислам. Сери Кайя стал прозываться саййиди Али Гиатуддин, а Бава Кайя — саййиди Асмайуд[дин]. Шейх Исмаил отплыл в Мекку, а факир остался в Самудре устанавливать ислам в этой стране.

Затем султан Малик ас-Салех направил саййиди Али Гиатуддина в Перлак свататься к дочери раджи Перлака. А у раджи Перлака было три дочери, две от законной жены, а третья, по имени Путри Генгганг, — от наложницы. Когда саййиди Али Гиатуддин прибыл

³ «Слова свидетельства» (*калма шахада*) — мусульманский символ веры.

в Перлак, ему показали всех трех дочерей, причем двух первых сестер усадили ниже, а третью — на возвышении и велели чистить для сестер орех арековой пальмы. На ней был розовый каин и баджу цвета плодов джамбу⁴, серьги в ее ушах [были в форме] молодых листьев веерной пальмы. В руках она держала цветы дженгкеленар⁵ и была прекрасна собой. Поклонился радже Перлака Али Гиатуддин: «Мы хотели бы просить у тебя ту дочь, что сидит на возвышении». Только Али Гиатуддин не знал, что девушка, сидящая на возвышении, — дочь раджи Перлака от наложницы. Захотел раджа Перлака и сказал: «Хорошо, пусть будет, как тебе угодно».

Приказал раджа Перлака снарядить сто судов, а Туну Перпатиху Пандаку поручил сопровождать Путри Генгганг до Самудры. По приближении их к Самудре султан Малик ас-Салех выехал в Джамбу Аир навстречу принцессе и сопровождал ее в Самудру, оказывая ей тысячи почестей. Прибыв в Самудру, государь начал церемонию бодрствования, длившуюся несколько дней и ночей подряд. Затем государь сочетался браком с принцессой Генгганг. По завершении свадьбы государь щедро наградил министров и витязей, одарил золотом и серебром факиров и бедняков Самудры. А Тун Перпатих Пандак вскоре после бракосочетания государя испросил позволения воротиться в Перлак.

У султана Малик ас-Салеха родилось двое детей, оба мальчики. Старшего государь нарек султаном Малик ат-Тахиром, а младшего — султаном Малик ал-Мансуром. Старшего сына государь препоручил заботам саййиди Али Гиатуддина, а младшего — заботам Али Асмайуд[дина].

Шло время, и султан Малик ат-Тахир с султаном Малик ал-Мансуром выросли. Перлак подвергся нападению заморского врага, и жители Перлака перебрались в Самудру. Подумал султан Малик ас-Салех и решил основать город, который стал бы местопребыванием для его сына. И объявил Малик ас-Салех своим вельможам: «Завтра мы отправляемся на охоту». Рано утром, сев на слона по имени Пермадабуана и переправившись [через реку], прибыл к морскому берегу. Тут его собака по кличке Си Пасей залаяла. Султан Малик ас-Салех поспешил к ней и увидел, что собака лает

⁴ Джамбу — растение *Eugenia jambos* с плодами различных оттенков розового цвета.

⁵ Цветок под этим названием (вариант написания — *jengkelenan*) упоминается также в таких классических произведениях, как «Повесть об Аче» и «Сад царей» Нуруддина ар-Ранири, однако установить, о каком растении идет речь, нам не удалось.

у возвышенности, похожей на искусственную насыпь, достаточную по размерам и пригодную для того, чтобы воздвигнуть дворец со всеми постройками. Султан Малик ас-Салех повелел расчистить эту возвышенность от леса. На ней был построен город с дворцом и назван Пасеем по кличке собаки. Государь-отец возвел на престол Пасея своего сына Малик ат-Тахира, а саййиди Гиатуддина возвел в должность мангкубуми. Всех своих подданных, слонов, лошадей и царские регалии султан Малик ас-Салех поделил поровну между сыновьями, одну часть дал султану Малик ат-Тахиру, а другую — султану Малик ал-Мансуру.

Спустя время султан Малик ас-Салех занемог. Повелел он созвать всех вельмож страны Самудры, призвал и обоих своих сыновей. Когда чиновники, оба сына и вельможи явились, султан Малик ас-Салех сказал, обращаясь к сыновьям и вельможам: «О сыны мои и друзья-придворные, моя смерть близка. Живите в мире после моей кончины. О сыны мои, не зарьетесь на чужое богатство, не возжелайте жен и дочерей своих подданных. По-братски советуйтесь друг с другом, и да не будет меж вами несогласия». Затем государь также дал наказ саййиди Али Гиатуддину и саййиди Асмайуд[дину]: «О, братья мои! Берегите моих сыновей и не допускайте несогласия между братьями. Храните верность двум моим сыновьям и не повинуйтесь иным государям, кроме как им обоим».

Склонились те и заплакали, и сказали саййиди Али Гиатуддин и саййиди Асмайуд[дин]: «О государь, свет очей наших! Именем Всевышнего Аллаха, Господина и Творца всего сущего, клянемся, что не изменим данному нами обету и не станем повиноваться иным государям, кроме как двум твоим сыновьям».

Затем султан Малик ас-Салех возвел на престол Самудры сына, султана Малик ал-Мансура. Миновало три дня, и султан Малик ас-Салех скончался и был похоронен близ своего дворца. И сегодня его поминают под именем Мархум ди Самудра⁶. После кончины отца султаны Малик ат-Тохир и Малик ал-Мансур повелели созвать к себе всех витязей, ратников, слонов, лошадей, собрали у себя все царские регалии, и [Пасей] стал больше и многолюднее. Один лишь Аллах ведает истину.

Вот рассказ о правителе Шахрун-нуви⁷. Велико было его царство, витязей и ратников было там без счета. Рассказали правителю

⁶ *Marhum di Samudra* — т.е. «Усопший из Самудры».

⁷ От перс. *Shahr-I nau* — новый город. Персидское наименование тайской Аютии.

Шахрун-нуви, что в стране Пасей жизнь бьет ключом, там много купцов и торговых людей, а владения ее государя весьма обширны. Молвил правитель Шахрун-нуви своим витязям: «Кто из вас сможет захватить правителя Самудры?» Был у него витязь отменной доблести по имени Ави Дичу, который с поклоном сказал: «Государь, если будет на то твое соизволение, дай мне четыре тысячи витязей, и я схвачу и доставлю правителя Самудры живым к ногам твоего величества».

Правитель Шахрун-нуви передал в его полное распоряжение четыре тысячи витязей и сотню пилуо⁸. Когда все сто судов были готовы, витязь приказал им плыть в Самудру, якобы по торговым делам, и все пилуо пустились в плавание. Ави Дичу ехал под видом посла правителя Шахрун-нуви. Когда в Самудре пронеслась весть о прибытии посла правителя Шахрун-нуви, государь поручил своим витязям торжественно встретить его.

По прибытии на берег были посланы гонцы с письмом. Ави Дичу посадил четырех отважнейших витязей в четыре сундука и сказал им: «Когда вы окажетесь пред правителем Самудры — открывайте сундуки, вылезайте и схватите правителя Самудры». Сундуки же эти запирались изнутри. Их торжественно понесли, объявив, что это дар от правителя Шахрун-нуви. Оказавшись пред лицом правителя Самудры, ему прочитали послание следующего содержания [...]»⁹. Сундуки же поставили пред правителем Самудры. Сидевшие там витязи отперли сундуки, вылезли наружу и схватили правителя Самудры. Витязи правителя Самудры завопили, обнажили клинки, готовые сразиться с витязями правителя Шахрун-нуви. Говорят им витязи правителя Шахрун-нуви: «Если вы нападете на нас, мы убьем вашего государя». Пасейцы утихли и не стали биться с витязями правителя Шахрун-нуви. И Ави Дичу со своими витязями отбыли в страну Шахрун-нуви.

По прибытии их в страну Шахрун-нуви Ави Дичу доставил пасейского раджу пред очи правителя Шахрун-нуви, и тот возликовал. Ави Дичу и всех витязей, совершивших это путешествие, государь наградил царскими одеждами. А раджу Самудры поставили сторожем в курятнике.

Рассказывают, что саййиди Али Гиатуддин в Пасее собрал совет из старейших министров. Построили они корабль и закупили араб-

⁸ *Pilau* — вид судна.

⁹ Текст письма в рукописи *Raffles 18* отсутствует.

ских товаров, ибо в те времена все пасейцы владели арабским языком. Сам саййиди Али Гиатуддин и его воины оделись как арабы, затем саййиди Али Гиатуддин взошел на борт, и когда все было готово, саййиди Али Гиатуддин поплыл в страну Шахрун-нуви. Проведя некоторое время в плавании, они прибыли в страну Шахрун-нуви, и саййиди Али Гиатуддин сошел на берег и явился к правителю Шахрун-нуви. С собою он нес подношения: дерево из золота с плодами, изготовленными из самоцветов, весом в одно бахара¹⁰ золота. Глядя на подарок саййиди Али Гиатуддина, государь молвил: «Что тебе надобно от меня?» Поклонились саййиди Али Гиатуддин и его товарищи: «Ничего». Удивлен был правитель Шахрун-нуви этим подарком и подумал: «Что же им на самом деле нужно, коли они явились с таким подношением?» Те же воротились к себе на корабль.

Спустя некоторое время капитан корабля вновь явился к правителю Шахрун-нуви с подарком — шахматной доской из золота с фигурами из самоцветов, весом в одно бахара золота. Молвил правитель Шахрун-нуви: «Какого бы тебе хотелось подарка от меня?» Ответили они: «Ничего, государь». И удалились.

Прошло несколько дней, и настала пора попутного ветра. Саййиди Али Гиатуддин снарядился к отплытию. Явились они к правителю и поднесли ему в дар двух золотых уток, украшенных самоцветами, — уточку и селезня, весом в одно бахара золота, и большую золотую миску, наполненную водой. Выпустили уток в миску, и те принялись плавать, нырять, гоняться друг за другом. Правитель Шахрун-нуви был поражен искусством, с которым были сделаны это утки, и молвил: «Скажите же наконец, что вам надобно? Клянусь Господом, я исполню все ваши желания».

Говорит с поклоном саййиди Али Гиатуддин: «О государь, коли будет на то твоя милость, просим твое величество отдать нам сторожа из своего курятника». Молвил правитель Шахрун-нуви: «Этот раджа Пасея, но уж коли вы просите меня, я вам его отдаю». Поклонились они: «Мы просили тебя о нем, ибо он — мусульманин». Правитель Шахрун-нуви соблаговолил передать султана Малик ат-Тахира саййиди Али Гиатуддину, и тот препроводил его на корабль. По прибытии на борт он совершил омовение и был облачен в царские одежды. Подул ветер, подняли якорь, и корабль поплыл. Проведя в пути несколько дней, [судно прибыло в Самудру].

¹⁰ Мера веса = 37,5 кг.

Поведем теперь рассказ о правителе Самудры Малик ал-Мансуре. Однажды он обратился к саййиди Асмайуддину с такими словами: «Хотелось бы мне повидать старшего брата и узнать, как он живет-поживает». Поклонился саййиди Асмайуддин: «Не следует тебе, государь, ехать — как бы не случилось какой смуты». Но сколько ни увещевал султана Малик ал-Мансура саййиди Асмайуддин, тот и слушать его не хотел. И саййиди Асмайуддин умолк. Повелел он бить в гонг и возглашать: «Султан Малик ал-Мансур собирается посетить страну своего брата». Все это не нравилось саййиди Асмайуддину: был он стар и опытен и предвидел, что не миновать смуты.

А султан Малик ал-Мансур настоял на своем, отправился в поездку по стране Пасей и заехал во дворец султана Малик ат-Тахира. Приглянулась ему одна из прислужниц государя султана Малик ат-Тахира, и он забрал ее с собой, к себе во дворец. Молвил он саййиди Асмайуддину: «Отец мой, я оказался в трудном положении. Забыв о здравом смысле, я поддался влечению плотской страсти, и в этом будет моя погибель».

Разнеслась тут весть, что султан Малик ат-Тахир находится в Джамбу Аир и уже прознал о поступке султана Малик ал-Мансура. Затаил он в сердце обиду, но не поверил ее никому. Повелел султан Малик ат-Тахир радже П.нджар¹¹ устроить торжественную встречу султана Малик ал-Мансура. Султан Малик ал-Мансур выехал из Самудры и двинулся к устью реки. А султан Малик ат-Тахир поднялся по реке Кетуи и проследовал к себе во дворец. Султан Малик ал-Мансур вернулся в Самудру. Думал он о том, что совершил, не послушав совета саййиди Асмайуддина, но напрасны были его сожаления. А султан Малик ат-Тахир уже затаил в своем сердце обиду против султана Малик ал-Мансура.

У султана Малик ат-Тахира был сын по имени султан Ахмад, и когда султан Малик ат-Тахир попал в плен, сын его был еще мал. Когда же государь воротился из страны Шахрун-нуви, сын его раджа Ахмад уже было взрослым. Саййиди Асмайуддин удалился на покой, а один из министров, Тун Перпатих Тулус, занял место тестя. Однажды султан Малик ат-Тахир спросил Перпатиха Тулуса Туканг Секару: «Как нам поступить с султаном Малик ал-Мансуром?» Поклонился Тун Перпатих Тулус: «Есть одна хитрость». Молвил султан Малик ат-Тахир: «А если султан Малик ал-Мансур

¹¹ В издании не огласовано.

умрет?» Поклонился Тун Перпатих Тулус Туканг Секара: «Если султан Малик ал-Мансур умрет, не зваться мне Тукангом¹². Давай устроим обряд обрезания султана Ахмада и пригласим на него султана Малик ал-Мансура, тогда-то все и совершим».

Султан Малик ат-Тахир повелел украсить город и приемный зал и начал церемонию бодрствования¹³. Прибыл туда и султан Малик ал-Мансур. Султан Малик ат-Тахир пригласил султана Малик ал-Мансура и саййиди Асмайуддина во внутренние покои, а прочим велел остаться снаружи. Приказал султан Малик ат-Тахир задержать султана Малик ал-Мансура, а с ним и саййиди Асмайуддина и повелел одному из своих витязей отвезти [султана Малик ал-Мансура] в Манджунг¹⁴. Саййиди Асмайуддину султан Малик ат-Тахир сказал: «Оставайся здесь и не следуй за Малик ал-Мансуром, а коли ты собрался ехать вместе с ним, я отрублю тебе голову». Ответил саййиди Асмайуддин: «Пусть лучше голова моя расстанется с телом, но с господином моим я не расстанусь». Повелел тут султан Малик ат-Тахир обезглавить саййиди Асмайуддина. Голову его бросили в море, а тело посадили на кол в устье реки Пасей.

А султана Малик ал-Мансура отвезли на лодке на восток. По прибытии их на восточный берег реки Джамбу Аир заметил кормчий, что за перо руля зацепилась человеческая голова. Об этом сообщили султану Малик ал-Мансуру, и тот приказал достать ее. Видя, что это саййиди Асмайуддин, государь взглянул на берег и сказал: «Это [место будет называться] Паданг Майя»¹⁵. Так это место зовется и по сей день.

Приказал султан Малик ал-Мансур, сошел на Паданг Майя и отправил к султану Малик ат-Тахиру посланца с просьбой отдать ему тело саййиди Асмайуддина. Тот передал тело султану Малик ал-Мансуру. Затем и голову, и тело султан Малик ал-Мансур предал земле на Паданг Майя. Сделав это, он удалился в Манджунг. После его отъезда государь совершил обряд обрезания своего сына, султана Ахмада.

Три года пробыл в Манджунге султан Малик ал-Мансур, и вот султан Малик ат-Тахир вспомнил о брате и сказал: «До чего же

¹² *Tukang* — мастер, знаток.

¹³ *Jaga-jaga* («бодрствования») — пиры, сопровождающие любое важное событие при дворе правителя.

¹⁴ Место на другом берегу Малаккского пролива, близ западного берега полуострова Малакка.

¹⁵ По-видимому, *Padang Mayat* (букв. «Поле останков»).

я глуп: из-за какой-то женщины я сверг брата с престола его княжества и убил его министра!» Мучимый раскаянием, государь послал витязей на нескольких судах за братом в Манджунг, и султана Малик ал-Мансура доставили с соблюдением всех почестей, положенных царскому званию. Оказавшись в Паданг Майя, султан Малик ал-Мансур сошел на берег, чтобы поклониться могиле саййиди Асмайуддина, и, приветствуя его, молвил: «Мир тебе, отче! Оставайся здесь, я же должен ехать к старшему брату». И из могилы прозвучал ответ саййиди Асмайуддина: «Куда тебе ехать? Лучше оставайся здесь».

Услышав это, султан Малик ал-Мансур взял воды для омовения и совершил два ракаата с молитвой. Помолившись, он свалился на землю близ могилы саййиди Асмайуддина и испустил дух. Султану Малик ат-Тахиру доложили, что его младший брат скончался на Паданг Майя, близ могилы саййиди Асмайуддина. Государь тотчас же поспешил к брату.

Оказавшись на Паданг Майя, государь предал погребению тело султана Малик ал-Мансура с соблюдением всех почестей, положенных царскому званию, и, исполненный скорби, воротился в Пасей. Он возвел на престол своего сына, султана Ахмада, и сложил с себя полномочия правителя.

Спустя некоторое время султан Малик ат-Тахир занемог и завещал своему сыну, султану Ахмаду: «О сын, свет очей моих и плод моего сердца! Да не идут твои дела вразрез с желаниями твоих подданных. Советуйся с министрами, не спеши посеять волнение в душах твоих подданных. Разбирая дела злодейства, будь неспешен. Да не ослабнет твоя вера в Аллаха, преславлен Он, Всевышний. И не отбирай прав людей неправосудно». Заплакал султан Ахмад, слушая завет отца. Спустя несколько дней султан Малик ат-Тахир скончался, и сын похоронил его близ мечети. Править страной стал султан Ахмад.

СХЕМА ЭПИЗОДОВ СЮЖЕТА ОБ ИСЛАМИЗАЦИИ ПАСЕЯ В «МАЛАЙСКИХ РОДОСЛОВИЯХ» И «ПОВЕСТИ О РАДЖАХ ПАСЕЯ»

«Малайские родословия»	«Повесть о раджах Пасея»
<p>Расскажем теперь о том, как некогда Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!) повелел своим сотоварищам: «В конце времен в подветренных краях появится страна Самудра. Лишь прослышите вы о Самудре — тотчас же отправляйтесь туда, дабы обратить ее жителей в исламскую веру, ибо в этой стране явятся много святых, [проповедующих веру в] Аллаха. И некоего факира из страны Ма'абри тоже заберите с собой».</p>	<p>Рассказывает владылец этой истории. Однажды, еще при жизни пророка Мухаммада (мир ему!), как-то в бытность свою в Мекке сказал он своим сподвижникам: «Когда я умру, [сделайте следующее]: есть подветренная страна, именуемая Самудрой, и когда дойдет до вас весть об этой стране, пошлите туда корабль со всеми царскими регалиями и обратите ее жителей в мусульманскую веру, научив словам свидетельства. Волей Преславного и Всевышнего Аллаха в этой стране будет больше святых, чем где бы то ни было. Первым же из них станет некий факир из страны Менгири, которого вы заберете с собой и привезете в Самудру».</p>
<p>Прошло некоторое время с тех пор, как Пророк (да благословит его Аллах и да приветствует!) сделал такой наказ, и вот до жителей Мекки дошла весть о стране Самудре. Шариф Мекки распорядился снарядить корабль со всеми царскими регалиями и повелел по пути заехать в страну Ма'абри. Капитаном же корабля стал некий шейх Исмаил.</p>	<p>Некоторое время прошло, и Пророк (мир ему!) скончался. Дошла тут до мекканских шарифов весть о подветренной стране Самудре, и халиф шарифов повелел отправить туда корабль с царскими регалиями. Когда корабль был готов к отплытию, шариф Шейх Исмаил приказал по пути сделать остановку в стране Менгири.</p>
<p>Корабль двинулся в плавание. По пути он бросил якорь в стране Ма'абри. Правил же в этой стране</p>	<p>Спустя время корабль приплыл в эту страну и бросил сил якорь в гавани Менгири. Заметив корабль, ставший</p>

<p>султан Мухаммад. Он послал узнать, откуда прибыл этот корабль. Отвечают мореходы: «Корабль наш плывет из Мекки, и направляемся мы в Самудру».</p>	<p>там на якорь, жители Менгири постепили к государю и с поклоном сообщили ему: «Будь славен и да продлятся твои дни, о владыка вселенной! В нашей гавани бросил якорь какой-то корабль». Султан Мухаммад обратился к первому министру со словами: «О первый министр, пошли узнать, что это за корабль!» Первый министр спешно вышел и послал своих людей на лодке осмотреть корабль. Когда лодка приплыла к кораблю, они спросили: «Откуда прибыло ваше судно, кто его капитан и куда вы держите путь?» Отвечают мореходы: «Идет наше судно из Мекки, капитан его — шейх Исмаил, он послан халифом шарифов в страну под названием Самудра».</p>
<p>А надо сказать, что султан Мухаммад был из числа потомков Абу Бакра Сиддика (да будет доволен им Аллах!). «А двинулись мы в путь по повелению Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)». [Услышав об этом, султан Мухаммад возвел на престол страны Ма'абри своего старшего сына, а затем вместе с младшим сыном облачился в одежды факира и покинул страну — вышел из двorca, взошел на корабль и сказал мореходам: «Везите меня в страну Самудра». И подумалось мореходам: «Видно, это и есть тот факир, о котором сказывал Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)». Они приняли его на корабль, и корабль отплыл.</p>	<p>А надо сказать, что султан Мухаммад был из рода Абу Бакра ас-Сиддика (да будет доволен им Аллах!). Султан приказал доставить шейху Исмаилу [на судно] всевозможные яства и лакомства. Когда яства доставили, султан возвел на престол своего сына себе на смену. Затем государь, взяв с собой младшего сына и надев на себя облачение факира, покинул дворец и поднялся на корабль. Обратившись к мореходам, он сказал: «Везите меня в страну Самудра!» Подумали мореходы: «Видно, это тот самый факир, о котором сказывал Пророк (мир ему!)». Когда факир был препровожден на корабль, судно двинулось в путь и некоторое время провело в плавании.</p>

Проведя в плавании некоторое время, они достигли страны под названием Фансури. Жители страны Фансури приняли ислам. На следующее утро факир сошел на берег с Кораном в руках и велел жителям страны Фансури читать его, но никто не сумел этого сделать. И подумал факир про себя: «Это не та страна, о которой говорил Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)».

И капитан Исмаил продолжил плавание. Спустя время они прибыли в страну под названием Ламири. Жители страны Ламири приняли ислам. Факир сошел на берег с Кораном в руках и велел жителям страны Ламири читать его, но никто не сумел этого сделать. Тогда факир поднялся на корабль и продолжил плавание.

Спустя время прибыли они в страну Хару. Жители страны Хару приняли ислам. Факир поднялся на корабль, принес Коран и велел местным жителям читать его, но никто не сумел этого сделать. Спрашивает факир у местных жителей: «А где находится страна, что зовется Самудра?» Говорят жители страны Хару: «Вы уже миновали ее». Факир взошел на корабль и поплыл дальше. Прибыв в Перлак, он обратился в ислам его жителей и отплыл в Самудру.

По прибытии в Самудру факир сошел на берег и встретил там Мерах Силоу, собиравшего на берегу кораллы. Спрашивает его факир: «Как зовется эта страна?» Отвечает Мерах Силоу: «Имя ее Самудра». Гово-

<p>рит факир: «А кто самый главный в этой стране?» Ответил Мерах Силоу: «Я здесь главнейший над всеми». И факир обратился Мераха Силоу в ислам и научил его читать <i>калимат шахада</i>. Приняв ислам, Мерах Силоу вернулся домой, а факир — к себе на корабль.</p>	<p>Ночью во сне явился Мераху Силоу Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!). И молвил Посланник Аллаха Мераху Силоу: «О, Мерах Силоу, открой рот пошире». Мерах Силоу открыл рот, и Пророк Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!) плюнул в рот Мераху Силоу. Проснулся Мерах Силоу и почувствовал, что его тело, словно нард, испускает благоухание.</p>
	<p>А тем временем Мераху Силоу приснился сон, будто некто взял его пальцами за подбородок и четырьмя пальцами прикрыл глаза, сказав при этом: «О Мерах Силоу, произнеси-ка слова свидетельства». Отвечает Мерах Силоу: «Я не знаю, как это делается». Тот сказал: «Открой-ка рот». Мерах Силоу открыл рот, тот плюнул туда, и [эта слюна] оказалась сладкой на вкус. Говорит он Мераху Силоу: «О Мерах Силоу, ты будешь зваться султаном Малик ас-Салехом. Произнеся слова свидетельства, ты стал мусульманином и имеешь право резать и есть всех живущих дозволенных животных, а тех, кто не был зарезан, не ешь. Через сорок дней придет корабль из Мекки. Во всех словах и поступках следуй предписаниям исламской веры, которым научат тебя мореходы, и делай все так, как они тебе скажут».</p> <p>Молвил Мерах Силоу: «А кто ты такой?» Ответил голос, явившийся во сне: «Я пророк и посланник Аллаха — Мухаммад (да благословит его Аллах!), из Мекки». Убрав руку с подбородка Мераха Силоу, посланник Аллаха сказал ему: «Наклони голову». Мерах Силоу склонился до земли — и пробудился ото сна. Видит он, что то, что внизу, [прошло обряд] очищения. И сказал он: «Свидетельст-</p>

	<p>вую, что нет божества, кроме Аллаха единственного, нет ему сотоварища, и свидетельствую, что Мухаммад — раб Его и посланец Его». Произнеся слова свидетельства, он прочел все тридцать джузов Корана наизусть, которые прежде не мог узнать ни от кого. Говорят тут приближенные и витязи: «Наш раджа произнес слова, смысл которых нам неизвестен».</p>
	<p>Рассказывает владылец этой истории: некоторое время спустя корабль шейха Исмаила прибыл в Телук Терли и бросил там якорь. Факир спустился на сушу и подошел к рыбакам. Спрашивает факир: «Как зовется эта страна?» Отвечают они: «Самудра». Говорит факир: «А кто в ней правит?» Отвечают рыбаки: «Правит тут Мерах Силоу, прозванный султаном Малик ас-Салехом». По завершении беседы рыбаки удалились, а факир поднялся к себе на корабль.</p>
	<p>Назавтра шейх Исмаил спустился на берег и направился в город к султану Малик ас-Салеху. Явившись к нему, шейх Исмаил сказал: «Ну-ка, султан, произнеси-ка слова свидетельства». Султан произнес: «*Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха единственного, нет ему сотоварища, и свидетельствую, что Мухаммад — раб Его и посланец Его*». Тут шейх Исмаил погладил свою бороду.</p>
<p>Наутро факир сошел на берег, неся с собой Коран, и приказал Мерах Силоу читать его. Мерах Силоу стал читать Коран, и факир сказал шейху Исмаилу — капитану корабля: «Вот это и есть страна Самудра,</p>	<p>На следующий день явился факир и принес с собой Коран — все тридцать джузов — и показал султану Малик ас-Салеху; тот почитательно принял его, благоговеино поднял над головой, а затем открыл и стал</p>

<p>о которой говорил Пророк Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует!)).»</p>	<p>читать, и не просил научить его, ибо все умел сам. При этом факир и шейх Исмаил воскликнули: «Хвала Аллаху, Господу миров!»</p> <p>Затем шейх Исмаил приказать созвать витязей и всех подданных — больших и малых, старых и молодых, мужчин и женщин. Когда все были в сборе, шейх Исмаил обучил их всех произносить слова свидетельства, и все они с охотой и искренней верой сделали это. Поэтому и Самудра стала называться Страной Даруссалам. С тех пор ее жителей никто не мог одолеть и причинить им вред, ибо они неустанно исполняли все обязанности, полагающиеся для обращенных в ислам.</p>
<p>Шейх Исмаил принес с корабля все привезенные им царские регалии и возвел Мераха Силоу на престол под именем султана Малик ас-Салеха.</p>	<p>Шейх повелел всем [собраться в?] Самудре Даруссалам. Когда доставили туда царские регалии, в урочный час витязи и воины явились пред лицо государя. Султан облачился в одежды, присланные в дар из Мекки, в честь своего восшествия на престол. Витязи выстроились рядами перед барабаном Ибрахима — Искренного Друга [Аллаха], глашатаи построились торжественным строем, а все чиновники заняли места, положенные им по их званию. Загremели коронационные барабаны, заиграл оркестр, прогремел пушечный залп, возвещая о восшествии раджи на престол, и витязи с воинами почтительно склонились перед его величеством, говоря: «Долгих тебе лет, владыка вселенной, тень Аллаха в мире». Когда государь был торжественно возведен на престол, витязи заняли свои места перед ним сообразно с достоинством каждого.</p>

<p>Было в этой стране двое вельмож, одного звали Сери Кайя, а другого — Бава Кайя. Оба они приняли ислам. Сери Кайя стал прозываться саййиди Али Гиятуддин, а Бава Кайя — саййиди Асмайуд[дин].</p>	<p>Вельмож же в этой стране было двое: Тун Сери Кайя и Тун Баба Кайя. Тун Сери Кайя стал зваться Саййид Али Гиятуддин, а Баба Кайя — [Саййид] Сеймамуддин.</p>
<p>Шейх Исмаил отплыл в Мекку, а факир остался в Самудре устанавливать ислам в этой стране.</p>	<p>Проведя некоторое время в Самудре Даруссалам, шейх Исмаил явился к султану Малик ас-Салеху, чтобы попроситься перед отправлением в обратный путь. Султан приготовил для халифа шарифов фидью: амбру, камфару, ладан, келембак и гвоздику, общим весом в сто бахара, — и преподнес все это шейху Исмаилу. Молвил султан: «О шейх, вот моя фидья, предназначенная халифу шарифов Мекки в зачет прежде не совершённых молитв Аллаху и в зачет заступничества пророка Мухаммада, посланца Аллаха, и в знак уважения к халифу шарифов». Затем шейх Исмаил поднялся на корабль и отплыл, а факир остался в Самудре, дабы утвердить в стране мусульманскую веру.</p>

РАССКАЗ ОБ ОБРАЩЕНИИ В ИСЛАМ ПРАВИТЕЛЯ ПАТАНИ¹

...Несколько лет государь пребывал на престоле, и родилось у него трое детей. Старшего сына звали Керуб Пичай Паина, среднюю дочь — Тунку Махачай, а младшего сына — Махачай Пайланг.

Спустя время занемог Пайя Ту Накпа — кожа на всем его теле потрескалась, и много ведунов и врачей пытались излечить его, но не смогли. Государь повелел первому министру бить в гонги, возвещая во всеуслышание по всей стране: тот, кому удастся излечить государя, того раджа берет себе в зятя. В ту пору государь очень страдал и от боли даже не мог сидеть. Первый министр откланялся и, усевшись в балейрунге², велел теменггунгу бить в гонги, как приказал владыка. Теменггунг тут же распорядился, чтобы били в гонги. И по всем уголкам страны семь дней звучали гонги, но никто не вызвался [излечить царя].

Бьющие в гонги шли-шли и наконец оказались близ кампунга, где обитали выходцы из Пасея, находившиеся тогда в своем молитвенном доме. Был среди них некий шейх Саид. Услышав звуки гонга, он вышел к воротам кампунга и спросил: «Почему вы бьете в гонги?» Отвечают те: «Разве тебе не известно — здешний государь болен, кожа на всем его теле потрескалась. Сколько всякие ведуны да врачеватели ни лечили его — все бестолку, и чувствовал он себя все хуже. Потому-то и повелел он бить в гонги и объявлять: того, кто возьмется и излечит царя, тот возьмет себе в зятя». Говорит шейх Саид: «Идите и доложите царю: зятем его я не хочу быть, но если царь согласится принять ислам, я смогу излечить его».

¹ Перевод выполнен нами с издания [Тееув, Wyatt 1970, с. 71–75].

² *Балейрунг* — приемный зал (павильон) во дворце правителя.

Услышал это главный глашатай — и поспешил передать теменггунгу слова шейха Саида. Тот тотчас же передал слова глашатаю первому министру. Первый министр явился пред лицо царя и сообщил ему это. Молвил государь: «Коли так, скорее приведи сюда этого пасейца».

Послали за шейхом Саидом, и тот явился пред лицо государя. Молвил государь: «Ты и впрямь берешься излечить меня от этой хвори?» Поклонился шейх Саид: «Если ты примешь исламскую веру, я вылечу тебя от нее, владыка вселенной». И молвил царь: «Если излечишь меня, я сделаю все, что ты ни попросишь».

Получив такое обещание царя, шейх Саид принялся его лечить. Спустя семь дней царь уже мог выйти, чтобы предстать перед своими министрами и витязями. А шейх Саид распрощался с государем и воротился к себе домой. Еще несколько дней прошло, и от болезни царя не осталось и следа. Но владыка не исполнил обещания, данного им шейху Исмаилу.

Прошло два года, и царь снова занемог — прежняя болезнь вернулась к нему. Приказал он призвать шейха Саида. Явился шейх Саид, и говорит ему государь: «Излечи мою болезнь, господин. Если на сей раз хвороба оставит меня, я исполню свое обещание». Говорит шейх Саид: «Если сдержишь данное мне слово, я вылечу тебя, государь. Ну а если не сдержишь, я не берусь лечить тебя». Услышав такие речи шейха Саида, царь торжественно обещал держать данное слово, и шейх Саид взялся за лечение. Спустя пять дней шейх Саид распрощался с государем и отправился восвояси. Спустя полмесяца болезнь отступила, но царь опять не исполнил данное шейху Саиду обещание.

Год спустя царь снова занемог, тяжелее, чем прежде, так что и на минуту не мог найти покоя. Повелел царь призвать шейха Саида. Говорит шейх Саид гонцу: «Ступай и доложи его величеству, не буду больше его лечить — он не сдержал данное мне слово». Вернулся гонец и передал царю слова шейха Саида. Сказал царь глашатаю: «Отправляйся к этому пасейцу и зови его сюда. Скажи ему: если излечусь я от этой хвори, непременно исполню то, что обещал. Клянусь именем идолов, которым я поклоняюсь, если нарушу данный мною обет, да не излечусь от своей болезни векеи».

Отправился глашатай и передал все сказанное царем шейху Саиду. Говорит шейх Саид: «Что же, пусть свидетелем тому станут идолы, но это в последний раз — больше я не буду братья за лечение царя». И шейх Саид пошел к царю. Явился он, и царь сказал:

«Вылечи меня еще раз. Если избавлюсь от своей хвори — исполню беспрекословно все, что ты мне скажешь». Говорит шейх Саид: «Хорошо, я излечу тебя. Но если по выздоровлении ты, государь, не примешь исламскую веру, болезнь вернется к тебе на следующий же день. Если даже ты решишь убить меня — я не против, но лечить тебя больше не буду». Молвил царь: «Хорошо, пусть будет по-твоему». И шейх Саид принялся за лечение царя. Спустя три дня шейх Саид распрощался с царем и удалился к себе домой. Прошло двадцать дней, и болезнь оставила царя.

Месяц миновал, и вот однажды царь восседал в приемном зале со своими министрами, витязями и всеми подданными. Молвил царь: «О министры и витязи! Я решил исповедовать исламскую веру — что скажете вы на это?» Отвечают они с поклоном: «Будь славен, государь, мы твои рабы и во всем покорны твоей воле». Слыша, что ответили ему министры и витязи, царь обрадовался и воротился к себе в покои.

На следующий день он послал главного глашатая за шейхом Саидом и велел бендахаре³ созвать министров, витязей и весь народ. Сам же он воссел в приемном зале пред лицом всех собравшихся. Явился тут шейх Саид, сопровождаемый глашатаем. При его появлении царь оказал ему всяческие почести и молвил: «Я призвал тебя, дабы исполнить свой обет и принять исламскую веру». Слыша эти слова царя, шейх Саид поцеловал ему руку и возложил ее себе на голову. Затем он научил его произносить слова свидетельства, звучащие так: *Asyhadu an la ilaha illa 'Llah waasyhadu anna Muhammadan rasulu' Llah*. И царь стал исповедовать исламскую веру. Когда царь произнес слова свидетельства, шейх Саид научил ей всех присутствующих там министров, витязей и иных подданных.

Обучив всех произносить слова свидетельства, шейх Саид сказал с поклоном: «О государь, владыка вселенной. Хорошо бы тебе называться исламским именем, дабы пророк Мухаммад помог тебе снискать еще большую благодать в мире ином». Молвил государь: «Коли так — нареки мне имя». И шейх Саид нарек царя именем султан Исмаил Шах Зиллуллах фи'-л'Алам. По наречении ему имени государь молвил: «Нареки теперь имена моим троим детям, дабы я стал настоящим мусульманином». Поклонился шейх Саид:

³ Бендахара — регент, вазир, наместник. Второе по значению лицо в государстве после правителя.

«Да будут мир и процветание с тобой, достославный владыка, дабы до конца времен дети и внуки твои пребывали на престоле страны Патани Даруссалам». Шейх Саид нарек детям царя имена: старшему дал имя султан Музаффар Шах, средней дочери — Ситти Айша, а младшему сыну — султан Мансур Шах. Когда шейх Саид нарек имена детям царя, государь щедро одарил его золотом, серебром и прекраснейшими тканями. Затем шейх Саид распрощался с царем и воротился к себе домой, близ молитвенного дома Пасейского кампунга.

Тогда все жители страны стали правоверными, а те, кто жил за ее пределами, не приняли исламской веры. И сам раджа хоть и принял ислам, не отменил поклонения идолам и употребление свинины. Другие обычаи неверных тоже остались при нем без изменения.

6

**КАК ПУЛАУ ПЕРЧА
ОДЕРЖАЛ ПОБЕДУ НАД МАДЖАПАХИТОМ**
(предания из других источников)

1. ...Много времени спустя яванцы вернулись, прибыли в Тан-джонг Бунга и привезли с собой огромных размеров буйвола (*kerbau*) и заявили царю: «Давайте устроим состязание с участием этого буйвола!». Бендахара ответил: «Хорошо, но только буйвол Его Величества еще мал, дайте нам три дня отсрочки». И те ответили: «Хорошо, да будет так». Затем бендахара и Индар Мах разыскали маленького буйволенка, стреножили его и три дня продержали без материнского молока. Затем к его голове привязали два острейших ножа.

По прошествии трех дней яванцы привели своего огромного буйвола, к рогам которого были привязаны острые ножи, и стали спрашивать, где же буйвол Его Величества и на каких условиях состоится состязание. Его Величество ответил: «Как вам заблагорассудится». Затем, обратившись к бендахаре, Его Величество молвил: «Приведите нашего буйвола».

Бендахара распорядился, чтобы матери буйволенка рядом не было, а затем вывел буйволенка. Едва увидев огромного буйвола, буйволенок решил, что это его мать, и со всех ног бросился к нему, потому что очень проголодался, принялся теревить брюхо буйвола и пытаться сосать, как он обычно делал, питаясь молоком матери. Большой буйвол отбежал и хотел достать маленького рогами, но не смог, потому что тот постоянно находился под его брюхом, пытаясь сосать. Под конец ножи, укрепленные на рогах буйволенка, распоролы брюхо большому буйволу, и после тщетных попыток спастись бегством он рухнул на землю и испустил дух. Так яванцы потерпели поражение, и победа досталась Его Величеству. Вот по-

чему земля эта зовется Менагкабау («Победа буйвола») до нынешнего дня.

Яванцы были посрамлены и хотели объявить войну Танджонг Бунга, но бендахара посоветовал его величеству: «Государь, не следует нам встречаться с яванцами на ратном поле: их ведь много, а нас пока мало. Давай вести переговоры, а тем временем мы придумаем какую-нибудь уловку». Его величество отвечал: «Сколь хитроумен ты, о бендахара! Поступай, как знаешь, я согласен». Тогда бендахара и объявил яванцам: «О могучие, да не будет между нами вражды! Мы дадим вам все, чего вы только ни пожелаете!». Яванцы ответили: «О бендахара, если такова ваша воля, чего вы теперь хотите?» Бендахара ответил: «Мы желаем лишь одного — угостить вас на славу и яствами, и напитками в знак нашей истинной приязни». И яванцы ответили: «Хорошо, только поторопитесь».

Тут бендахара распорядился о приготовлениях к пиру. Напитки — арак и перебродивший пальмовый сок — он велел разлить в сосуды из стеблей бамбука, края которых были обрезаны под острым углом. Каждому из яванцев слуга подавал такой сосуд, и каждый должен был выпить большой глоток перебродившего пальмового сока, широко раскрыв рот и запрокинув голову назад. В ту же минуту слуги одновременно вонзили бамбуковые стебли каждому в горло, и таким образом многие из них были убиты, а оставшиеся в меньшинстве спаслись бегством. Вскоре по округе стало распространяться зловоние от множества лежащих там трупов. Вот почему это место прозвали Паданг Си-Бусук¹, так оно зовется и поныне².

2. Могущественный яванский правитель прибыл в страну (Менагкабау) на корабле, нагруженном драгоценными товарами. Привез он с собой и *кербау* — быка с длинными и острыми рогами и хвастался, что тот может победить всех на свете. К местным жителям он обратился с вызовом — выставить против его быка животное, равное ему, и обещал в случае собственного поражения отдать им свое судно со всем добром, а в случае победы собирался стать их властелином. Хотя в том краю и не было буйвола, равного буйволу яванского правителя, вызов был принят, и состязание должно было состояться неделю спустя. За это время жители Менагкабау

¹ Букв. «Поле Гниющих».

² Отрывок из «Родословий правителей Пулау Перча». См. [Abstract 1822].

изготовили стальной гарпун с девятью остриями и нашли буйволенка, которого забрали у матери, чтобы он не мог получать молока.

Утром назначенного дня большого буйвола отвели на открытую площадку, где он начал щипать траву. Тут местные жители укрепили гарпун прямо над мордой буйволенка и отвели его на место состязания. Изголодавшийся буйволенок увидел огромного буйвола и в поисках пищи рванулся к нему, так что гарпун глубоко вонзился в тело буйвола, и тот испустил дух. С тех пор, как утверждают историки, этот народ зовется Менанг (победа) кабау (от *kerbau* — «буйвол»), а некоторые считают, что надо говорить Минангкабау, так как слово *pinang* относится к гарпуну с девятью остриями на носу животного³.

³ [Cole, Fay-Cooper 1945].

ЛИТЕРАТУРА

- Abstract 1822 — Abstract of the Genealogy of the Rajahs of Pulo Percha (Sumatra); from a M.S. in the Possession of the Sultan of Indrapura. — *Malayan miscellanies* 2. 1822, № XII, p. 1–16.
- Al-Attas 1972 — *Al-Attas S.M.N.* Islam dalam Sejarah dan Kebudayaan Melayu. Kuala Lumpur: University Kebangsaan Malaysia, 1972.
- Andaya 2008 — *Andaya Leonard Y.* Leaves of the Same Tree: Trade and Ethnicity in the Straits of Melaka. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008.
- Arnold 1913 — *Arnold T.W.* The Preaching of Islam. A History of the Propagation of the Muslim Faith. L., 1913.
- Azyumardi 2006 — *Azyumardi Azra.* Islam in the Indonesian World: An Account of Institutional Formation. Bandung, 2006.
- Bailey 1995 — *Bailey G.* (ed.). Gaṇeśapurāṇa: Upāsanākhaṇḍa. Wiesbaden, 1995.
- Bausani 1986 — *Bausani A.* Indonesia and Malaysia in the Travelogue of Ludovico de Varthema (d. 1517). — *Grijns C.D., Robson S.O.* (eds). Cultural Contact and Textual Interpretation. Papers from the Fourth European Colloquium on Malay and Indonesian Studies, Held in Leiden in 1983. Dordrecht-Holland/Cinnaminson-USA, 1986, p. 144–157.
- Cabaton 1912 — *Cabaton A.* Catalogue sommaire des manuscrits Indiens, Indo-Chinois et Malayo-Polynésiens de la Bibliothèque Nationale. P., 1912.
- Catalogue 2007 — Catalogue of Malay and Minangkabau Manuscripts in the Library of Leiden University and Other Collections in the Netherlands. Compiled by E.P. Wieringa. Vol. 2. Leiden, 2007.
- Ceridwen 2001 — *Ceridwen A.* The Silsilah Raja-Raja Perak: A Historical and Political Investigation into the Political Significance of a Malay Court Genealogy. — *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society.* 2001, vol. 74, pt 2.
- Chambert-Loir 1985 — *Chambert-Loir H.* (ed.). Cerita asal bangsa jin dan segala dewa-dewa. Bandung: Penerbit Angkasa & Ecole Française d'Extrême-Orient, 1985.
- Chambert-Loir 2006 — *Chambert-Loir H.* Malay Colophons. — *Indonesia and the Malay World.* November 2006, vol. 34, № 100.
- Chau Ju-Kua 1911 — *Chau Ju-Kua:* His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, Entitled "Chu-fan-chi". Translated from the

- Chinese and Annotated by Friedrich Hirth and W.W. Rockhill. St. Petersburg, 1911.
- Coedès 1989 — *Coedès G.* Les états indouisés d'Indochine et d'Indonésie. P., 1989.
- Cole 1945 — *Cole Fay-Cooper.* The Peoples of Malaysia. N.Y., 1945.
- Cortesao 1944 — *Cortesao A.* (tr., ed.). The Suma Oriental of Tome Pires: An Account of the East, from the Red Sea to China, Written in Malacca and India in 1512–1515 (Vol. II: Malacca). L., 1944.
- Cowan 1973 — *Cowan H.K.J.* La légende de Samudra. — Archipel. Etudes interdisciplinaires sur le monde insulindien. 1973, vol. 5, p. 253–286.
- Cummings 2002 — *Cummings W.* Making Blood White: Historical Transformation in Early Modern Makassar. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002.
- De Hikajat Atjeh 1958 — *De Hikajat Atjeh.* S'Gravenhage, 1958.
- Déroche 2005 — *Déroche François* et al. Islamic Codicology: An Introduction to the Study of Manuscripts in Arabic Script. L.: Al-Furqān Islamic Heritage Foundation, 2005.
- Drewes 1968 — *Drewes G.W.J.* New Light on the Coming of Islam to Indonesia? — Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde 124 (1968), no: 4. Leiden, p. 433–459.
- Drewes 1977 — *Drewes G.W.J.* Directions for Travellers on the Mystic path. Zaka-riyyā' al-Anṣārī's Kitāb Faṭḥ al-Raḥmān and Its Indonesian Adaptations. With an Appendix on Palembang Manuscripts and Authors. The Hague, 1977.
- Dulaurier 1849 — *Dulaurier Ed.* (ed.). Collection des Principales Chroniques Malayes. Premier fascicule. La chronique du Royaume de Pasey. P., 1849.
- Edgerton 1913 — *Edgerton F.* Pañcadivyaḍdhivāsa or Choosing a King by Divine Will. — Journal of the American Oriental Society. 1913, vol. 33.
- Gesick 1995 — *Gesick Lorraine.* In the Land of Lady White Blood. Southern Thailand and the Meaning of History. Ithaca, 1995.
- Gonda 1952 — *Gonda J.* Sanskrit in Indonesia. Nagpur: International Academy of Indian Culture, 1952.
- Guillot, Kalus 2008 — *Guillot C., Kalus L.* Les monuments funéraires et l'histoire du sultanat de Pasai à Sumatra. Cahier d'Archipel. P., 2008.
- Heng 2009 — *Heng Derek.* Sino-Malay Trade and Diplomacy from the Tenth through the Fourteenth Century. [S.l.], 2009.
- Hikayat Raja Pasai 1987 — Hikayat Raja Pasai. Dikaji dan diperkenalkan oleh Russell Jones. Kuala Lumpur: Fajar Bakti, 1987.
- Hikayat Raja Pasai 1999 — Hikayat Raja Pasai. Dikaji dan diperkenalkan oleh Russell Jones. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan dan Penerbit Fajar Bakti, 1999.
- Hill 1960 — *Hill A.H.* Hikayat Raja-raja Pasai, a Revised Romanized Version with an English Translation, an Introduction and Notes. — Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1960, vol. 33, pt 2.
- Ismail 2006 — *Ismail Sarah Mei.* From Negara to Kota: The Size and Structure of Southeast Asian Maritime Cities. A thesis submitted for the degree of Master in History. Department of History, National University of Singapore, 2006.
- Johns 1993 — *Johns Anthony H.* Islamization in Southeast Asia: Reflections and Reconsiderations with Special Reference to the Role of Sufism. — Southeast Asian Studies. June 1993, vol. 31, no. 1.

- Kratz 1989 — *Kratz E.U.* Hikayat Raja Pasai: A Second Manuscript. — *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1989, 62 (1):1–10.
- Kratz 2004 — *Kratz E.U.* Manuskrip kedua Hikayat Raja Pasai. — *Kratz E.U.* Segi-segi Karangan Melayu Tradisional. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2004, p. 130–144.
- Kratz 2004a — *Kratz E.U.* Konsep derhaka dalam Hikayat Hang Tuah. — *Kratz E.U.* Segi-Segi Karangan Melayu Tradisional. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2004, p. 191–225.
- Krom 1926 — *Krom N.J.* Hindoe-Javaansche Geschiedenis. Amsterdam, 1926.
- Lambourn 2003 — *Lambourn E.* From Cambay to Samudera-Pasai and Gresik — the Export of Gujarati Grave Memorials to Sumatra and Java in the Fifteenth Century C.E. — *Indonesia and the Malay World*. 2003, vol. 31, no. 90, p. 221–259.
- Lambourn 2008 — *Lambourn E.* Tombstones, Texts and Typologies: Seeing Sources for the Early History of Islam in Southeast Asia. — *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2008, vol. 51, p. 252–286.
- Liaw Yock Fang 1975 — *Liaw Yock Fang.* Sejarah Kesusasteraan Melayu Klassik. Singapura, 1975.
- Manguin 2002 — *Manguin P.Y.* The Amorphous Nature of Coastal Polities in Insular Southeast Asia: Restricted Centres, Extended Peripheries. — *Moussons* 5. 2002, p. 73–99.
- Marre 2004 — *Marre A.* Histoire des Rois de Pasey (Hikayat Raja Pasai), traduction d’Aristide Marre de 1874, présentation et notes par Monique Zaini-Lajoubert. Toulouse: Anacharsis Éditions, 2004.
- Marrison 1951 — *Marrison G.E.* The Coming of Islam to the East Indies. — *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1951, vol. 24, pt 1.
- Maxwell 1881 — *Maxwell W.E.* Two Malay Myths: The Princess of the Foam and the Raja of the Bamboo. — *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. New Series*. Oct. 1881, vol. 13, no. 4.
- Mead 1914 — *Mead J.P.* (ed.). Hikayat Raja-raja Pasai (romanized). — *Journal of the Straits Branch of The Royal Asiatic Society*. 1914, 66.
- Miller 1992 — *Miller R.E.* Mappila Muslims of Kerala. A Study in Islamic Trends. [S.l.], 1992.
- Milner 1982 — *Milner A.C.* Kerajaan: Malay Political Culture on the Eve of Colonial Rule. Tucson: University of Arizona Press, 1982.
- Moquette 1912 — *Moquette J.P.* De Grafsteenen te Pasé en Grissee vergeleken met dergelijke monumenten uit Hindoestan. — *Tijdschrift voor Indische taal-, land- en volkenkunde*. 1912, 54, p. 536–548.
- Othman 2009 — *Othman Hussain.* Malay Historical Thought. Universiti Tun Hussein Onn Malaysia, 2009.
- Pijnappel 1872 — *Pijnappel J.* Over de Kennis, die de Arabieren voor de Komst der Portugeezen van den Indischen Archipel Bezaten. — *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*. 1872, vol. 19, p. 135–158.
- Ras 1968 — *Ras J.J.* Hikajat Bandjar. A Study in Malay Historiography. S’Gravenhage, 1968.

- Ricklefs, Voorhoeve 1982 — *Ricklefs M.C., Voorhoeve P.* Indonesian Manuscripts in Great Britain: Addenda et corrigenda. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. June 1982, vol. 45, issue 45.
- Samad Ahmad 1979 — *Samad Ahmad A.* (ed.). Sulalatus Salatin (Sejarah Melayu). Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1979.
- Sauvaget 1948 — *Sauvaget J.* Akhbar al-Sin wa'l-Hind. P., 1948.
- Schrieke 1955 — *Schrieke B.J.O.* Indonesian Sociological Studies. The Hague-Bandung, 1955.
- Shorter Encyclopaedia of Islam 1995 — Shorter Encyclopaedia of Islam. Edited on behalf of the Royal Netherlands Academy by H.A.R. Gibbs and J.H. Kramers. Fourth impression. Leiden — New York — Köln: Brill, 1995.
- Siti Hawa Saleh 1991 — *Siti Hawa Saleh* (ed.). Hikayat Merong Mahawangsa. Kuala Lumpur: Penerbit Universiti Malaya, 1991.
- Skeat 1900 — *Skeat W.W.* Malay Magic: An Introduction to the Folklore and Popular Religion of the Malay Peninsula. L.-N.Y., 1900.
- Sumatra 1874 — Sumatra. Histoire des Rois de Pasey, traduite et annotée par Aristide Marre. P., 1874.
- Sweeney 1994 — *Sweeney A.* Malay Word Music. A Celebration of Oral Creativity. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1994.
- Sweeney 2011 — *Sweeney A.* Pucuk Gunung Es. Kelisanan dan Keberaksaraan dalam Kebudayaan Melayu-Indonesia. Jakarta, 2011.
- Taslim 2010 — *Taslim Noriah.* Lisan dan Tulisan. Teks dan Budaya. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2010.
- Teeuw 1964 — *Teeuw A.* Hikayat Raja-Raja Pasai and Sejarah Melayu. — *Bastin J., Roolvink R.* (eds). Malayan and Indonesian Studies. Oxf., 1964, p. 222–234.
- Teeuw, Wyatt 1970 — *Teeuw A., Wyatt D.K.* (ed.). Hikayat Patani (The Story of Patani). The Hague, 1970.
- Teuku Ibrahim Alfian 1973 — *Teuku Ibrahim Alfian.* Kronika Pasai, Sebuah Tinjauan Sejarah. Yogyakarta: Gajah Mada Universiti Press, 1973.
- The Pasai Chronicle 2013 — The Pasai Chronicle. A Revised and Annotated Translation by Russell Jones. Institut Terjemahan dan Buku Malaysia. Kuala Lumpur, 2013.
- Tibbets 1979 — *Tibbets G.R.* A Study of the Arab Texts Containing Material on South-East Asia. Oriental Translation Fund. New Series. 1979, vol. XLIV. L.: E.J. Brill (published for the Royal Asiatic Society).
- Tuuk van der 1866 — *Tuuk van der H.N.* Kort verslag der Maleische handschriften toebehoorende aan de Royal Asiatic Society te Londen. — Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. 1866, vol. 13, pt 1.
- Voyages d'Ibn Batoutah 1879 — Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Dr B.R. Sangunetti. Vol. IV. P., 1879.
- Wessing 1990 — *Wessing R.* Sri and Sedana and Sita and Rama: Myths of Fertility and Generation. — Asian Folklore Studies. 1990, vol. 49, p. 235–257.
- Winstedt 1935 — *Winstedt R.O.* A History of Malaya. — Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1935, vol. 13, pt 1.

- Winstedt 1938 — *Winstedt R.O.* The Chronicles of Pasai. — Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. July 1938, vol. 16, pt I, p. 24–30.
- Winstedt 1938a — *Winstedt R.O.* The Malay Annals or Sejarah Melayu. — Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1938, vol. 16, pt III, p. 1–225.
- Wolters 1967 — *Wolters O.W.* Early Indonesian Commerce: A Study of the Origins of Sri Vijaya. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1967.
- Wright 1886 — *Wright T.* (ed.). The Travels of Marco Polo the Venetian. The Translation of Marsden Revised with a Selection of His Notes. L., 1886.
- Yule 1875 — *Yule H.* The Book of Ser Marco Polo. Vol. 2. L., 1875.
- Акимушкин 1984 — *Акимушкин О.Ф.* Заметки о персидской рукописной книге и ее создателях. — Очерки истории культуры Средневекового Ирана. Под ред. О.Ф. Акимушкина. М., 1984.
- Брагинский 1983 — *Брагинский В.И.* История малайской литературы VII–XIX вв. М., 1983.
- Винстедт 1966 — *Винстедт Р.О.* Путешествие через полмиллиона страниц. История малайской классической литературы. М., 1966.
- Горяева 1979 — *Горяева Л.В.* Соотношение устной и письменной традиции в малайской словесности. М., 1979.
- Грязневич 1960 — *Грязневич П.А.* Арабский аноним XI в. Изд. текста, пер., введение в изучение памятника, коммент. М., 1960.
- Ислам 1991 — Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
- История стран зарубежной Азии в средние века 1970 — История стран зарубежной Азии в средние века. М.: Наука, 1970.
- Памятники малайской книжности XV–XVII вв. — Памятники малайской книжности XV–XVII вв. «Повесть о победоносных Пандавах». Бухари ал-Джаухари «Корона царей». Пер. с малайского, исслед., коммент., прил. и указ. Л.В. Горяевой. М., 2011.
- Парникель 1980 — *Парникель Б.Б.* Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М., 1980.
- Повесть о ханг Туахе 1984 — Повесть о ханг Туахе. Пер. с малайского, предисл., примеч. Б.Б. Парникеля. М., 1984.
- Погадаев 2012 — *Погадаев В.А.* Малайский мир (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур). Лингвострановедческий словарь. М., 2012.
- Пропп 1969 — *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Изд 2-е. М., 1969.
- Ревуненкова 2008 — *Ревуненкова Е.В.* Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее историческое значение. СПб., 2008.
- Сказание о сери Раме 1961 — Сказание о сери Раме. Индонезийская Рамаяна. Пер. Л.А. Мерварт. М., 1961.
- Холл 1958 — *Холл Д.Дж.Е.* История Юго-Восточной Азии. М., 1958.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ «ПОВЕСТИ О РАДЖАХ ПАСЕЯ»

- Абу Бакр ал-Сиддик — первый из четырех «праведных» халифов, соратник пророка Мухаммада 49, 77, 127, 155, 165
- Али — зять и сподвижник пророка Мухаммада, четвертый «праведный» халиф 27, 49
- Али — единоборец, друг Туна Браима Бапы 95, 100
- Арак Апи — слон султана Ары 105
- Ахмад Перумудал Перумал, султан — сын султана Малик ал-Махмуда 21, 38–42, 47, 51, 52, 54, 55, 57, 58, 60, 62–64, 88, 89, 92–95, 100–102, 104, 106, 108, 109, 111–115, 120, 121, 126, 153, 161–163
- Ахмад, раджа — один из двух братьев — основателей династии правителей Пасея 36, 47, 62, 69–72, 135–139, 153
- Баба Ментуа — один из министров султана Ахмада 93, 102
- Баранг Лаксамана — витязь Малик ал-Мансура 86, 87
- Бермамат Пантей — слуга султана Ахмада 94, 97, 99, 100, 102–105, 107, 130
- Бегунг — «принцесса-из-бамбука», супруга Мераха Гаджаха 36, 41, 43, 69, 72, 137, 138, 153
- Бирам Пасей — слон султана Ары 105
- Буджанг Сакалис — слон, на котором ребенком восседал Мерах Гаджах 71
- Буджангга Баджа Райя — один из приближенных султана Ахмада 95, 97
- Васат Макам — военный музыкант из окружения Туна Браима Бапы 96
- Васат Перак — военный музыкант из окружения Туна Браима Бапы 97
- Гаджах Мада, патих — военачальник владыки Маджапахита 58, 59, 115–118
- Ганганг — принцесса Перлака, супруга Малик ас-Салеха 81, 82
- Гемеренчанг, раден Галух — принцесса, дочь владыки Маджапахита 40, 42, 57, 93, 110–113
- Дара Зулайха Тингкап (Тун Дерма Дикара) — наложница султана Ахмада 53, 54, 96–99, 101
- Дара Сипир — один из приближенных Туна Браима Бапы 98
- Дола Лаут — слон султана Ары 87

- Ибрахим Халил, коронационный барабан 79, 127
Исмаил, шейх — мекканский шариф, посланный с миссией в Пасей 37, 77–79, 155, 156, 164–166, 168–170, 172
- Кетеменгунган, патих — сановник правителя Пулау Перча (области минангка-бай) 118, 119
- Малик Акасан — единоборец, друг Туна Браима Бапы 95, 107–109, 114
Малик Сулайман Денданг Аир — один из приближенных султана Ахмада 93, 102, 103
Малик ал-Мансур — младший сын султана Малик ат-Тахира 20, 37, 38, 50, 58, 63, 84–86, 88–91, 153, 157, 158, 161–163
Малик ал-Махмуд — старший сын султана Малик ат-Тахира 20, 37–39, 41, 50, 58, 63, 84, 86–92, 153
Малик ан-Насир — правитель страны Бенуа 36, 75, 76, 121
Малик ас-Салех — *см. тж.* Мерах Силоу — султан, первый мусульманский правитель Пасея 16, 18, 20, 21, 37, 38, 47, 49, 51, 58, 78, 85, 127, 153, 156–158, 167–170
Малик ат-Тахир — сын султана Малик ас-Салеха 20, 37, 41, 49, 50, 63, 83, 84, 157, 158, 160–163
Малим Зайнал Бератап — друг Туна Браима Бапы 103, 105, 106
Малим Пагар Сесах — друг Туна Браима Бапы 103, 105
Мачан Негара — военачальник владыки Маджапахита 115, 116
Мегат Кедах — брат Мегата Секандара 75
Мегат Секандар — правитель страны Булух Теланг 36, 48, 74–76, 120, 126
Медана Пантей — слуга султана Ахмада 94, 95, 97, 99, 100, 102–105, 107, 130
Мерах Гаджах — приемный сын раджи Ахмада 36, 41, 44, 71, 72, 125, 153
Мерах Силоу (Силу, Сило) — *см. тж.* Малик ас-Салех 36, 37, 45–48, 62, 64, 72–78, 125, 126, 154, 156, 166–169
Мерах Хасум — младший сын Мераха Гаджаха и принцессы Бегунг 36, 41, 45, 46, 58, 64, 72–74, 153
Муда Беси — слон султана Ары 87
Мухаммад (пророк) 27, 36, 37, 46, 47, 49, 76, 78, 79, 127, 132, 135, 143, 144, 164, 170, 173
Мухаммад, раджа — один из двух братьев — основателей династии правителей Пасея 36, 47, 62, 69–72, 126, 135, 137–139, 141, 153
Мухаммад, султан Менгири 77, 121
- Оранг Тикар — слуга Туна Браима Бапы 95, 96, 98, 99, 103, 107
- Пермадабуана — слон Малик ас-Салеха 157
Перман Исап — слуга Туна Браима Бапы 95, 96, 99, 103, 107
- Равана Пематанг — единоборец, друг Браима Бапы 87, 95, 114
Раджа Беруанг — слон султана Ары 105
Раджа Тангкас — слон султана Ары 105

- Саййид Али Гиатуддин — наставник Малик ал-Махмуда 37, 38, 50, 84–86, 89
Саййид Асмайуддин — наставник Малик ал-Мансура («Малайские родословия») 156–158, 161–163, 170
Саййид Семайамуддин — наставник Малик ал-Мансура 37, 38, 79, 84, 85, 88–91, 170
Семпурна Дерма Утама — слон султана Ары 105
Сенапати Инг Лага — военачальник владыки Маджапахита 113–117
Сери Негри — слон султана Ары 105
Си Акап Гагах Менгангат — друг Туна Браима Бапы 103, 105, 106
Си Али Кечил Пахат Путар — друг Туна Браима Бапы 103, 105, 106, 114
Си Бинтанг Тимур — друг Туна Браима Бапы 103, 105, 106
Си Пасей — пес султана Малик ас-Салеха 37, 45, 77, 83, 84, 151, 154, 157
Синга Перкуаса — военачальник владыки Маджапахита 115, 116
Суатанг, патих — правитель Пулау Перча (области минангкабау) 118, 119
Сулейман Денданг Аир — один из министров султана Ахмада 93, 102, 103
Талак Седжанг — военачальник раджи Сиама 86, 87
Тулус Агунг Туканг Сукара — один из министров султана Ахмада 38, 89–91, 93, 94, 102, 113, 131, 161, 162
Тун Абдул Джалил — средний сын султана Ахмада 39, 40, 42, 52, 57, 58, 62, 93, 102, 109–113, 147, 148, 153
Тун Абдул Фадил — младший сын султана Ахмада 39, 52, 93, 102, 153
Тун Баба Кайя *см.* Саййид Семайамуддин
Тун Биджайя (Джайя) Панглиран — военачальник султана Ахмада 95
Тун Браим Бапа — старший сын султана Ахмада 39–42, 51, 52, 54–58, 63, 93–109, 111, 113, 121, 129, 130, 153
Тун Буайя Панглиран — военачальник султана Ахмада 113
Тун Медам Периа — дочь султана Ахмада 52, 93, 94, 107, 112
Тун Панглима Пематанг *т.ж.* Тун Равана Пематанг — военачальник раджи Сиама 87, 95, 114
Тун Хариа Джонг — военачальник раджи Сиама 87
Тун Перпатих Джена — витязь принцессы Гемеренчанг 110
Тун Перпатих Пандак — доверенное лицо раджи Перлака 82, 157
Тун Сери Кайя *см.* Саййид Али Гиатуддин
Тун Таких Дара — дочь султана Ахмада 52, 93, 94, 107, 112
Тун Фатима Лемпоу (*т.ж.* Темиан Лайанган) — наложница султана Ахмада 101
Тун Хариа Бенунг — витязь султана Малик ан-Насира 76
Тун Шах Алам Кота — один из министров султана Ахмада 93, 97
Чермин Чина — слон султана Ары 105
Шах Алам Кота — один из министров султана Ахмада 93

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В «ПОВЕСТИ О РАДЖАХ ПАСЕЯ»

- Андами — область сев. Суматры в верховьях р. Пасей 88
Ара, Танджунг — область сев. Суматры (вероятно, в бассейне р. Пасей) 105, 106
- Багор (Богор) — город на западе Явы 120
Балик Римба — местность или селение вблизи Пасея 70, 120, 125
Бали — о-в, вассал Маджапахита 116, 122
Бандан — о-ва Банда к югу от Молукк, вассал Маджапахита 122
Бангка, о-в на восток от Суматры, вассал Маджапахита 54, 95, 100, 114, 116, 121
Банджармасин — портовый город на юге о. Калимантана (Борнео), вассал Маджапахита 44, 116, 121
Барах Букит — местность или селение вблизи Пасея 95
Барус — портовый город на зап. побережье Суматры 14, 76, 121
Бедил — местность или селение вблизи Пасея 100
Белатап — местность или селение вблизи Пасея 103
Белитунг — о-в к востоку от Суматры, вассал Маджапахита 116, 121
Бенуа — область на сев. Суматре, местоположение не установлено 75, 121
Берау — портовый город на восточном побережье Калимантана, вассал Маджапахита 121
Бима — область на восточной оконечности о-ва Сумбава, вассал Маджапахита 122
Бинтан — о-в в архипелаге Риау, южнее Сингапура; вассал Маджапахита 116, 121
Бируан — местность к западу от устья р. Пасанган 36, 45, 73, 120, 126
Бламбанган — портовый город на юго-востоке Явы; вассал Маджапахита 116, 122
Булух Теланг — область на южной Суматре, местоположение не установлено 74, 75, 120
Бунгуран — крупнейший остров в архипелаге Натуна Бесар в Южно-Китайском море 116, 121
- Демак — область на Яве близ современного Семаранга 22, 30, 120
Джамби — область центр. Суматры, вассал Маджапахита 40, 115, 118, 120, 121
Джамбу Аир — порт в устье р. Джамбу Аир, на восточном побережье сев. Суматры 40, 82, 90, 112, 121, 128, 136, 145, 161, 162

- Джемаджа — один из двух крупнейших островов в арх. Анамбас в Южно-Китайском море 116, 121
- Каранг — область в верховьях р. Пасанган, сев. Суматра 74
- Каримата — о-в у зап. побережья Калимантана; вассал Маджапахита 116, 121
- Келинг — юго-восточное побережье Индии 37, 39, 52, 57, 82, 92–95, 99–101, 109, 114
- Кербау Кампунг — местность или селение на сев. Суматре 74, 126
- Кота Варингин — портовый город на юго-зап. побережье Калимантана; вассал Маджапахита 116, 121
- Кубу («крепость») — возможное местоположение — вблизи Самудры на сев. Суматре 76
- Кукур — о-в вблизи Пасея, его вассал 95, 100, 114
- Кумат — местность или селение на сев. Суматре 76
- Кутей — государство на восточном побережье Калимантана близ устья р. Махакам; вассал Маджапахита 116, 121
- Ланггар — местность вблизи Пасея 54, 95, 100, 114
- Ларантока — область на востоке о. Флорес; вассал Маджапахита 116, 117, 122
- Лаут — остров в Южно-Китайском море, в архипелаге Натуна Бесар 116, 121
- Лингга — о-ва к юго-востоку от Сингапура и центральный о-в того же наименования; вассал Маджапахита 116, 121
- Маджапахит — островная империя XIII–XVI вв. со столицей на Вост. Яве 11, 21, 22, 33, 40–43, 48, 49, 57–59, 93, 110, 111, 113–119, 121, 132, 175
- Мангганг — берег близ устья одной из рек (возможно, р. Пасей); вариант — зап. побережье сев. Суматры 103, 104
- Менгири (Ма'абри) — Коромандельское побережье п-ова Индостан 17, 37, 76, 77, 121, 126, 164
- Мендуга — глубинная область сев. Суматры 114
- Минангкабау — топоним и этноним, обозначающий область в горных районах на западе центр. Суматры 59, 129, 132
- Паданг Майя — предположительно, местность на побережье сев. Суматры близ Джамбу Аир 91, 162, 163
- Паданг Паух Бенгкок — поле вблизи Пасея 115
- Паданг Си Бусук — поле в области минангкабау 120, 176
- Пасанган — река, берущая исток в пресном озере Лаут Тавар и впадающая в Малаккский пролив 36, 74, 80, 140, 154
- Пасей *passim*
- Пасир — портовый город на юго-восточном побережье Калимантана; вассал Маджапахита 116, 121
- Пекан — область вблизи Пасея 121
- Пекерсанг — область сев. Суматры 76
- Пеманггилан — о-в у побережья Джохора; вассал Маджапахита 121
- Перлак — область на вост. побережье сев. Суматры 18, 37, 80–82, 121, 127, 128, 156, 157, 166
- Пертама Терджун — лес в глубинном районе сев. Суматры 76

- Перча (пулау) — зд. область центр. Суматры, место обитания народности минангкабау 11, 40, 42, 59, 117, 119, 120, 175, 176
- Парианган — место состязания яванцев с минангкабау 118, 119
- Рама Ганди — город в устье р. Джамбу Аир 82, 121
- Риау — архипелаг и одноименное государство, вассал Маджапахита 116, 121
- Римба Джерана — вероятно, место в глубине материка против Пасея 75, 77
- Самарланга — место на запад от Пасея 19, 36, 45, 69, 120, 126
- Самбас — место на зап. побережье Калимантана; вассал Маджапахита 116, 121
- Самудра (Негри Дарулсалам) — место вблизи Лхоксёмаве на вост. побережье сев. Суматры 19, 36–38, 46, 47, 50, 59, 61–66, 76–86, 89, 121, 126, 128, 135, 153, 155–161, 164–166, 168–170
- Сангунг — омут, предположительно на р. Пасей 104
- Сангунг — гора («Малайские родословия») 154
- Селапаранг — второе название о-ва Ломбок на восток от Явы 116, 122
- Семенда — река, местоположение неизвестно (сев. Суматра) 74
- Самарканд 93
- Серасан — о-в у зап. побережья Калимантана; вассал Маджапахита 116, 121
- Сиам 38, 56, 86, 87, 103, 105, 146
- Сиантан — один из двух крупнейших островов в архипелаге Анамбас в Южно-Китайском море 116, 121
- Симпанг — река вблизи Пасея 98, 120
- Сиран (ныне именуется Серам) — о-в в море Банда 116, 122
- Суби — о-в у зап. побережья Калимантана; вассал Маджапахита 116, 121
- Сукадана — государство на зап. побережье Калимантана; вассал Маджапахита 121
- Сумбава — один из Малых Зондских о-вов на восток от Явы 49, 122
- Сунгей Рахат — местоположение неизвестно 54, 102
- Тамбелан — главный остров архипелага Тамбелан между с.-з. оконечностью Калимантана и Сингапуром 116, 121
- Телавас — гора в глубинном районе сев. Суматры 76
- Телук Терли — бухта близ совр. Лхоксёмаве 78, 94, 168
- Теманг — место на вост. побережье сев. Суматры, на север от Телук Ару 91
- Тингги (пулау) — о-в у вост. побережья Малаккского п-ова 116, 121
- Туви (Гедонг) — озеро 149
- Тукас — вероятно, небольшое селение вблизи Пасея 52, 53, 94–97, 99, 101–103, 121, 130
- Турей — омут 103, 108
- Уджунг Танах — область на юж. оконечности Малаккского п-ова; вассал Маджапахита 40, 121
- Фудулаллах — гора или холм в верхнем течении р. Пасей 39, 56, 104, 108, 109
- Хару (Ару) — страна на вост. побережье сев. Суматры 46, 156, 166
- Чина (кампунг) — селение на сев. Суматре вблизи Пасея 95, 100, 114

SUMMARY

The Malay “Chronicle of the Kings of Pasai” (14th century)

Russian translation, research article,
comments and addenda by L.V. Gorjaeva

The Story of the Kings of Pasai (*Hikayat raja Pasai*) is the earliest Malay chronicle and perhaps the earliest work written in Malay. It speaks of the first Malay kingdom that embraced Islam (Samudera Pasai, North Sumatra), and covers the period from the mid-13th to the mid-14th century. The chronicle’s text, edited and published by the British researcher Russell Jones (*Hikayat Raja Pasai*. Kuala Lumpur, 1999), became the basis for the Russian translation. When necessary, the text of this edition was compared to the facsimile of this manuscript, as well as to another one (incomplete) published on the website of the British Library.

In her research article, L.V. Gorjaeva compares various historical sources on North Sumatra of that period and estimates the degree of their reliability. The authenticity of the events described in the chronicle is confirmed by European and Asian travellers’ testimonies and by the dated gravestones of the main characters of the chronicle remaining in North Sumatra. The role of Pasai in the spread of Islam in the Indonesian Archipelago is also emphasized in other Malay historical works.

The mythological motives of the story have much in common with similar episodes of some other Malay chronicles and legends (the so-called “origin myth”). A comparison of the *Hikayat raja Pasai* with its oral version (“The Legend of Samudera”) written down in the province of Aceh less than a century ago testifies that the original kernel of the

story covered only the events connected with Pasai, without mentioning the Javanese empire Majapahit and its conflict with Pulau Perca.

An important feature of the chronicle is that it belongs both to the historical and the literary tradition, being closely connected with mythology and oral epics of the Malay world. Therefore, the Story of the Kings of Pasai became a model for a number of later literary works — in particular, for the “mirrors-for-princes” genre.

Научное издание

Повесть о раджах Пасея

*Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии
«Памятники письменности Востока»*

Редактор *Н.Г. Михайлова*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.И. Чернышева*

Подписано к печати 19.11.15
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 12,2. Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 500 экз. Изд. № 8601. Зак. № 1858

Академиздатцентр «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Издательская фирма
«Восточная литература»
119049, Москва, Мароновский пер., 26
www.vostlit.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-036610-7

9 785020 366107

